

Е. Е. Иванов

# ЛИНГВИСТИКА АФОРИЗМА

Могилев

МГУ имени А. А. Кулешова

2016

*Электронный аналог печатного издания:*

Е. Е. Иванов

Лингвистика афоризма

Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.

ISBN 978-985-568-148-0

В учебном пособии содержится изложение основных проблем лингвистического изучения афоризма: дифференциации разновидностей афоризма и аспектов его описания как речевого жанра, определения языковых свойств афоризма, систематизации афористического материала языка и речи, семантической классификации афоризмов, описания способов функционирования их в речи на материале русского, белорусского, польского, английского, а также других языков. Приводятся контрольные вопросы и задания по каждой теме, рекомендуемая учебная, научная и справочная литература.

Для студентов филологических специальностей высших учебных заведений.

УДК 81'27(075.8)

ББК 81.006я73

Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Е. Е. Иванов – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 3 экз.

212022, г. Могилев  
ул. Космонавтов, 1  
тел.: 8-0222-28-31-51  
e-mail: alexpzn@mail.ru  
<http://www.msu.mogilev.by>

ISBN 978-985-568-211-1  
(электронное издание)

© Иванов Е. Е., 2016  
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2016  
© МГУ имени А. А. Кулешова,  
электронный аналог, 2016

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Афоризм как уникальное вербальное средство и продукт познания действительности посредством обобщения ее отдельных частных явлений и разнообразных связей между ними с давних времен широко используется во многих сферах духовной и социальной жизни человека. Афоризмы распространены в языке фольклора и художественной литературы, религиозных и философских произведений, в сфере научно-технической коммуникации, юридических и публицистических текстах, в ораторской и обиходной речи.

Афоризмы издавна, еще с досократовских времен, являлись предметом философского, а впоследствии и филологического осмысления. Так, роль общих (в том числе афористических) суждений в построении текстов разных жанров подробно описывалась в античных риториках и грамматиках, что нашло свое продолжение и в последующей европейской филологической традиции. Однако общепринятого определения понятия афоризма в европейской филологии до сих пор еще не сформировалось.

С одной стороны, укоренилось мнение считать афоризмами только литературные произведения в виде отдельного “жанра изречений” либо в качестве “вводных изречений” в художественных и публицистических текстах и обладающие рядом специфических признаков (глубиной мысли, высокохудожественной формой, остроумием, парадоксальностью и т. п.). Такой подход, во-первых, существенно сужает объем афоризмов до узкой группы литературных изречений, обладающих определенным признаком, во-вторых, не позволяет однозначно отграничить афоризм от смежных с ним жанровых форм – сентенций, максим, парадоксов и под., а в-третьих, противопоставляет литературные афоризмы пословицам, которые тем самым исключаются из области афористики как отрасли филологического знания и, соответственно, не квалифицируются как афоризмы.

С другой стороны, сложилась устойчивая практика (в основном в обиходной речи) называть афоризмом всякое краткое изречение либо принадлежащее какому-нибудь автору, либо анонимное (в том числе и фольклорного происхождения)<sup>1</sup>. Однако такое определение афоризма не может быть принято в системе лингвистического знания (даже в качестве аксиоматического), во-первых, в силу методологического противоречия (несовпадения понятий обыденной и научной картин мира), а во-вторых, в силу своего излишне общего характера (в противном случае афоризмами придется признать все лаконичные фразы безотносительно наличия в них обобщения действительности).

<sup>1</sup> В русском языке, например, такая традиция фиксируется еще с середины XVIII века. Ср.: в первом академическом словаре русского языка: “Афоризмъ. Греч. Краткое правило, котораго истинна основана на опытѣ и на разсужденіи, и которае въ краткихъ словахъ содержать много смысла” (Словарь Академіи Россійской. Санктъ-Петербургъ, 1789. Ч. 1. С. 63).

В современной европейской филологической традиции содержание понятия афоризма во многом под влиянием обиходно-речевой практики оказалось настолько выхолощенным, что вызвало во второй половине XX века на очередном научном конгрессе предложение вообще отказаться от употребления в качестве термина слова *афоризм* (а также слов *максима*, *сентенция* и под., которые в различных европейских языках приобрели разные значения) и заменить их одним термином *rhumbs*, который был придуман П. Валери для названия своих книг изречений “*Rhumbs*” (1926) и “*Les Autres Rhumbs*” (1934)<sup>1</sup>. Такой радикальный подход объясняется как эпистемологической сложностью афоризма как объекта научного изучения, который в разных национальных литературных и фольклорных системах развивался и интерпретировался по-разному, так и его недостаточным теоретическим осмыслением.

Если свести воедино основные дефиниции понятия “афоризм”<sup>2</sup>, то его можно определить как изречение (принадлежащее известному автору или анонимному), в котором сжато, емко, обобщенно и, как правило, в стилистически изощренной, часто аллегорической, высокохудожественной форме выражена законченная мысль директивного (поучительного) или декларативного (констатирующего) характера, в основном социально значимой тематики, глубокого и вместе с тем часто остроумного или даже парадоксального содержания.

В самом же общем смысле (исходя из критериев, встречающихся во всех или в большинстве существующих определений) афоризм – это краткое изречение в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль теоретически (или практически) значимого содержания. Такое понимание афоризма позволяет не только очертить его границы как высказывания определенного типа (речевого жанра), но и дифференцировать афоризм в кругу смежных с ним речевых и языковых единиц.

Совокупность знаний об афоризме представляет собой сравнительно молодую специализированную отрасль гуманитарного знания<sup>3</sup>, которая все бо-

<sup>1</sup> Mautner F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen // Actes du IV-e Congrès de l'Association internationale de littérature comparée (Fribourg, 1964). Vol. II: Termes et notions littéraires: imitation, influence, originalité / réd. par F. Jost. The Hague; Paris, 1966. P. 812–819.

<sup>2</sup> Ср., например, дефиниции афоризма в таких авторитетных справочных изданиях, как “Encyclopedia Britannica” (1965), “Brockhaus Enzyklopädie” (1966), “Grand Larousse encyclopedique” (1966), “Большая Советская Энциклопедия” (1970), “Meyers Enzyklopädisches Lexikon” (1971), “Беларуская Энцыклапедыя” (1996) и др.

<sup>3</sup> Становление собственно научного изучения афоризма связано прежде всего с его литературоведческой интерпретацией в западноевропейской филологии, например, см.: Levraut L. Maximes et portraits. Evolution du genre. Paris, 1908; Berendsohn W.A. Stil und Form der Aphorismen Lichtenbergs. Ein Baustein zur Geschichte des deutschen Aphorismus. Kiel, 1912; Meyer R.M. Aphorismus // Meyer R.M. Deutsche stilistic. 2, verb. und verm. Aufl. München, 1913. S. 168–171; Mautner F.H. Der Aphorismus als literarische Gattung // Zeitschrift für Aesthetik und allgemeine. Kunstwissenschaft XXII (1933). S. 132–175; Fink A.-H. Maxime und Fragment. Grenzmöglichkeiten einer Kunstform. Zur Morphologie des Aphorismus. München, 1934 и др.

лее и более расширяется и постепенно приобретает системно-научный характер. “Подобно уже давно существующей науке о пословицах – паремиологии, можно считать, что теперь возникла и все более утверждается наука о б а ф о р и з м а х – а ф о р и с т и к а”<sup>1</sup>, хотя ее эпистемологический статус, предмет и задачи остаются еще недостаточно очерченными, что обусловлено отсутствием фундаментальных работ по общей теории и истории афоризма<sup>2</sup>. Даже в литературоведении “афоризм как литературный жанр не нашел еще ни своего историка, ни своего толкователя”<sup>3</sup>, несмотря на то, что его жанровое развитие в европейской литературе и в ряде национальных литератур стран Востока (прежде всего, в литературах арабских стран и тюркскоязычной литературе) составляет одну из их исторических закономерностей<sup>4</sup>.

Афористика как отдельная область научного знания на сегодняшний день не имеет ни собственных методологических принципов, ни более или менее кодифицированного метаязыка описания своего объекта. Одной из главных причин является отсутствие общепринятого понимания афоризма как объекта изучения специальной научной дисциплины (которая должна носить междисциплинарный характер).

Современные представления о внутренних свойствах и особенностях функционирования афоризма складываются из результатов разобщенных исследований его в терминах нескольких философских и филологических (в том числе и лингвистических) дисциплин: теории познания, логики, семиотики, литературоведения, стилистики, фразеологии, паремиологии, лингвострановедения и др.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 98.

<sup>2</sup> В современном русском языке термин *афористика* в значении ‘создание, собирание и изучение афоризмов’ был впервые зафиксирован только в конце 1970-х гг., см.: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 78 / под ред. Н.З. Котеловой. Москва, 1981. С. 30.

<sup>3</sup> История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. Москва, 1967. С. 107.

<sup>4</sup> В русистике, например, афоризм как литературный жанр до недавнего времени изучался сравнительно мало за исключением редких обращений к афористическим изречениям при описании художественных и языковых средств в произведениях отдельных авторов. Весьма показательным в этом отношении то, что термин *афорист* в значении ‘автор афоризмов’ был впервые зафиксирован в русском языке в конце 1970-х гг. (одновременно с термином *афористика*), см. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 78. С. 30. Наиболее значимые исследования русского литературного афоризма появились только в последние годы, см.: Кулишкина О.Н. Русская афористика первой половины XIX века. Санкт-Петербург, 2003; Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX – начала XX вв.: история жанра (от Пушкина до Розанова). Санкт-Петербург, 2009.

<sup>5</sup> См.: Krüger H. Studien über den Aphorismus als philosophische Form. Frankfurt, 1956; Häntzschel-Schlotke H. Der Aphorismus als Stilform bei Nietzsche. Heidelberg, 1967; Гаерин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Ученые записки Пермского гос. пед. института. 1971. Т. 87. С. 3–23; Федоренко Н.Т. Меткость слова (афористика как жанр словесного искусства). Москва, 1975; Der Aphorismus: zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung / Hrsg. von G. Neumann. Darmstadt, 1976; Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка

Афористика в настоящее время представляет собой весьма пеструю совокупность разнообразных подходов к изучению афоризма, которые, в свою очередь, отличаются неоднозначностью и противоречивостью внутри каждого из них (соответствующих научных дисциплин). Актуальным для афористики на данном этапе ее развития являются, во-первых, уточнение границ, предмета, задач и проблем афористики как междисциплинарной научной отрасли знаний, во-вторых, определение основных подходов к изучению афоризма, в-третьих, обоснование внутри каждого подхода концептуально, методологически и терминологически непротиворечивой интерпретации афоризма.

Афоризм как продукт и средство речемыслительной деятельности, его языковые свойства стали предметом глубокого внимания лингвистов только начиная с 1970-х гг, поэтому для лингвистических исследований афоризма характерно отсутствие общепринятой методологии и единого метаязыка, а также их частная проблематика и атомарный характер.

Вместе с тем, глубина интерпретаций отдельных языковых свойств и осмысления места афоризмов в системе современных представлений о языке достигли на сегодняшний день того предела, после которого все существующие попытки лингвистического изучения афоризма в своей совокупности необходимо рассматривать уже как эпистемологически (хотя все же пока и не категорически) гомогенное и в достаточной степени самостоятельное ответвление лингвистики. Очевидным свидетельством этого является включение описания понятия афоризма в энциклопедии по языкознанию и словари лингвистических терминов, ставшее к концу XX столетия регулярным<sup>1</sup>, а также все большее утверждение в современном языковедении (в том числе в учебной лингвистической литературе<sup>2</sup>) той мысли, что афористические единицы

---

(Структура. Смысл. Текст). Москва, 1978. С. 35–52; *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 71–80; *Мечковская Н.Б.* Афористика: судьба жанра в семиотическом освещении // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich: opis, konfrontacja, przekład / red. I. Łuczaków, J. Sokołowski.* Wrocław, 2002. S. 183–189 и т. д.

<sup>1</sup> См.: *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов [1972]. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 1985; *Прохоров Ю.Е.* Афоризм // *Русский язык: энциклопедия* [1979] / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1997. С. 42; *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. Москва, 1995; *Сцяцко П.У., Гуліцкі М.Ф., Антанюк Л.А.* Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў. Мінск, 1990; *Міхневіч А.А.* Афарызмы // *Беларуская мова: энцыклапедыя.* Мінск, 1994. С. 60–61 и др.

<sup>2</sup> Ср., например, в вузовском учебнике по общему языкознанию на белорусском языке: “устойливыя выразы-сказы, аўтарамі якіх з’яўляюцца канкрэтныя людзі (пісьменнікі, вучоныя, дзеячы культуры і інш.), – цытаты, афарызмы, крылатыя выразы і да т. п.” должны изучаться отдельно, для чего “фарміруецца філалагічная дысцыпліна – афарыстыка” (*Плотнікў Б.А.* Агульнае мовазнаўства. Мінск, 1994. С. 246).

должны изучаться отдельно, вне фразеологии, стилистики или лингвистики текста, в рамках специальной лингвистической дисциплины – афористики<sup>1</sup>.

Лингвистическая афористика как учебная дисциплина разработана еще в начале 2000-х гг. под названием “Лингвистика афоризма”<sup>2</sup> (тогда же был разработан ее аналог на материале белорусского языка под названием “Афарыстыка мовы мастацкага твора”<sup>3</sup>). Данная учебная дисциплина представляет собой одну из вспомогательных дисциплин при подготовке специалистов филологического профиля в высших учебных заведениях.

Место учебной дисциплины “Лингвистика афоризма” в подготовке филологов, преподавателей родного или иностранного языка и литературы определяется необходимостью практического и теоретического знания будущими специалистами не только лексических и фразеологических единиц родного и иностранного языка, но и афористических единиц (пословиц, крылатых афоризмов и др.). Это обуславливает тесную связь данной учебной дисциплины с такими языковедческими дисциплинами, как “Риторика”, “Общее языкознание”, “Введение в языкознание”, а также “Введение в специальную филологию”, “Современный русский язык”, “Современный белорусский язык”, “Основной иностранный язык” и др. Изучение языковых свойств афоризмов как произведений словесного творчества предполагает и связь с такими дисциплинами, как “Теория литературы”, “Введение в литературоведение”, а также изучением истории родной и зарубежной литературы, истории литературы страны изучаемого языка, фольклора и др.

Содержание учебной дисциплины “Лингвистика афоризма” прежде всего ориентировано на освещение актуальных проблем и новейших достижений лингвистической афористики как одного из направлений современного языкознания, на формирование у студентов умений использовать полученные знания об афористических единицах языка и речи в теоретическом аспекте (при выполнении задач исследовательского характера), в прикладном аспекте (при переводе, редактировании текстов, в лингводидактике и др.), а также

---

<sup>1</sup> В русистике, например, лингвистическое изучение афоризма еще традиционно включается во фразеологию (в широком смысле), но выделяется внутри нее в качестве отдельной поддисциплины, см.: *Королькова А.В.* Русская афористика. Москва, 2005. В белорусистике изучение языковых свойств афоризма методологически обособляется от фразеологии и интегрирует паремиологию, ср.: *Іваноў Я.Я.* Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма: дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2004.

<sup>2</sup> Учебно-методическое обеспечение дисциплины “Лингвистика афоризма” было подготовлено тогда же (пособие и учебная программа), см.: *Іванов Е.Е.* Языковая природа афоризма: очерки и извлечения: пособие. Могилев, 2001; *Іванов Е.Е.* О содержании спецкурса “Лингвистика афоризма” // Многоуровневая система подготовки филологов: организация содержания и новые технологии обучения: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 16–17 октября 2003 г. / Белорусский гос. ун-т; редкол.: Л.А. Мурина (отв. ред.) и др. Минск, 2004. С. 60–63.

<sup>3</sup> Учебно-методическое обеспечение дисциплины “Афарыстыка мовы мастацкага твора” разработано на материале одного произведения, см.: *Іваноў Я.Я.* Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа “Новая зямля”): лексікаграфічны аспект: дапаможнік. Магілёў, 2004.

в практических целях (при порождении устных и письменных текстов на родном или на иностранном языке).

Цель учебной дисциплины «Лингвистика афоризма» – обобщить и углубить теоретические, прикладные и практические знания студентов о таких высших единицах языка и речи, как афористические единицы. Задачи учебной дисциплины: охарактеризовать разновидности и аспекты изучения афоризма как речевого жанра; особенности развития, основные направления и проблемы изучения языковой природы афоризма; предмет и задачи афористики (лингвистики афоризма) как отдельной языковедческой дисциплины; проблему систематизации афоризмов и основные классы афористических единиц; особенности семантики и основные семантические типы афоризмов; структуру и функционирование афористических единиц в речи.

Рекомендуемое количество часов для изучения учебной дисциплины «Лингвистика афоризма» составляет 52 часа, из которых 34 часа отводится на аудиторные занятия (22 часа – на лекции, 12 часов – на практические занятия) и 18 часов – на самостоятельную работу студентов.

## РАЗНОВИДНОСТИ АФОРИЗМА КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Афоризм можно квалифицировать как речевой жанр<sup>1</sup> – устойчивый тип высказывания, которому присущи свое содержание (нереферентное обобщение действительности), стилистическое оформление (лаконичность формы выражения мысли), композиционное построение (законченное высказывание, синтаксически эквивалентное предложению), речевое функционирование (диалог познавательного или поучительного характера) и т. д.

Если абстрагироваться от судьбы слова и термина *афоризм*, которым в разные эпохи обозначались различные речевые жанры (медицинские предписания в античности, философские формулировки в Новое время, остроумные литературные изречения в эпоху Просвещения и др.), то можно утверждать, что афоризм изначально сложился как “первичный” (по терминологии М.М. Бахтина) речевой жанр в форме реплики устного диалога в условиях непосредственного речевого общения. Ср. (на примере типизации спонтанной диалогической речи в драматургии и прозаических текстах): рус. – *Теперь так пошло: ты – для меня, я – для тебя, дело у нас – общее, мое к твоему пришито, твое к моему. Мы с тобой – как две штанины. Ты мне – не барин, я те – не слуга. Так ли? – Пожилая женщина, в красной повязке на голове, говорит, вздыхая: – Так-то так, да туго это понимают! – Не понимают это – которые назад пятятся, вперед задницей живут, – отвечает хромой, махнув рукою на темный берег: теплоход поворачивал кормой к нему. – Верно, – соглашается женщина и предлагает: – Присаживайся к нам, товарищ! – Он остается на ногах, и через две-три минуты высокий голос его четко произнес: – **Всякое дело людям ставится, людьми и славится.** – Прозвучало это как поговорка, но поговорка, только что придуманная им и неожиданная для него (М. Горький, “Рассказы о героях”); англ. [First Clown:] – *Give me leave. Here lies the water; good: here stands the man; good: if the man go to this water, and drown himself it is, will he, nill he, he goes; mark you that? but if the water come to him, and drown him, he drowns not himself: argal, he**

<sup>1</sup> В смысле М.М. Бахтина, см.: *Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 237–280.*

*that is not guilty of his own death shortens not his own life* (W. Shakespeare, "Hamlet", V, 1); бел. *Янка паглядзеў на дарогу і ўздыхнуў. – Чаго ўздыхаеш, браце? – У мяне нарадзіўся афарызм, – адказаў Янка. – Ну, кажы! – Ідучы рабіць сур'ёзную справу, не забывай узяць з сабою розум, калі ён у цябе ёсць* (Я. Колас, "На ростанях") и т. п.

Свое дальнейшее развитие афоризм получил в рамках различных "вторичных" речевых жанров в устной разговорной речи (поговорки, обиходно-бытовые умозаключения и др.) и основных функционально-стилистических разновидностей литературного языка (литературные и философские изречения, формулировки научных истин, юридические формулы, общественно-политические лозунги, рекламные слоганы и др.), в каждом из которых афоризм как первичный речевой жанр по-разному трансформировался и приобрел новые специфические свойства.

Описание истории афоризма и построение его общей теории как речевого жанра представляет собой одну из актуальных проблем изучения афоризма. Здесь мы ограничимся только кратким описанием наиболее продуктивных на сегодняшний день жанровых разновидностей афоризма.

## § 1. Афоризмы как литературные произведения

Афоризмы в своем наиболее распространенном понимании – это жанр литературных изречений как отдельных литературно-художественных и публицистических произведений, а также философских произведений (преимущественно морально-этического содержания). Жанр афоризмов в европейской литературе начал развиваться еще в античности в форме "гнома" (выразительных, кратких, часто стихотворных изречений, содержание которых "обезличено", не соотносимо со своим автором), "апофегм" (изречений, "вложенных в уста конкретного лица") и "хрий" (изречений, "вложенные в уста конкретного лица при конкретных обстоятельствах")<sup>1</sup>. Однако античные авторы, как правило, не создавали книг или сборников своих собственных изречений. Весьма популярным в то время было собирание и интерпретации изречений известных людей (государственных и по-

<sup>1</sup> Гаспаров М.Л. Примечания [к "Изречениям царей и полководцев" Плутарха] // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 559. Ср.: Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

литических деятелей, военачальников, мыслителей). Образцом компиляций такого рода является “*Vasiléōn αποφθέγματα και στρατηγών*” Плутарха (около 45 – около 127)<sup>1</sup>, изречения откуда писатель затем использовал в своих многочисленных сочинениях.

Расцвет жанра изречений в европейской литературе приходится на середину XVII – вторую половину XVIII века, а также конец XIX – начало XX века. В этот период были созданы такие широко известные, ставшие классическими образцами литературной афористики, книги изречений, как “*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*” (1647) Бальтасара Грасиана-и-Моралеса, “*Reflexions ou sentences et maximes morales*” (1665) Франсуа де Ларошфуко, “*Pensées*” ([?–1662] 1669) Блеза Паскаля, “*Caractères ou les moeurs de ce siècle*” (1686) Жана де Лабрюйера, “*Aphorismen*” (1764–1799) Георга Кристофа Лихтенберга, “*Introduction a la connaissance de l’esprit humain*” и “*Fragments и Reflexions et maximes*” ([1746] 1747) Люка де Клапье Вовенарга, “*Produits de la Civilisation perfectionnée. Maximes et pensées. Caractères et Anecdotes*” (1795) Никола-Себастьяна де Шамфора, “*Bose weisheit. Aphorismen und spruche*” (1882–1885) Фридриха Ницше, “*Круг чтения*” (1904–1908) и “*На каждый день*” (1906–1910) Льва Толстого, “*Die Sprüche und die Widersprüche*” (1909) и “*Die Literatur und die Lüge*” (1929) Карла Крауса, “*Rhumbs*” (1926) и “*Les Autres Rhumbs*” (1934) Поля Валери и др.

Еще один плодотворный период в развитии жанра изречений приходится на первых два десятилетия после окончания второй мировой войны, когда появились “*Total de Greguerias*” ([1955] 1962) Рамона Гомеса де ла Серна, “*Myśli nieuczesane*” (1957) Станислава Ежи Леца, “*Minima Moralia. Reflexiones aus dem beschädigten Leben*” (1962) Теодора Адорно, “*Отрывки из ненаписанного*” (1966) Эмиля Кроткого, “*Nowe Zmyslenia*” (1967) Вацлава Брудзиньского и др.

Следует отметить, что далеко не все литературные изречения, которые их авторы (а также их исследователи) называют “афоризмами”, содержат обобщение действительности, выражают обобщенную мысль. Так, например, в многочисленных изданиях “*Aphorismen*” (1764–1799) Г.К. Лихтенберга<sup>2</sup> наряду с суждениями обобщенного характера, несмотря на стремление составителей унифицировать материалы записных

<sup>1</sup> Плутарх. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 340–386.

<sup>2</sup> Ср., например, *Lichtenberg G. Chr. Aphorismen* / hrg. v. A. Leitzmann. Berlin, 1902–1908 и др.

книжечек и дневников писателя, содержится довольно много (не менее 15%, по нашим подсчетам) частных суждений, образных характеристик единичных явлений, предметов, конкретных лиц и событий, высказываний на злобу дня, рефлексий о самом себе и т. п., ср. (в переводе с нем.): *Он был одет в либрею голода и нищеты (В 194); Этому городу была присуща некая счастливая тупость (J 1173); Новые взгляды сквозь старые щели (F 871); Возросла ли нищета в Германии, я не знаю. Но восклицательные знаки – безусловно. Там, где обычно ставили – !, стоит теперь – !!! (L 145); Я бы отдал часть своей жизни за то, чтобы узнать, какое среднее барометрическое давление было в раю (L 557) и др.<sup>1</sup>*

Объединение самими авторами в книгах изречений как афоризмов, так и высказываний, не афористических по содержанию и по форме его выражения, объясняется их жанровой близостью (обособленностью текста, лаконизмом, тематикой, средствами выразительности и т. д.), а также отсутствием у авторов практической необходимости в их разграничении (понятие афоризма редко отражалось в названиях ставших классическими книг литературных изречений). Этому способствовало, с одной стороны, влияние одного из исторически обусловленных пониманий афоризма как научного определения или философской формулировки, а впоследствии и распространившиеся общеходные представления об афоризме как всяком кратком обособленном изречении определенного автора, а с другой, отсутствие общепринятых в теории литературы и в лингвистике критериев афористичности.

Помимо литературного жанра изречений, афористическими по своей форме и содержанию могут быть также и произведения отдельных малых литературных жанров: эпиграммы, эпитафии, надписи, национальные разновидности стихотворений-миниатюр (древнегреческие гномы, персидские рубаи, японские танки, польские фрашки и т. д.) и др. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Старость желанна, пока ее нет, а придет, порицают. Каждому лучше всего, что не настало еще* (Менекрат, “Старость”)<sup>2</sup>; (в переводе с перс.-тадж.) *Благородство и подвиг, отвага и страх – Все с рожденья заложено в наших телах. Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже – Мы такие, какими нас создал аллах!* (О. Хайям, “Рубай”)<sup>3</sup>; англ. *God and the Doctor we alike*

<sup>1</sup> Перевод Г.С. Слободкина, см.: *Лихтенберг Г.К. Афоризмы / сост. Г.С. Слободкин. Москва, 1964. С. 6, 18, 49, 79, 139.*

<sup>2</sup> Перевод Ю. Шульц, см.: *Менекрат // Греческая эпиграмма. Москва, 1993. С. 296.*

<sup>3</sup> *Хайям О. Рубай // Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы / сост. Г.П. Лобарев. Москва, 1991. С. 8.*

*adore But only when in danger, not before; The danger o'er, both are alike requited, God is forgotten, and the Doctor slighted* (J. Owen, епіграмма); *Hang sorrow! Care will kill a cat, And therefore let's be merry* (G. Wither, verses for Christmas)<sup>1</sup>; польск. *Wdowę żonę pojmujesz, jakoby też stary Żupan lubo schodzone kupił szarawary. Choćby nie wiem jak siłę wdowy chwalby miały, Przecię z poczętej beczki trunek jest zwietrzały* (fraszka “Wdowożeniowi”)<sup>2</sup>; бел. *Усё знікае І следу нат не кіне, Як шэры попел Ад чорнага агнішча, Развеяны вятрыскам* (М. Багдановіч, танка из цикла “Японскія песні”); *Мы, пахаваныя на зямлі, Вечна будзем зайздросціць тым, Што – на зорах. Няўжо і яны таксама Будуць зайздросціць зямлянам?* (М. Танк, “Надпіс на камяні”) и т. п.

Афоризмы в виде литературного жанра изречений характеризуются законченностью своего содержания и формы его выражения, не требуют для своего адекватного понимания никакого речевого контекста (т. е. являются отдельными литературными текстами). Однако, будучи собраны в одной книге изречений одного автора, такие афоризмы воспринимаются как некий цельный метатекст, который целостно выражает мировоззрение данного писателя.

Между собой афоризмы внутри книги изречений связаны, главным образом, “вертикально” (парадигматически) на основе общности своего содержания (тематически, идейно, сквозными образами, смысловыми отношениями и др.) и/или формы (композиционного, грамматического сходства, репертуаром выразительных средств и др.). Это характерно для тех книг изречений, которые состояются на основе разрозненных заметок, дневниковых записей и т. п. Гораздо реже афоризмы связываются линейно (синтагматически), когда автор сознательно располагает рядом афоризмы, в которых последовательно осмысливается один и тот же предмет, явление действительности, обособляется один и тот же тезис. Такая структура характерна для тех книг изречений, которые сразу задумывались и создавались в виде одного сочинения.

Так, например, в упоминавшемся “*Oraculo Manual*” Б. Грасиана читателю предлагается перечень принципов благоразумной жизни, ср. (в переводе на рус.): 139. *Знать свой черный день <помнить, что он бывает... > 140. Добираться во всем до лучшего <счастливый удел хо-*

<sup>1</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 69.*

<sup>2</sup> *Kochowski W. Psalmidia polska oraz wybór liryków i fraszek / wyd. J. Krzyżanowski. Kraków, 1926 (BN I, nr 92). S. 113 (nr 32).*

рошего вкуса... > 141. Не слушать только себя. <Что толку нравиться себе, коль другим не нравишься... > 142. Не хвататься из упрямства за худшее <оттого, что твой противник, тебя опередив, выбрал лучшее... > 143. Чуждаясь прошлого, не впадать в оригинальничанье. <Обе крайности предосудительны... > 144. Начинать на чужой лад, чтобы закончить на свой. <Это тактика успеха... > 145. Скрывать больное место <иначе по нему-то и будут бить... > 146. Смотреть вовнутрь. 147. Не быть неприступным. 148. Владеть искусством беседы <ибо в беседе сказывается личность... ><sup>1</sup>.

Каждый из этих принципов достаточно развернуто обосновывается и комментируется в форме афоризмов, ср. (в переводе на рус.): 207. *Будь сдержан – в любых случаях будь выше случайного. Порывы страсти – скользкие места для благоразумия, гляди, как бы не сорваться. Мгновение гнева либо восторга заведет дальше, чем часы хладнокровия; поддашься на миг – казнить будешь век. Умысел недруга готовит эти соблазны благоразумию, дабы прощупать почву, разведать замысел; пользуясь подобными отмычками, он проникает в тайны и похищает самое заветное сокровище. Защитись сдержанностью, особенно при внезапностях. Великая надобна твердость, чтобы не дать страсти закусить удила; нет цены тому, кто и на коне благоразумен. Кто знает опасность, двигается осторожно. Легким кажется слово тому, кто его бросит, но тяжелым тому, в кого угодит*<sup>2</sup>.

Книги изречений, таким образом, воспринимаются в большинстве своем как цельные произведения “афористического жанра”, поэтому отдельные афоризмы из них специально не компилируются, но могут включаться в словари и энциклопедии афоризмов, наравне с афоризмами, извлеченными из литературных произведений разных жанров (см. § 2). Иногда фрагменты книг изречений включаются в антологии произведений писателей-афористов (одной национальной литературы или нескольких национальных литератур той или иной эпохи<sup>3</sup>).

К литературному жанру афоризмов вполне можно причислить и те отдельные изречения обобщенного содержания, которые встречаются в дневниках и заметках известных писателей, ученых, общественных

<sup>1</sup> Грасиан Б. Карманный оракул, или Наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлеченные из сочинений Лоренсо Грасиана // Грасиан Б. Карманный Оракул. Критикон. Москва, 1984. С. 5–65.

<sup>2</sup> Грасиан Б. Карманный оракул. С. 47.

<sup>3</sup> Например, ср.: Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков / сост. Н.А. Жирмунская. Ленинград, 1995.

деятели (например, “Записные книжки” А.П. Чехова<sup>1</sup> и под.), а также были высказаны в устной форме знаменитыми людьми и записаны их современниками (например, афоризмы И.В. Гете, записанные его другом и секретарем И.П. Эккерманом в “Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens” в 1823–1832 гг.). Такие афоризмы обычно включаются в собрания изречений одного автора (так, многие афоризмы из записей И.П. Эккермана вошли в книгу И.В. Гете “*Maximen und Reflexionen*”).

Афоризмы, которые создаются как самостоятельные литературные произведения, очень редко приобретают широкую известность и массово воспроизводятся в речи, т. е. становятся крылатыми, и лишь в единичных случаях утрачивают ассоциативную связь с именем своего автора, т. е. начинают употребляться как пословицы. Так, например, в польском языке не зафиксировано ни одной паремии такого происхождения и имеется только 4 крылатых афоризма, принадлежащих Ф. де Ларошфуко, 5 – Б. Паскалю, 2 – Ж. де Лабрюйеру, 1 – Г.К. Лихтенбергу, 2 – К. Краусу и ни одного – Л. де К. Вовенаргу, Н.-С. де Шамфору и др. (но при этом около 20 – чрезвычайно популярному у поляков С.Е. Лецу)<sup>2</sup>. Это можно объяснить тем, что для афоризмов как литературных произведений характерны, с одной стороны, наивысшая степень индивидуализации (в осмыслении действительности, ее оценке) и концентрации идиостилистических средств, а с другой, как правило, отсутствие речевого (ситуативного) контекста, позволяющего соотнести изречение с определенной (типичной либо возможной) ситуацией его употребления.

Наличие ситуативного контекста у афоризмов, высказанных в устной форме знаменитым лицом в определенных обстоятельствах или по широко известному поводу, существенно повышает шансы таких изречений войти в состав крылатых единиц и даже пословиц. Так, например, афоризм *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*, сказанный Наполеоном Бонапартом в декабре 1812 г. во время бегства из России и впервые письменно зафиксированный в книге французского дипломата и публициста Д. де Прадта “История посольства в Великое герцогство Варшавское” (1816), стал крылатым в большинстве современных европейских языков, а во многих из них утратил ассоциацию

<sup>1</sup> Чехов А.П. Записная книжка IV // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва, 1974–1982. Т. 17. 1980. С. 152–181.

<sup>2</sup> См.: *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996.*

с автором и ситуацией своего возникновения и употребляется как пословица, ср.: англ. *From tile sublime to the ridiculous is but a step*<sup>1</sup>; польск. *Od wielkości do śmieszności krok tylko jeden*<sup>2</sup>; бел. *Ад вялікага да смешнага адзін крок*<sup>3</sup> и т. д. (в словарях пословиц русского языка не фиксируется).

Специфической разновидностью литературного жанра изречений являются так называемые “грегерии”, родоначальником и теоретиком которых является испанский писатель и литературовед Р. Гомес де ла Серна (1888–1963), автор книги изречений “*Total de greguerías*” (1955). Грегерики, по его словам, характеризуются тематической направленностью на отражение самых разнообразных явлений действительности (“мелочей жизни”) в противопоставление “высокопарному афоризму”<sup>4</sup>, где есть место только “глобальным” проблемам бытия, ср. (в переводе с исп.): *В потемках стулья так и норвеят подставить хозяевам ножку; Жирафа – лошадь, преобразованная любопытством; Когда видишь, как обезьяна чистит банан, понимаешь, что мы с ней родственники; Когда на штанах недостает пуговицы, походка меняется; Кости – наше единственное неотчуждаемое имущество; Чай с лимоном – кружочек солнца в чашке* и т. п.<sup>5</sup>. Такие изречения быстро приобрели популярность и стали активно развиваться в различных национальных европейских литературах, ср., например, в белорусской литературе “*Грыгерыі*” (1996) Адама Глобуса. Грегерики близки по своему содержанию и форме его выражения пародиям на афоризм – т. н. “антиафоризмам” (см. *Глава 2, § 1*).

Следует сказать, что изречения, в которых обобщаются не имеющие существенной, глобальной социальной или духовной значимости явления действительности, были известны в европейской литературе и до грегерии Р. Гомеса де ла Серна. Такие изречения нередко встречаются и у многих известных афористов, которых трудно упрекнуть в легкомысленном отношении как к миру, так и к предназначению художественного слова. Ср., например, следующие афоризмы Г.К. Лихтенберга (в переводе с нем.): *Осень выплачивает земле листья, которые лето*

<sup>1</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 227.

<sup>2</sup> Mała księga przysłów polskich / pod red. S. Nyczaja. Radom, 1996. S. 242.

<sup>3</sup> Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. С. 53.

<sup>4</sup> Афоризм понимается Р. Гомесом де ла Серна в узком смысле, только как один из малых жанров литературы, а не как тип высказывания или речевой жанр.

<sup>5</sup> См.: Гомес де ла Серна Р. Грегерики // Гомес де ла Серна Р. Избранное. Москва, 1983. С. 294–297.

взяло у земли взаймы (D 553); Из белой бумаги предпочитают не делать фунтиков, но когда на ней что-нибудь напечатано, это делают весьма охотно (E 309); Одно из главных преимуществ брака состоит в том, что неприятных гостей можно направить к своей жене (F 778); Общеизвестно, что четверть часика больше, чем четверть часа (L 415) и т. п.<sup>1</sup> Однако безусловная заслуга Р. Гомеса де ла Серна состоит не в том, что он выдумал такие изречения, а в том, что он обосновал и разработал их как самостоятельную жанровую разновидность.

От жанра литературных изречений следует отличать такие афоризмы, которые их авторами не создавались в виде отдельных произведений, а употреблялись в произведениях иных жанров, откуда впоследствии были выделены и изданы в виде сборников изречений, как правило, без участия самих авторов (например, книги афоризмов из произведений классиков русской литературы А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова<sup>2</sup> и др., белорусской литературы – Якуба Коласа, Рыгора Барадуллина и др.<sup>3</sup>). Афоризм, включенный автором в текст литературного произведения, всегда прямо либо косвенно связан с содержанием этого произведения, не всегда адекватно или вообще неверно понимается вне этой связи (см. § 2), тогда как афоризм, созданный в виде отдельного произведения не требует для своего понимания, как правило, никакого иного текста, хотя и может апеллировать к содержанию какого-либо текста (в том числе и другого литературного изречения), ему противоречить, его аргументировать, дополнять, комментировать и др.

Следует заметить, что не все известные писатели-афористы (Н.-С. де Шамфор, Г.К. Лихтенберг и др.) сами создавали свои книги афоризмов. Так, изречения Г.К. Лихтенберга были выбраны из его записных книжек, названы “*Aphorismen*” и изданы А. Лейцманом только через сто лет после смерти автора. Однако ни Н.-С. де Шамфор,

---

<sup>1</sup> Перевод Г.С. Слободкина, см.: Лихтенберг Г.К. Афоризмы / сост. Г.С. Слободкин. Москва, 1964. С. 119, 142, 144.

<sup>2</sup> Достоевский Ф.М. Мысли, высказывания, афоризмы / сост. Д. Гришин. Париж, 1975; Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина / сост. И. Шкляревский; вступ. слово Д.С. Лихачева. Москва, 1999; Тютчевiana: эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. Воспроизв. изд. 1922 г., испр. и доп. Москва, 1999; Афоризмы, крылатые выражения, парадоксы Михаила Булгакова / сост. А. Кончаковский, Е. Кончаковская-Купин. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 2004.

<sup>3</sup> Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... (выбраныя выслоўі народнага песняра) / укл. А. Міхневіч. Мінск, 2002; Барадулін Р. Навошта: вершасказы / укл. А. Камоцкі. Мінск, 2009.

ни Г.К. Лихтенберг никогда не включали афоризмы в контекст художественных, драматургических или публицистических произведений (как это блестяще делали, например, Оскар Уальд, Бернард Шоу, Марк Твен<sup>1</sup> и другие признанные мастера афоризма), а изначально создавали свои изречения как самостоятельные литературные тексты.

## § 2. Изречения-афоризмы в литературных текстах

Афоризмы весьма широко употребляются в драматургических, художественных, публицистических произведениях, эпистолярных текстах, мемуарах, в песнях и других жанровых разновидностях словесного творчества. Афористические изречения, включенные в литературные тексты, принципиально отличаются от литературного жанра афоризмов тем, что, будучи органичной частью всего произведения, тесно связаны с его содержанием и могут неправильно пониматься или даже утрачивать свой смысл вне авторского контекста. Это послужило основанием для утверждения исследователями афористики (например, М.Н. Эпштейном), что не все изречения обобщенного содержания, особенно те, которые вложены автором в уста своих героев, можно причислять к афоризмам, поскольку такие суждения, во-первых, не имеют “всеобщего смысла”, а во-вторых, “не совмещаются с целостным мировоззрением писателя”<sup>2</sup>. Если со вторым можно согласиться (хотя это и не является поводом для отказа от изучения афористических изречений литературных персонажей), то первое с лингвистической точки зрения не соответствует действительности, по причине того, что наличие или отсутствие у изречения “всеобщего смысла”, т. е. обобщения действительности, никак прямо не зависит от того, кто именно является его автором (писатель либо созданный им же литературный персонаж).

Афористические изречения, употребляемые в литературных текстах, ни по своему содержанию, ни по форме его выражения ничем не уступают жанру литературных изречений-афоризмов и обладают не меньшей функциональной значимостью в речи и популярностью среди носителей языка. Использование афоризма как средства выражения

<sup>1</sup> Уайльд О. Афоризмы / сост. К.В. Душенко. Москва, 2000; Шоу Б. Афоризмы / сост. К.В. Душенко. Москва, 2000; Твен М. Афоризмы / сост. К.В. Душенко. Москва, 2000.

<sup>2</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

обобщенной мысли является универсальным свойством идиостилия и известно в европейской литературе еще с античности. Так, знаменитая поэма “*Ἔργα καὶ Ἡμέραι*” Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.)<sup>1</sup> почти вся состоит из поучений от имени автора, перечня советов и предостережений преимущественно в форме афоризмов (“вечных истин”), которые используются поэтом прежде всего в качестве средства убеждения в том, что труд и его материальная польза и есть настоящий смысл человеческой жизни. Множество афористических изречений на самые разные темы можно встретить в произведениях Пиндара (около 518 – 442 или 438 до н. э.), одного из самых древних и “самого греческого из всех греческих” поэтов. Например, в его “Пифийских песнях” содержится не менее 15 афоризмов, имеющих синтаксическую форму только именных предложений, ср. (в переводе на рус. М.Л. Гаспарова): *Плавателью первая радость – попутный ветер от пристани* (I, 34: *ναυσφορήτοισ δ' ἀνδράσι πρώτα χάρις... πομπᾶων ἐλθεῖν οὐ' ῥον*); *Слава отца – не чужая сыну* (I, 59: *χάρμα δ' οὐκ ἀλλότριον νικαφορία πατέρος*); *Добрый успех – первая награда, добрая молва – вторая доля* (I, 99: *τὸ δὲ παθεῖν εὖ' πρώτων ἀέθλων· εὖ' δ' ἀκοῦειν δευτέρα μοῖρα*); *Лучший удел – богатство и счастье умения* (II, 56: *τὸ πλουτεῖν δὲ συν τύχᾳ πότμον σοφίας ἀρίστον*); *Для мальчишек хороша и обезьяна – всегда хороша* (II, 71: *καλὸς τοι πίθων παρὰ παισίν, αἰεὶ καλός*); *Переменчивы ветры в выси* (III, 104: *ἀλλοτε δ' ἀλλοῖαι πνοαὶ ὑψηλῶν ἀνέμων*); *Нетрудно и слабому сотрясти свой край* (IV, 272: *ῥᾶδιον μὲν γὰρ πόλιν σείσαι καὶ ἀφαιυρότεροις*); *Неохватна сила богатства* (V, 1: *ὁ πλοῦτος εὐρυσθενής*); *Прибыль мила лишь от рук доброжелателя* (VIII, 14: *κέρδος δὲ φίλτατον, ἐκόντος εἰ' τις ἐκ δόμων φέροι*); *Что – мы? Что – не мы? Сон тени – человек* (VIII, 95: *τί δὲ τις; τί δ' οὐ' τις; σκιάς ὁ γὰρ ἀνθρώπος*); *Быстр божий труд, краток божий путь* (IX, 67: *ὀκεία δ' ἐπεγόμενων ἢ δὴ θεῶν πράξις ὁδοὶ τε βραχεῖαι*); *О великом речь – всегда велика* (IX, 76: *ἀρεταὶ δ' αἰεὶ μεγάλα πολύμυθοι*); *Что будет через год, того не прозреть* (X, 63: *τὰ δ' εἰς ἐνιαυτὸν ἀτέκμαρτον προνοῆσαι*); *Женская вина тяжела* (XI, 26: *τὸ δὲ νέαις ἀλόχοις ἐχθιστὸν ἀμπλακίον*); *От сужденного не уйти* (XII, 30: *τὸ δὲ μόρσιμον οὐ παρφυκτόν*)<sup>2</sup> и т. п.

Еще в античности зародилась традиция извлекать из литературных источников афоризмы и компилировать их в виде отдельных сборников. Наиболее известной компиляцией того времени является

<sup>1</sup> Гесиод. Труды и дни // Гесиод. Полное собрание текстов: Поэмы. Фрагменты / пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко. Москва, 2001. С. 51–75.

<sup>2</sup> Пиндар. Пифийские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. Москва, 1980. С. 58–115.

“*Menandri sententiae*” – сборник стихотворных изречений, которые были выписаны древнегреческим комедиографом Менандром (около 343 – около 291 до н. э.) из произведений древнегреческих драматургов. Сборник пользовался огромной популярностью в античном мире и средневековой Европе (в том числе и в славянском культурном ареале, где был переведен, в частности, на старославянский язык<sup>1</sup>).

Однако наибольшую свою популярность компиляции изречений, извлеченных из литературных произведений, приобрели только в прошлом столетии, когда появились их фундаментальные сборники и энциклопедии (часто вместе с избранными афоризмами из книг литературного жанра изречений) в рамках национальных литератур<sup>2</sup> или интернационального характера (как определенных эпох<sup>3</sup>, так и всех времен и народов<sup>4</sup>).

Многие из афоризмов, содержащихся в литературных произведениях, приобрели широкую известность и функционируют в речи как цитаты из литературных текстов<sup>5</sup>. Те из них, которые употребляются массово, вошли в состав крылатых слов<sup>6</sup>, а те, которые утратили в сознании носителей языка ассоциативную связь с источником своего происхождения, – в состав пословиц (см. § 7). Ср.: *В отвлеченной*

<sup>1</sup> Ярхо В.Н. Менандр – поэт, рожденный заново // Менандр. Комедии. Фрагменты. Москва, 1982. С. 381.

<sup>2</sup> См.: A Treasury of English Aphorisms / ed., with an introd., by L.P. Smith. London, 1947; Английский афоризм / сост. А.Я. Ливергант. Москва, 2003; Deutsche Aphorismen. Stuttgart, 1994; Scrittori italiani di aforismi: 2 voll. / a cura di Gino Ruozzi. Milano, 1994–1996; Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. Москва, 2004; Żądło i miód mądrości: antologia aforyzmu polskiego / wybr. K. Orzechowski. Wrocław, 1977; Гаўрош Н.В., Нямяковіч Н.М. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў. Мінск, 2012 и др.

<sup>3</sup> См.: Казаченок Т.Г., Громыко И.Н. Античные афоризмы: тематический сборник. Минск, 1987; Энциклопедия афоризмов: Средние века. Эпоха Возрождения. Эпоха научной революции. Эпоха Просвещения. Русская афористика от средневековья до Просвещения. Минск, 1999; Энциклопедия афоризмов: XIX век. Минск, 1999. Энциклопедия новейших афоризмов: XX век. Минск, 1999 и др.

<sup>4</sup> См.: Большая книга афоризмов: по русским и иностранным источникам: [2500 авторов от царя Соломона до Станислава Лема: 10 000 афоризмов] / сост. К.В. Душенко. 11-е изд., испр. Москва, 2009; *Адамчик М.В.* Все афоризмы: 57000 афоризмов и крылатых выражений. Минск, 2011 и др.

<sup>5</sup> См.: Душенко К.В. Цитаты из русской литературы: справочник: 5350 цитат от “Слова о полку” до Пелевина. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2007; Душенко К.В. Цитаты из всемирной литературы от Гомера до наших дней: 2700 цитат. Москва, 2007; The Oxford Dictionary of Quotations / ed. by A. Partington. London, 1996 и др.

<sup>6</sup> См.: *Вічманн Г.* Geflügelte Worte [1864]. Neue Ausg. München; Zürich, 1978; Берков В.П., Мокіенко В.М., Шулежэва С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Москва, 2000; Іваноў Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў, 2011 и др.

любви к человечеству любишь почти всегда одного себя (Ф.М. Достоевский, “Идиот”, 3, 10); *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь. Взрывая, возмутимь ключи: Питайся ими и молчи!* (Ф.И. Тютчев, “Silentium!”) ⇒ *Мысль изреченная есть ложь* (крылатый афоризм); англ. [Osric:] *You are not ignorant of what excellence Laertes is – [Hamlet:] I dare not confess that, lest I should compare with him in excellence; but, to know a man well, were to know himself* (W. Shakespeare, “Hamlet, Prince of Denmark”, V, 2); *Alice couldn't help laughing, as she said: “I don't want you to hire me – and I doh't care for jam”. “It's very good jam,” – said the Queen. “Well, I don't want any today, at any rate”. “You couldn't have it if you did want it,” – the Queen said. “The rule is, jam tomorrow and jam yesterday – but never jam today”. “It must come sometimes to “jam today”,” – Alice objected. “No, it can't,” – said the Queen. “It's jam every other day: today isn't any other day, you know”* (L. Carroll, “Through the Looking-Glass and what Alice found there”, V) ⇒ *Jam tomorrow and jam yesterday – but never jam today* (широко распространенное в современном английском языке крылатое выражение, употребляется в значении ‘Истинное наслаждение было вчера или будет завтра – но не сегодня’)<sup>1</sup>; польск. *Nie rzekł, jako żyw, żaden większej prawdy z wieka, Jako kto nazwał bożym igrzyskiem człowieka. Bo co kiedy tak mądrze człowiek począł sobie, Żeby się Bóg nie musiał śmiać jego osobie?* (J. Kochanowski, “Fraszki”, III, 76: “*Człowiek boże igrzysko*”); *Kto miłości nie zna, ten żyje szczęśliwy, I noc ma spokojną, i dzień nietęskliwy* (A. Mickiewicz, “Dziady”, IV)<sup>2</sup>; бел. *Тыя, хто перанес на сваім гарбу крываваы цяжар ваіны, ня надта схільныя памятаць сябе пакутнікамі – лацьвей пачувацца героямі на гарачых канях пад чырвонымі сыцягамі* (В. Быкаў, “Сцяна”); *Бывайце здаровы, Жывіце багата, Ужо ж мы паедзем Дадаму, дахаты. Ў зялёнай дуброве, Мы начаваць будзем, А вашае ласкі Павека не забудзем* (А. Русак, “Бывайце здаровы”) ⇒ *Бывайце здаровы, жывіце багата* (крылатое выражение – первые строки популярной в Беларуси песни И. Любана на стихи А. Русака, написанной в конце 1930-х гг., которая была переведена на русский и украинский языки и стала широко известной в России и Украине) и т. п.

<sup>1</sup> Это выражение, по данным ряда современных авторитетных справочников английской паремнологии, приобрело статус поговорки, т. е. уже не обязательно ассоциируется в сознании носителей английского языка с авторским источником своего происхождения, ср.: *Riddout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 377.*

<sup>2</sup> Эти строки стали крылатыми, см.: *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 91.*

### § 3. Афористические формулировки научных истин

Афоризмами по форме и содержанию являются, как правило, все философские определения (как морально-этического, так и иного содержания), и формулировки научных истин (во всех областях системного знания), в том числе и протонаучных умозаключений, и эмпирических законов, и аксиоматических положений, и т. п., за исключением только тех из них, в которых речь идет либо о строго определенном количестве реалий, либо о каких-то единичных феноменах действительности. Ср.: *Истинно то, что существует; поэтому, чтобы познать истину, мы должны относиться к существующему совершенно непосредственно, прямо воспринимать его, как оно нам дается, ничего в нем не изменяя и удерживая наше понимание от всякого субъективного отношения к данному* (В.С. Соловьев, “Оправдание добра: Нравственная философия”); *Свойства химических элементов, а потому и свойства образующих ими простых и сложных тел, стоят в периодической зависимости от их атомного веса* (Периодический закон Менделеева); англ. *In nature the natural selection of the animals, better adapted to certain living conditions is observed* (одна из формулировок “теоретического” закона естественного отбора, открытого Ч. Дарвином); *Every body persists in its state of being at rest or of moving uniformly straight forward, except insofar as it is compelled to change its state by force impressed* (“эмпирический” закон инерции физических тел, который был определен И. Ньютоном на основании многочисленных опытов); польск. *Jest jedna tylko rzecz w życie ludzi, narodów i państw, która jest bezcenna: tą rzeczą jest honor* (Józef Beck); *Pewnej własności wyrażen polegającej na odsyłaniu do klasu zjawisk zewnętrznych, a więc jako pewnej relacji wiążącej klasu ciągów fonicznych z klasami zjawisk pozajęzykowych* (R. Grzegorzczkova, “Wprowadzenie do semantyki językoznawczej”); бел. *Колькасць пераўтвараецца ў якасць* (крылатая формулировка одного из основных законов материалистической диалектики о переходе количественных изменений в качественные); *На кожнае цела, апушчанае ў вадкасць або газ, уздзеяннае з боку гэтай вадкасці (газу) падтрымліваючая сіла, раўназначная вазе выціснутага цэлага вадкасці (газу), скіраваная ўверх і прыкладзеная да цэнтра цяжару выціснутага аб’ёму* (Архимедов закон о статике жидкостей и газов в современной формулировке) и т. п.

#### § 4. Юридические формулы-афоризмы

Афористическими являются все юридические формулы обобщающего содержания, в которых выражаются как спонтанно возникающие в социуме правовые обычаи (так называемое “обычное” право, нормы которого фиксируются преимущественно в пословицах), так и монополюбно утверждаемые государством нормативно-правовые законы (в рамках либо “законодательного”, либо “прецедентного” права, нормы которого закрепляются в письменных кодексах). Ср.: *Холоп на боярина не послух* (древняя русская пословица, выражающая юридическую норму средневековья, когда свидетелем в суде мог выступать только свободный человек); *За стукачом топор гуляет* (одна из формулировок неписаного воровского “кодекса”, в которой говорится о неотвратимости наказания за предательство своих сообщников)<sup>1</sup>; *Первое слово дороже второго* (современная норма обычного права, распространенная в детской среде); англ. *Possession is nine points of the law* (современная английская пословица со значением ‘Само по себе владение – это уже обладание правом собственности’ которая восходит к аналогичному по форме юридическому положению XVII века, защищающему в случае, если законное право кого-либо на владение чем-либо формально не доказано, все права собственности нынешнего владельца)<sup>2</sup>; *Each person has the right on life, freedom and personal safety* (“The general Declaration of the rights of the person”, Article 3); польск. *Wszystcy ludzie rodzą się równi* (< англ. *All people are born free* – ключевое положение “Декларации независимости Соединенных Штатов Америки”, ставшее крылатым в польском языке)<sup>3</sup>; бел. *Пералом за пералом, вока за вока, зуб за зуб; як ён зрабіў шкодзіну на цэле чалавека, так і яму трэба зрабіць* (Лявіт, 24, 20) – широко известная формулировка закона возмездия (относящаяся к так называемым “законам талиона”<sup>4</sup>); *Усе роўныя перад законам і маюць права без усякай дыскрымінацыі на роўную абарону правоў і законных інтарэсаў* (“Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь” 1994 г., Артыкул 22) и т. п.

<sup>1</sup> Словарь поремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост.: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992. С. 341.

<sup>2</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained.* London, 1969. Prov. 558.

<sup>3</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec.* Radom, 1996. S. 75.

<sup>4</sup> Принцип криминальной ответственности, сложившийся в раннеклассовом обществе, согласно которому наказание должно точно соответствовать причиненному ущербу.

## § 5. Афористические тексты массовой коммуникации

Традиционно много афоризмов встречается среди таких текстов массовой коммуникации, как социально-политические, экономические и иные лозунги, призывы, девизы и т. д. Ср.: *Миру – мир!* (известный советский лозунг, который получил широкое распространение с мая 1951 г.) или его более ранний вариант *Мир – миру!* (появился в 1949 г.) ← *Мир всему миру!* (антивоенный лозунг времен Февральской революции 1917 г. в России) ← выражение *О мире всего мира <...> Господу помолимся* (Великая ектения) и/или обороты *Мир вам!* либо *Мир дому сему!* (Лука, 10, 5; 24, 36)<sup>1</sup>; *Живи настоящим!* (призыв в одном из телеклипов из серии "Русский проект" 1995 г.); *В борьбе обретишь ты право свое!* (девиз партии социалистов-революционеров, или эсеров, в России конца XIX – начала XX века); англ. *Make love, not war!* (лозунг движения протеста против Вьетнамской войны в 1960-е гг.); польск. *Wszystko dla naroda, wszystko przez naród* (воззвание из Манифеста Польского демократического общества от 4 декабря 1836 г.); бел. *Кроў за кроў, смерць за смерць!* (широко известный лозунг партизан в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на территории оккупированной Беларуси во время Великой Отечественной войны<sup>2</sup>) и т. п.

Афоризмами часто бывают и рекламные слоганы (либо их структурные части). Ср.: *Тот, кто пьет молоко, будет бегать далеко, будет прыгать высоко* (рекламное оформление советских молочных магазинов, ставшее крылатым)<sup>3</sup>; *Хороший банк – устойчивый банк* (реклама Московского городского банка с 1995 г.); англ. *A Diamond Is Forever* (рекламный слоган международной корпорации "De Beers", крупнейшего производителя бриллиантов в мире, под которым в 1946 г. была проведена рекламная компания, которая не только краткосрочно повысила продажи бриллиантов, но и кардинально изменила их статус: из редкого, элитного объекта бриллиант превратился в традиционный подарок на помолвку сначала в США, а затем и во всем мире); *Let's make things better!* (реклама электробытовых изделий

<sup>1</sup> См.: Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. Москва, 1997. С. 436.

<sup>2</sup> Заключительные слова текста знаменитой "Присяги белоруских партизан" (1941–1944 гг.), ставшие крылатыми (*Іваню Я.Я. і інш. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997. С. 87.*

<sup>3</sup> См.: Душенко К.В. Словарь современных цитат. С. 445.

фирмы “Philips” в 1990-х гг.); польск. *To nieprawda, że mężczyźni myślą tylko o jednym! Czas na EB!* (реклама польского пива “EB” с прозрачной аллюзией на значение славянского корня *-jeb-*); бел. *Слухай сваё!* (рекламный слоган современного белорусского национального музыкального шоу-бизнеса); *Не ўсё ў жыцці апошні раз. Дык падпісвайся!* (рекламный слоган подписки в конце 2000 – начале 2010 гг. на знаковую в белорусской культуре газету “Наша ніва”) и т. п.

Афористическими (обобщающими действительность) являются многие современные **эпиграфические тексты** (надписи, размещенные в различных общественных местах) информирующего, сигнализирующего, рекомендующего, регламентирующего содержания и социально значимого характера. При этом во многих из них (как правило, императивных высказываниях) генерализация нередко совмещается с конкретизацией действительности. Ср.: *Чистота – залог здоров’я* (распространенная надпись в медицинских учреждениях, пунктах общественного питания и т. д.); *Провер’яйте деньгі, не отходя от кассы!* (обычная надпись возле кассовых аппаратов в магазинах, в различных расчетно-кассовых центрах и пунктах обмена валюты, в кассах продажи билетов и т. п.); англ. *Keep your distance* (предупредительная надпись регламентирующая правила дорожного движения); *Be cautious with fire!* (напоминание, рекомендующее быть внимательным при обращении с огнеопасными предметами); польск. *Palenie tytoniu powoduje raka a choroby serca* (надпись на сигаретных пачках); *Niemcy leżą na wszystkich frontach* (перифразирование гитлеровского пропагандистского слогана “*Deutschland besiegt auf allen Fronten!*”, которое писали поляки на немецких афишах во время второй мировой войны)<sup>1</sup>; бел. *“Па газонах не хадзіць”, “рукамі не чапаць”, “не прыхіляцца”, “не ўзлазь – заб’е”, “пафарбавана”, “праходу няма”, “не працуе”, “не абслугоўваецца”, “аўтамат пашкоджаны”, “занята”, “зачынена”, “абед”, “санітарны дзень”, “усе білеты прададзены”, “пры пажары званіце па тэлефоне”* (М. Коўзкі, “Доля праўды”); *Паважайце працу іншых!* (обычно в сочетании с просьбой не сорить и т. п. и/или с конкретизирующей субституцией компонента *іншых*) ⇒ *У туалете вісела таблічка: “Паважайце працу тэхнічкі”. Таблічку ўсе чыталі, а працу не паважалі. Агідна было ў туалете, пакуль не прыватызавалі. Напрошваецца параўнанне месца агульнага карыстання з іншай агуль-*

<sup>1</sup> Этот афоризм стал крылатым, см.: *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 105.*

най уласнасцю, тут таксама няма яснасці. Як нам далей кіраваць – агітаваць ці прыватываваць? (М. Коўзкі, “Доля праўды”) и т. п.

Афористическими часто бывают и граффити<sup>1</sup>, баджи<sup>2</sup> разного содержания, многие из которых стали крылатыми<sup>3</sup>, а также те формы так называемого “письменного фольклора”<sup>4</sup>, которые соответствуют паремиям Ср.: *Твое счастье в твоих руках* (широко употребительная пословица, которая распространена в виде граффити в мужских WC); *Фотограф в ателье со значком “Не все сразу”* (пример Э.М. Береговской)<sup>5</sup> и т. п.

## § 6. Обиходно-бытовые афористические умозаключения

Афоризмами насыщена и живая разговорная речь, в которой весьма важное, хотя не всегда заметное, на первый взгляд, место занимают обиходно-бытовые умозаключения самой разнообразной тематики, но всегда социально или утилитарно значимого содержания (в том числе и суждения номологического характера, содержательно не актуальные вне перцепции). Нередко такие афоризмы встречаются в речи персонажей (или повествователя) в художественных и драматургических произведениях в качестве одного из средств создания художественной образности и речевой характеристики персонажа. Ср.: *Отражаясь в зеркале, предметы кажутся ближе; Перед едой надо мыть руки; Когда вода замерзает и превращается в лед, ее объем становится больше*; англ. *In winter it is necessary to put on warmly clothes; Before a meal it is necessary to wash hands*; польск. *Lepsza woda (mineralna) niegazowana, niż gazowana; Piosenka jest dobra na wszystko*;

<sup>1</sup> См.: Маркелова О. Vox populi vox dei: граффити и афористика // Юность. 2010. № 4. С. 44–48.

<sup>2</sup> Бадж (англ. *badge*) – значок с текстом (либо индивидуализированным, либо генерализованным) и тип текста (*Береговская Э.М.* Надпись на значке как вид текста // Филологические науки. 2000. № 6. С. 67–75), где превалируют именно афоризмы – пословицы и крылатые выражения, их пародийные перифразирования, разнообразные непереденные изречения обобщенного содержания и т. д.

<sup>3</sup> Ср. крылатые рекламные тексты и неполитические лозунги XX века в издании: *Душченко К.В.* Словарь современных цитат. Москва, 1997. С. 442–446.

<sup>4</sup> “Письменный фольклор” представляет собой специфическую семиологическую систему, качественно отличную от устного народно-поэтического творчества (ср.: *Бахтин В.С.* Реальность письменного фольклора // Экспедиционные открытия последних лет. Санкт-Петербург, 1996. С. 151–159).

<sup>5</sup> *Береговская Э.М.* Надпись на значке как вид текста. С. 74.

бел. Антон прыдзірлівым позіркам зверху ўніз акінуў Зосьчыну постаць і ў ягонных шэрых вачах з'явіўся клопат: – Ну як? Трохі падсохла? – Падсохла. Толькі спаднічка макраватая яшчэ. – Высахне. **На марозе ўсё хутка сохне.** (В. Быкаў, “Пайсці і не вярнуцца”); Муж вярнуўся з доўгае камандзіроўкі. У доме ва ўсіх пакоях гарэла святло і па-святочнаму пахла печывам. “**Прыемна вяртацца, калі цябе чакаюць. Цудоўна, калі ў доме водар печыва. Добра, калі жонка цябе сустракае**”, – падумаў ён (А. Глобус, “Дамавікамерон”); *Калі халодна, дык трэба апранацца цяплей, інакш захварэеш* (обиходно-бытовое умозаключение) и т. п.

Многие обиходно-бытовые умозаключения благодаря актуальности своего содержания и удачной форме его выражения начинают массово употребляться в речи, что способствует развитию качеств устойчивости и воспроизводимости таких изречений и их переходу в разряд пословиц с прямым значением, ср.: рус. *Все хорошо, что хорошо кончается; Жена приласкает, а мать пожалеет; Лучшее один раз увидит, чем сто раз услышит; На всех не угодишь; Не всякому слуху верь; Не слыть, а быть* (устар.)<sup>1</sup>; англ. *Custom makes all things easy; Desires are nourished by delays; Don't speak to the man at the wheel; Dying is as natural as living*<sup>2</sup>; польск. *Każdy odpowiada za siebie; Kto obiecał, nie dotrzyma, ten drugi raz wiary nie ma; Niemilo wspominać, czego żałować trzeba*<sup>3</sup>; бел. *Вучыцца ніколі не позна; Гарэлка да добра не даядзе; З дужым не дужайся, з багатым не судзіся; Лепей нічога, чым благога; Не вер чужомаму слову, а вер свайму воку; Чым мець абыякага, дык лепей ніякага*<sup>4</sup> и т. п. В некоторых случаях обиходно-бытовое умозаключение, став пословицей, приобретает переносное значение и вступает с ней в отношение омонимии, ср.: рус. *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (как обиходно-бытовой совет и как пословица в значении ‘Порядок в чем-либо надо наводить с верхов’<sup>5</sup>); польск. *Nie igraj z ogniem* (как обиходно-бытовое предостережение, адресованное детям, и как пословица<sup>6</sup> в значении ‘Не делай того, что

<sup>1</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 77, 117, 164, 183, 206, 220.

<sup>2</sup> См.: Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 100, 108, 145, 155.

<sup>3</sup> Mała księga przysłów polskich / pod red. S. Nyczaję. Radom, 1996. S. 144, 147, 251.

<sup>4</sup> Лепешай І.Я., Якалічэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. С. 123, 135, 219, 298, 363, 592.

<sup>5</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 160.

<sup>6</sup> Mała księga przysłów polskich. S. 149.

может повлечь за собой неприятные, опасные последствия', ср. в рус. *Не играй с огнем – обожжешься*<sup>1</sup>).

Специальное лексикографическое описание обиходно-бытовых афоризмов отсутствует, наиболее распространенные из них спорадически фиксируются в словарях фразеологии живой разговорной речи либо в паремиологических справочниках.

## § 7. Афоризмы-паремии

Афористичными, как известно, являются многие паремии – прежде всего пословицы, а также народные приметы, поверья, присловья, “деловые” изречения<sup>2</sup> и т. д. Показательно, что иметь афористическую семантику (значение обобщения действительности) могут паремии как с прямой мотивировкой общего значения (некоторые пословицы, народные приметы, поверья, “деловые” изречения и т. д.), так и с переносной (подавляющее большинство пословиц). Ср.: *Охота пуще неволи* (пословица имеет только прямую мотивировку общего значения); *И Москва не сразу (не вдруг) строилась* (пословица афористична только в своем переносном смысле ‘Сразу ничего не делается, на все нужно время’ и не является афоризмом, если употребляется в прямом значении, когда речь идет о городе Москве); *Сколько кукушка кому накукует, столько тому и жить* (широко известное поверье); *Щи да каша – пища наша* (распространенное присловье); англ. *He who begins many things, finishes but few* (пословица употребляется только с прямой мотивировкой общего значения ‘Кто многое начинает, мало заканчивает’); *Stretch your legs according to your coverlet* (пословица функционирует только в аллегорическом смысле ‘Следует приспосабливаться к обстоятельствам и всегда жить по средствам’)<sup>3</sup>; польск. *Słuchać mądrymu nie wadzi, kiedy głupi dobrze radzi* (пословица употребляется в прямом смысле ‘Иной дурак может умному посоветовать’)<sup>4</sup>;

<sup>1</sup> Словарь русских пословиц / под ред. В.М. Мокиенко. Москва, 2007. С. 207.

<sup>2</sup> По терминологии паремиологических типов Г.Л. Пермякова, см.: *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). Москва, 1975. С. 247–274.

<sup>3</sup> См.: *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 140, 623.

<sup>4</sup> См.: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: T. I–IV / Red. J. Krzyżanowski.* Warszawa, 1969–1978. *Krakow* 4b, *Radzić* 11d.

*Choćbyś szedł i do Krakowa, i tam bieda jednakowa* (пословица афористична только в переносном значении ‘Хорошо там, где нас нет’); бел. *Пчолы ў сонечны дзень ляцяць у вулей – будзе навальніца* (народная прогнозная примета); *Маланка часцей б’е ў дуб, елку, сасну, радзей – у бярозу, і амаль не кранае таполі, вяза, арэшніка* (народная примета перцептивного характера); *Позні цвет мяты на мёд багаты* (“деловое” изречение)<sup>1</sup> и т. п.

Иногда в результате противопоставления в речи прямой vs. переносной мотивировки общего значения пословиц может возникать так называемая “паремиологическая омонимия”, что является одним из ярких проявлений системно-языковой природы афористической семантики. Ср.: *Лежачего не бьют* (пословица с переносным значением ‘Человека, попавшего в беду или пострадавшего от какой-либо неприятности, следует щадить, жалеть’) и *Лежачего не бьют* (в прямом значении одно из старинных правил кулачного боя на Руси<sup>2</sup>, которое сохранилось до нашего времени); англ. *Don't put all your eggs in one basket* (может употребляться и в переносном значении ‘Риск нужно распределять’ как пословица, и в прямом в качестве практического совета “не класть все имеющиеся яйца в одну корзину”); польск. *Kucharz głodny nie chodzi* или *Kucharz z głodu nie umrze* (функционирует и в переносном смысле ‘Тот, от кого зависит благо других, сам никогда бедствовать не будет’ как пословица, и в прямом значении – ‘Тому, кто готовит еду для других, всегда останется, что поесть’ как присловье); бел. *Канюшына – каню сіла* (может употребляться и как пословица с переносным значением ‘Каждому нужно нечто свое, только определенное, для существования и самовыражения’, и в прямом смысле в качестве присловья, которое говорится, когда кормят клевером коня, либо как “деловое” изречение, когда речь идет о том, как следует ухаживать за лошадьми<sup>3</sup>) и т. п.

Состав пословиц активно пополняется за счет прежде всего ставших устойчивыми и получивших массовое распространение в речи обиходно-бытовых умозаключений и утративших ассоциативную связь

<sup>1</sup> См.: *Анічэнка У.В., Малюк А.К.* Трапныя выразы // *Анічэнка У.В., Малюк А.К.* Народныя прыкметы. Мінск, 1992. С. 84–87.

<sup>2</sup> Ср. *Максимов С.В.* Крылатые слова [1891]. Москва, 1955. С. 246. В петровском “Указе о кулачных боях” (1726) было сказано: “*Кто упадет, лежащих никого не били бы*” (Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым с предисловием и дополнениями. Москва, 1848. С. 202).

<sup>3</sup> Ср.: *Іваноў Я.Я. і інш.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997. С. 80.

с источником своего происхождения крылатых афоризмов из различных литературных источников (художественных, публицистических, научных, юридических, конфессиональных и др.), а также в единичных случаях – за счет текстов массовой коммуникации (девизов, лозунгов, призывов, рекламных слоганов, разного рода эпиграфических текстов). Ср.: рус. *Болтун – находка для шпиона* (пословица – лозунг времен сталинских репрессий, обычная надпись на плакатах в советских учреждениях 1930-х и 1940-х гг.); *Человек человеку друг* (пословица – антоним к известному изречению *Человек человеку волк*, сокращенный вариант распространенного в СССР лозунга *Человек человеку друг, товарищ и брат*, впервые сформулированного в тексте “Программы Коммунистической партии Советского Союза”, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г.)<sup>1</sup>; англ. *Through hardship to the stars* (ставший пословицей девиз британских Королевских ВВС<sup>2</sup>, который часто употребляется в своем латинском оригинале *Per ardua ad astra*<sup>3</sup>) и т. п.

В паремиологический фонд языка помимо традиционных пословиц (общенародных и диалектных) следует включать провербильные единицы социальных субстандартов, а также современного городского фольклора (так называемые “современные” пословицы). В отличие от имеющей давние традиции диалектной паремиографии<sup>4</sup>, дифференцированные словари “городских”, субстандартных и т. п. пословиц за редким исключением не создаются<sup>5</sup>, они, как правило, отражаются в специальных разделах в словарях различных жаргонов, арго, сленгов<sup>6</sup>. Отдельные субстандартные паремии фиксируются в

<sup>1</sup> Словарь русских пословиц / под ред. В.М. Мокиенко. Москва, 2007. С. 43, 313.

<sup>2</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained.* London, 1969. Prov. 682.

<sup>3</sup> Эта латинская пословица, в отличие от своего весьма распространенного в европейских языках варианта *Per aspera ad astra*, сохранилась в своем неизменном виде только в английском языке и только благодаря тому, что была в свое время избрана в качестве девиза ВВС Великобритании, см.: *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained.* Prov. 554.

<sup>4</sup> См.: Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь псковских пословиц и поговорок. Санкт-Петербург, 2001 и др.

<sup>5</sup> *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Пословицы русского субстандарта: материалы к словарю. 2. verb. u. erw. Aufl. Greifswald, 2001.

<sup>6</sup> См.: Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-благной среде // Словарь тюремно-лагерно-благного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992. С. 334–341; *Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А.* Жаргон-энциклопедия московской тусовки: в 2 ч. Москва, 1997 (разделы о пословицах); *Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А.* Жаргон-энциклопедия сексуальной тусовки для детей от 18 до 80 лет и дальше. 2-е изд., доп. Москва, 1999 (разделы о пословицах) и др.

словарях субстандартов<sup>1</sup>, а поговорки из городского фольклора (в том числе и субстандартного происхождения) спорадически включаются во фразеологические словари живой речи<sup>2</sup> и в общие словари пословиц<sup>3</sup>, ср.: рус. *На халяву и укус сладкий; Солдат спит, служба идет; Хочешь жить – умей вертеться*<sup>4</sup>; польск. *Myśli gazeta, że ją każdy czyta; Nie rób z tata wariata, a z tatu raporatu*<sup>5</sup>; бел. *Як пайшла такая п'янка, рэж апошні агурок; Скватнасць фраера згубіла; Хочаш жыць – умей круціцца*<sup>6</sup> и т. п. Состав современных пословиц пополняется за счет широко известных и массово употребляемых “современных” афоризмов, а также антипословиц, антицитат (см. Глава 2).

Среди народных изречений, традиционно относимых к пословицам, встречается некоторое количество (не более 10%) единиц с переносным значением, в которых действительность не обобщается, а только образно характеризуется, оценивается, ср.: рус. *И волки сыты и овцы целы; Куда ни кинь, везде клин; Овчинка выделки не стоит*<sup>7</sup>; англ. *Give a dog a bad name and hang him; What will Mrs Grudy say?*<sup>8</sup>; польск. *Gra nie warta świeczki; Ma więcej w pięcie niż ty w głowie; Piękny kwiatek, a nie pachnie*<sup>9</sup>; бел. *Без прыказкі і з лаўкі не зваліцца; Кось-кось, ды ў аглоблі; Ні села, ні пада, дай, баба, сала*<sup>10</sup> и т. п. Такого рода изречения не являются афоризмами, как большинство пословиц, поэтому их правомерно относить к разряду поговорок и включать не в паремиологический, а во фразеологический фонд языка.

### **Контрольные вопросы и задания**

1. *Какие свойства присущи афоризму как речевому жанру?*
2. *Назовите основные жанровые разновидности афоризма.*

<sup>1</sup> См.: Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов и 7000 устойчивых сочетаний. Санкт-Петербург, 2000.

<sup>2</sup> Ср.: Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: словарь разговорных выражений. Москва, 1994; Кузьмич В. [Белко В.К.] Жгучий глагол: словарь народной фразеологии. Москва, 2000.

<sup>3</sup> Ср.: Мокшенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. Москва, 2010.

<sup>4</sup> Словарь русских пословиц / под ред. В.М. Мокшенко. Москва, 2007. С. 269, 304, 307.

<sup>5</sup> *Mała księga przysłów polskich* / pod red. S. Nyczaja. Radom, 1996. S. 61, 226.

<sup>6</sup> *Ленешаў І.Я., Якацэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. С. 454, 480, 549.

<sup>7</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 129, 154, 233.

<sup>8</sup> *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 230, 740.

<sup>9</sup> *Mała księga przysłów polskich*. S. 68, 103, 166.

<sup>10</sup> *Ленешаў І.Я., Якацэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. С. 87, 284, 396.

3. В чем особенности развития афоризма как литературного жанра?

4. Перечислите авторов, которые считаются классиками жанра афоризмов в европейской литературе.

5. Произведения каких малых литературных жанров могут быть афористическими?

6. Чем отличаются афоризмы как отдельные произведения от афоризмов в составе литературных текстов?

7. Чья компиляция античных афоризмов является самой известной?

8. Приведите примеры афористических формулировок научных истин.

9. Составьте список пословиц, в которых содержатся юридические формулы.

10. Какие выделяются разновидности афоризмов как текстов массовой коммуникации?

11. В чем состоит отличие обиходно-бытовых афористических умозаключений от пословиц?

12. Перечислите основные разновидности афоризмов-паремий.

13. Какие пословицы не являются афористическими?

14. Приведите примеры омонимичных пословиц с прямым и с переносным общим значением.

## ПАРОДИИ НА АФОРИЗМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Специфической разновидностью афоризмов являются пародии на сами афоризмы, которые приобрели особенную популярность в русле становления и развития литературы постмодернизма и оформились в настоящее время уже в самостоятельную жанровую форму.

В зависимости от того, какие разновидности афоризма пародируются, все пародии на них можно дифференцировать на три большие группы: “антипословицы”, “антицитаты”<sup>1</sup> и собственно “антиафоризмы”<sup>2</sup>.

### § 1. Антиафоризмы

Целью создания антиафоризмов является пародирование, осмеяние функций и/или содержания, отрицание самого жанра афоризмов в целом либо такой разновидности афоризмов, как литературные произведения (см. *Глава 1, § 1*).

Классическим образцом антиафоризмов являются “*Плоды раздумья: Мысли и афоризмы*” (1854) Козьмы Пруткова<sup>3</sup>, которые создавались как пародия на литературное эпигонство в жанре афоризмов,

<sup>1</sup> Термины *антипословица* и *антицитата* были предложены крупнейшим паремиологом нашего времени В. Мидером и в отличие от иных терминологических инноваций (*квазипословицы, неопословицы, новые / современные пословицы* и т. п.) довольно верно выражают суть объекта номинации – его противопоставление по содержанию и функциям традиционным паремиям и крылатым цитатам. Ниболее популярным стал термин *антипословица*, который часто употребляется в широком смысле применительно к любым пародиям на афоризмы и иные устойчивые фразы. И термин, и понятие “антипословица” оспариваются вне паремиологии, ср.: *Дубичинский В.* Против чего же “Антипословицы”? // Грани слова: сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. Москва, 2005. С. 629–634; *Энтлейн М.Н.* Неофразия – 1 // Дар слова: проективный лексикон русского языка. 14.09.2008 г. Электронный ресурс: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200809/14080549.html>.

<sup>2</sup> Термин образован по образцу терминов *антипословица* и *антицитата* с той же деривационной мотивацией (ср. *комические / современные афоризмы* и т. п.).

<sup>3</sup> Литературная маска, под которой в журналах “Современник”, “Искра” и других выступали в 1850-е и 1860-е гг. поэты Алексей Толстой, братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы (фактически – коллективный псевдоним всех четверых).

использовались как популярная жанровая форма для высмеивания умственного застоя и косных политических взглядов, опирающихся на традиционные изречения и суждения здравого смысла, ср.: *Почаще оглядывайся на зады, чтобы избежать в будущем знатных ошибок; Если на клетке слона прочтешь надпись “буйвол”, не верь глазам своим; Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану; Зри в корень!; Никто не обнимет необъятного; Если хочешь быть счастливым, будь им; Усердие все превозмогает!; Лучшие скажи мало, но хорошо; Легче держать вожжи, чем бразды правления; Не все стрижи, что растет; Не ходи по косогору, сапоги стопчешь!* и др.

Антиафоризмы близки по содержанию и форме его выражения грегориям Р. Гомеса де ла Серна, которые создавались как жанр изречений в противопоставление литературному жанру афоризма (см. *Глава 1, § 1*).

К антиафоризмам целесообразно относить и приобретающие все большее и большее распространение в настоящее время т. н. “современные афоризмы” (“мерфизмы”<sup>1</sup>, “афонаризы”<sup>2</sup>, “АиФоризмы”<sup>3</sup> и под.), которые создаются как отдельные речевые произведения, но авторы которых, как правило, не являются писателями (в силу чего не всегда маркируют свое авторство) и намеренно не претендуют на роль наставников добродетели или учителей мудрости. Содержание подобных афористических изречений часто не является социально значимым и не всегда характеризуется позитивным взглядом на мир. Ср.: *Если четыре причины возможных неприятностей заранее устранимы, то всегда найдется пятая (“четвертое следствие закона Мерфи”); Под давлением все ухудшается (“Закон термодинами-*

<sup>1</sup> Мерфизмы – это такие афоризмы, в которых концептуализируется негативный жизненный опыт, см.: *Иванова Н.С.* Опыт лингвистического исследования мерфизмов. Благовещенск. 2010 (на материале американского варианта английского языка).

В основе мерфизмов лежит так называемый “закон Мерфи” (англ. Murphy’s law) – шуточный философский принцип “Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет”, сформулированный капитаном ВВС США инженером Э. Мерфи (Murphy) в 1949 г. в ходе участия в выполнении проекта по определению максимальной перегрузки, которую способен выдержать человеческий организм.

<sup>2</sup> Название рубрики в еженедельнике “Литературная газета”, где печатаются изречения пародийного, шуточного, сатирического содержания (созвучное разговорно-сниженному *офонареть* ‘лишиться рассудка, разума; отупеть, полупеть’).

<sup>3</sup> Название рубрики популярной российской еженедельной газеты “Аргументы и факты”, в которой публикуются афоризмы, присланные ее читателями, образованное от сокращенного самоназвания газеты – “АиФ”.

ки Мерфи”); *Вам будет легче вставать на работу вовремя, если на будильник вы положите мышеловку; Мечта всех женщин – стать мечтой одного мужчины; Трезвый – это хорошо выпавшийся пьяный* (www.liveinternet.ru/users/.../tags/афоризмы/); англ. *Nothing is as easy as it looks; If there is a possibility of something to go wrong, it will go wrong* (самые известные Murphy’s Law<sup>1</sup>); польск. *Bólu nie liczy się na metry, tylko na łokcie* (www.mysli.cytaty.info/); *Młodzież w stanie nietrzeźwym może spowodować potomstwo* (www.humor.nf.pl/Ciekawostki/typ\_cytat/); бел. *Чалавек памірае на радасць мікробам* (“Вожык”, 1984 г., № 14); *Дайшоўшы да кропкі, настаў яе і ідзі далей* (“Вожык”, 1985 г., № 18); *Шчасце – гэта добрае здароўе і кепская памяць* (“Вожык”, 2005 г., № 4); *Жыцце гэта такое кіно, якое хочацца даглядзець да канца* (“Вожык”, 2006 г., № 1); *Нішто так не псуе прагнозы, як надвор’е* (“Вожык”, 2006 г., № 1) и т. п.

Такие афоризмы не издаются в виде отдельных книг одного автора, очень редко компилируются в виде сборников разных авторов (хотя могут объединяться тематически, как мерфизмы<sup>2</sup>, или по происхождению, как АиФоризмы<sup>3</sup>), однако регулярно включаются в сборники и словари антипословиц (в широком смысле)<sup>4</sup> на том основании, что, с одной стороны, лишены ряда значимых дифференциальных признаков жанра литературных изречений (идиостилистического характера содержания и средств выражения обобщенной мысли, ее мировоззренческой глубины и значимости) и поэтому противопоставляются ему, а с другой, близки пословичному жанру (анонимность, стилистическая близость разговорной речи) и жанру антипословиц (ироническое осмысление действительности, пародирование культурных стереотипов и под.)<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Иванова Н.С. Мерфизмы как знаки дискурсивного сообщества // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2008, № 2. С. 154.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Мерфи / пер. с англ. 2-е изд. Минск, 2006 (где собраны “Законы Мерфи”, “Законы Мерфи 2000”, “Законы Мерфи для юристов”, “Законы Мерфи для медиков”, “Законы матушки Мерфи”, “Законы матушки Мерфи для родителей”, “Новые законы Мерфи” на основе изданий, увидевших свет в США в 1997–2003 гг.).

<sup>3</sup> Суперальманах народных АиФоризмов: творчество читателей еженедельника “Аргументы и факты” 1999 г. / сост. В. Нечаев. Москва, 1999.

<sup>4</sup> См.: *Mieder W. Antisprichwörter*. Wiesbaden, 1982–1989. Bd. 1–3; *Вальтер Х., Мокшенико В.М. Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург, 2005 и др.

<sup>5</sup> В отдельных случаях антиафоризмы и антипословицы дифференцируются в рамках одного издания, например, ср.: *Мокшенико В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)*. Санкт-Петербург, 2006.

## § 2. Антипословицы

Преобразования известных пословиц с целью отрицания, шуточного обыгрывания, высмеивания их содержания – явление не новое, “переделки пословиц являются такими же древними, как и сами пословицы”<sup>1</sup>. Языковая игра с пословицами встречается в античности, приобрела особую значимость в средние века на фоне карнавализации действительности<sup>2</sup>, была предметом литературных сочинений в XVII и XVIII веках – эпоху наивысшего интереса к пословицам в аристократических салонах, а с середины XIX века стала целью пародирования и осмеяния пословиц. В повести Оноре де Бальзака “Un debut dans la vie” (1842) содержится выразительное описание игры его современников с пословицами: “В те годы в мастерских живописцев была мода переиначивать пословицы. Каждый старался, изменив несколько букв или найдя более или менее похожее слово, придать пословице нелепый либо потешный смысл”<sup>3</sup>. Пословицы стали широко и разнообразно обыгрываться в художественных и публицистических текстах. Отдельные трансформы пословиц приобрели известность и стали восприниматься как шуточные безотносительно связи со своими прототипами. Ср. широко известное рус. *Не так страшен черт, как его малютки* (< *Не так страшен черт, как его малюют*) из рассказа Н.С. Лескова “Зимний день” (1894) или не менее известное бел. *Касцей гарэлка не паломіць* (< *Пара касцей не ломіць*) из поэмы Якуба Коласа “Новая зямля” (1910–1923).

В XX веке перефразирование пословиц с целью пародийного или шуточного эффекта приобрело массовый характер в разных европейских языках, стало интернациональным явлением, ср.: англ. *Marry in haste, and pay alimony at leisure; Eat, drink and be merry for tomorrow they may recall your credit card*; нем. *Lügen haben schöne Beine; Gegensätze ziehen sich an. Und dann aus*; фр. *Il faut battre son frere quand il est chaud; Comme on fait son nid on se couche*; чеш. *Kradenýmu koni nekoukej na zuby!*;

<sup>1</sup> Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter = Словарь русских антипословиц. Greifswald, 2002. S. 8.

<sup>2</sup> Как известно, в эпоху средневековья, “кроме пародийной литературы в строгом смысле, жаргон клириков, монахов, школяров, судебных и народная разговорная речь пестрели всевозможными травестиями различных [...] изречений, положений ходячей мудрости” (Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва, 1965. С. 96).

<sup>3</sup> Бальзак О. Первые шаги в жизни / пер. с фр. В.О. Станевич, И.С. Тагариновой // Бальзак О. Полное собрание сочинений: в 24 т. Москва, 1950. Т. 5. С. 45.

*Svět se mění, jen ODS zůstává stejná*; серб. *Ko drugome jamu kopa sam u New Orleans*; *Ne jedi govna kad je burek 0,80 centi*; польск. *Gdzie kucharek sześć, tam cycków dwanaście*; *Gdyby kózka nie skakala, to by ślimak wystaw rogi*; руск. *Старого воробья без пива не прожжешь*; *Голод не тетка – в лес не убежит*; укр. *Своє болото ближче до тіла*; *Сміється той, хто сміється після істину*; бел. *Дарагая тая хатка, за якую заплаціў падаткі*; *Хто парася ўкраў, у таго на патэльні пішчыць* и т. д.

Трансформации пословиц с целью создания новых афоризмов, в которых пародируется исходный текст или высмеивается окружающая действительность, с середины XX века прочно вошли в творческий арсенал писателей-афористов, ср.: рус. *Готовь летом сани, но торгуй ими зимой. Поступать наоборот – не оперативно*; *Даренному автомобилю в кузов не смотрят*; *Два сапога – пара, если они одного номера и фасона*; *Из песни слова не выкинешь, но можно выкинуть песню*; *Каждому свое, а иным и чужое*; *Слово – серебро, зубы – золото*; *Соловья баснями не кормят, а читателя перекармливают*; *Ученье – свет, неученых – тьма*; *Цыплят по осени считают. Тогда же подсчитывают и убытки от их надежда* (Э. Кроткий, “Отрывки из ненаписанного”); польск. *Człowiek z człowiekiem się nie zjeździe, ale góra z górą zawsze*; *Nadzieja jest matką głupich, co nie przeszkadza jej być uroczą kochanką odważnych*; *No i przebiłeś głową mur. Co będziesz robił w sąsiedniej celi?*; *Nie podcinaj gałęzi na której się dzisz, chyba że chcąc na niej powiesić*; *Nie wrzucaj wszystkiego do jednego worka – nie udźwigniesz*; *Wszystko jest w rękach człowieka. Dla tego należy je często myć* (S.J. Lec, “Mysli nieuczestane”) и т. п.

В начале XX столетия появились и первые издания пародийных и шуточных перефразирований пословиц, наиболее известным из которых был сборник П. Элюара и Б. Пере “*152 proverbes mis au goût du jour*” (1925)<sup>1</sup>. А в конце XX – начале XXI века увидели свет фундаментальные собрания антипословиц основных европейских языков: “*Antisprichwörter*” (1982–1989) В. Мидера, “*Česká přísloví. Soudobý stav konce XX století*” (1997) Ф. Шиндлера и Д. Биттнеровой, “*Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*” (1999) В. Мидера и А. Литовкиной, “*Антипословицы русского народа*” (2005) Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, “*Viccében él a nemzet: magyar közmondás-paródiák*” (2005) А. Литовкиной и К. Варга и др.

К антипословицам целесообразно относить и такие изречения, в которых пародируются и высмеиваются содержание и/или форма

<sup>1</sup> Éluard P., Pèret B. 152 proverbes mis au goût du jour. Paris, 1922.

не конкретных пословиц, а пословичного жанра вообще, его основные функции (дидактическая, аргументативная и др.), когнитивные доминанты proverbially картины мира (состав отображаемых социокультурных реалий, система концептов и категорий, ценностных установок и др.). Ср., например, изречения, в которых осмеянию подвергаются присущие русским пословицам позитивные оценки труда, заслуженного отдыха, негативные оценки лени, пьянства: *Если хочешь поработать – ляг, пости, и все пройдет; Кто тяжело работает, тот тяжело отдыхает; Поработал на совесть – поработай на себя; Трудно жить не работая, но мы не боимся трудностей*; а также антипословичные синонимы шутливой пословицы *Работа не волк в лес не убежит* – *Работа не волк, есть не просит; Работа не волк, не кусается; Работа не волк, но что-то звериное в ней есть; Работа не волк, свинью не сожрет; Работа не сайгак, за бархан не убежит; Работа не хрен, сто лет простоит*<sup>1</sup> и т. п. Или изречения различного содержания, которые в пародийных целях построены по определенной, типичной для пословиц композиционной схеме, что обуславливает эффект их жанрового “родства” между собой: бел. *Лепей жывот ад рыва, чым горб ад працы; Лепи маленькі доллар, чым вялікі дзякуй; Лепи мець дзве жонкі, чым адну цешчу; Лепи напіцца і ўсцацца, чым нажрацца і ўсрацца* (записана ў 2008–2010 гг.) и т. п.

Большинство антипословиц не употребляется широко в речи, имеет индивидуально-речевую природу. Те же из них, которые становятся известными и начинают массово функционировать в речи (как правило, пародирующие содержание или форму не конкретных пословиц, а пословичного жанра в целом, его наиболее значимых аспектов), могут с течением времени утратить пародийный характер, поскольку вступают в парадигматические отношения (антонимии или синонимии) с единицами паремиологической подсистемы языка. Так, широко распространенная пословица *Век живи, век учишь, а дураком помрешь* (бел. *Век жыві – век вучыся, а дурнем памрэш*) является очевидной пародией на антонимичную ей пословицу *Век живи, век учишь* (бел. *Век жыві – век вучыся*) и благодаря изначально присущей ей двусмысленности (может пониматься и как насмешка над необходимостью учиться или приобретать жизненный опыт, и как вывод о без-

<sup>1</sup> Мокшенок В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Санкт-Петербург, 2006. С. 225, 229, 230, 257, 306, 328.

граничности знаний, приоритете коллективного жизненного опыта над индивидуальным), утратила пародийный характер и получила вторую жизнь в качестве полноправной поговорки. Поговорка *Работа не волк в лес не убежит*, как и поговорки *Дурака работа любит*, *У бога дней много – наработаемся* и под., первоначально, видимо, также были антипоговорками, в которых пародировалась одна из традиционных поговорочных мудростей – восхваление труда как основы жизни общества. Бывшими антипоговорками активно пополняется состав так называемых “современных” поговорок и поговорок социальных субстандартов (см. *Глава 1, § 7*).

К антипоговоркам близки поговорки, в которых высмеивается и/или пародируется действительность, типичные ситуации социальной жизни, а также общепринятые представления о них, их оценки и под. Это прежде всего достаточно большое число поговорок с алогичным содержанием, которые далеко не всегда обладают семантикой обобщения<sup>1</sup>, однако “почти все имеют пародийный характер”<sup>2</sup>, ср.: рус. *Бывает и курица петухом поет; Курица не птица, баба не человек; Любовь зла, полюбишь и козла; Маленькая собачка до старости щенок; На безрыбье и рак рыба; На сердитых воду возят; Страшнее кошки зверя нет* (восходит к басне И.А. Крылова “Мышь и крыса”, 1816); *Судьба – индейка*<sup>3</sup>; бел. *Вада не гарэлка – шмат не вып’еш; На бязрыб’і і рак рыба; Не можа быць, каб латці ваду пратускалі; Нечым*

<sup>1</sup> Большинство алогичных паремий не содержат обобщения в прямом значении (не являются афоризмами), что можно объяснить ментальным запретом на искажение или отрицание закономерностей действительности самих по себе (безотносительно их содержания), выражать которые и предназначены поговорки, ср.: рус. *И волки сыты, и овцы целы; Купило притупило; На охоту ехать – собак кормить; На тебе, боже, что нам негоже; Опять двадцать пять; Опять за рыбу деньги; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; Слепой сказал: “Посмотрим”; Хвалилась синица море зажечь; Хоть яловая, а телось (Жуков В.П. Словарь русских поговорок и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 129, 156, 188, 190, 193, 237, 238, 257, 305, 344); бел. *Бывала, варона латці абувала, а цяпер зрак ходзіць так; Дзед бабці купіў латці, былі малыя – абсек пальцы; Мой бацька нікому не вінен: у аднаго пазычыць, другому аддасць; На адно вуха слепаваты, на адно вока глухаваты; Пабачым, скажаў сляпы <, як бязногі паскача>; Палешала бацьку к смерці; Сем гадоў мак не раззіў, а голаду не было; Уткні мяне, божа, куды мне не трэба (Лепешаў Г.Я., Якаліцвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. С. 102, 167, 325, 330, 411, 421, 475, 534). Квалификация таких паремий как “поговорки” и их включение в словари наравне с поговорками, которые все без исключения имеют обобщенное значение (являются афоризмами), является, как уже говорилось, не вполне оправданными (см. *Глава 1, § 7*).**

<sup>2</sup> Левин Ю.И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика. Москва, 1981. Вып. 16. С. 146.

<sup>3</sup> Словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко. Москва, 2007. С. 27, 55, 156, 161, 162, 175, 268, 281.

ваўку спаражняцца, дык ён лыкам; Хай конь думае: у яго галава вялікая; Чакай Пятра – сыру з'ясі<sup>1</sup> и т. п. Пословицы парадоксального содержания не относятся к антипословицам и от них не происходят. Пародийное начало в них не носит жанровый характер, не имеет литературной природы (не предназначено для искажения некоего текста), а является средством или приемом выражения комического в пословицах, многие из которых не только употребляются в речи с экспрессивным оттенком шутливости, ироничности и т. п., но и сами по себе являются остроумными шутками.

К антипословицам в строгом смысле не следует относить такие изречения, в которых пародируются не пословицы или пословичный жанр в целом, а те или иные “ходячие мудрости”, содержание которых не нашло отражения в провербиальном фонде языка, ср.: рус. *Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах* (< *Алкоголь в малых дозах безвреден*); *Деньги – зло. Зайдеши на рынок, и зла не хватает* (< *Деньги – зло*); *Мир тесен: все время натыкаешься на себя* (< *Мир тесен*); *С красивой жить не запретишь* (< *Красиво жить не запретишь*)<sup>2</sup>; бел. *Падумай, перш чым падумаць!* (< *Падумай, перш чым сказаць*); *Сабака – сябар чалавека, але не заўсёды пра гэта ведае* (< *Сабака – сябар чалавека*); *У кепскае надвор'е добры сабака свайго гаспадара на вулицу не пацягне* (≅ *У дрэннае надвор'е добры гаспадар свайго сабаку на двор не выгане*)<sup>3</sup> и т. п.

Не являются антипословицами и изречения, в которых пародируются народные приметы, поверья и иные паремии непословичного характера, ср.: рус. *Секс-бомбы в одну кровать дважды не падают* (< *Бомбы в одно место дважды не падают – поверье военных, основанное на практике*); *Не свисти – девок не будет* (< *Не свисти – денег не будет – народная примета*); *Индюк тоже думал – пока петухом не стал* (< *Индюк тоже думал, да в суп попал – приговорка*)<sup>4</sup>; бел. *Хутка вытїтая шклянка не лічыцца налітай* (< *Калі што-небудзь хутка падняць, то не лічыцца, што яно упала – шутливое поверье*); *Кажуць, што добрых людзей забірае Бог. Нічога не зробіш – усе любяць*

<sup>1</sup> Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. С. 108, 333, 395, 539, 564, 578.

<sup>2</sup> Ср.: Вальтер Х., Мокшенико В.М. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург, 2005. С. 28, 129, 174, 262, 435.

<sup>3</sup> См. белорусский сатирический журнал “Вожык” (2003, № 3; 2005, № 6, 9).

<sup>4</sup> Ср.: Мокшенико В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Санкт-Петербург, 2006. С. 28, 84, 126.

*прыстойнае акружэнне* (в основе – религиозное поверье); *На чым бы трымалася зямля, калі б кіты рабілі перакуры* (< *Зямля трымаецца на трох кітах* – древнее космогоническое поверье); *Не выносьце скваркі з хаты!* (< *Сваркі з хаты не выносяць* – правило жизни < *Смеіце з хаты не выносяць* – иносказательный вариант этого правила жизни, основанный на древнем поверье, предписывающем сжигать мусор в печи, а не выносить его из избы, иначе в нем могут оказаться волосы ее хозяев или другие предметы, которые могут быть использованы для колдовства злыми людьми и принести различные беды)<sup>1</sup> и т. п.

Нельзя считать антипословицами также такие изречения, в которых пародируются или используются в пародийных целях поговорки (в их традиционном понимании как фразеологизмы) или иные языковые клише нелитературного происхождения, которые не являются пословицами. Ср.: рус. *Ветер в голове попутным не бывает* (< *ветер в голове у кого*); *Губа – не дура, язык – дурак* (< *губа не дура у кого*); *Жизнь бьет ключом, и все по голове* (< *жизнь бьет ключом у кого, чья*)<sup>2</sup>; бел. *Адны жьлі-былі, а іншыя былі, але не дажылі* (< *жылі-былі... – формула зачина в народных сказках*); *Збіраешся ўпасці духам – выбірай мяккае месца* (< *падаць духам*); *У каго валасатыя лапы, у таго і рыльца ў пушку* (< *рыльца ў пушку у кого*)<sup>3</sup> и т. п. Такие изречения близки к т. н. “антипоговоркам” (нем. Antiredensarten)<sup>4</sup>, пародийным или шутливым трансформам фразеологизмов, ср.: рус. *забить козла отпущения* (< *забить козла и козел отпущения кто*); *легок на подъем тостов* (< *легок на подъем кто*); *отдать концы в воду* (< *отдать концы и концы в воду*); бел. *курам на смех* (< *курам на смех*); *як кіт наплакаў* (< *як кот наплакаў*) и т. п.

В этой связи актуальна проблема квалификации антипословиц как речевого жанра, которая пока далека от окончательного решения. Самый авторитетный паремистолог современности В. Мидер отстаивает широкое понимание термина “антипословица” (называя так все пародии на любые клишированные тексты и на литературные изречения, а также афоризмы, созданные по образцу пословиц)<sup>5</sup>, разграничивая при этом (при издании сборников и словарей) собственно антипо-

<sup>1</sup> “Вожык” (1989, № 11; 1994, № 7; 2003, № 11).

<sup>2</sup> Ср.: Мокшенико В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь. С. 39, 72, 108.

<sup>3</sup> “Вожык” (2001, № 2; 2003, № 12; 2004, № 5, 8).

<sup>4</sup> Или искаженным, исковерканным, “перекрученным” фразам (нем. verdrehte Phrasen), “размолоченным, опустошенным фразам” (нем. verdreschten Phrasen), см.: Mieder W. Phrasen verdreschen: Antiredensarten aus Literatur und Medien. Wiesbaden, 1999.

<sup>5</sup> Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien. Wiesbaden, 1998. S. VII.

словицы, а также антипоговорки и антицитаты. Однако и в прикладном плане понятие антипословицы, как было показано выше, все же остается весьма неопределенным. В этой связи целесообразно квалифицировать как антипословицы (в строгом смысле) пародийные или шуточные трансформации только пословиц (как конкретных, так и пословичного жанра в целом). Соответствующие же перефразирования непословичных устойчивых выражений во избежание терминологической путаницы называть по-иному (например, более общим термином – “антипаремии”, который можно рассматривать как родовой по отношению к более узкому термину “антипословица”).

Не все антипословицы являются по своему содержанию и по форме афоризмами. Тот факт, что в них не всегда сохраняется афористичность, присущая исходным текстам (пословицам), объясняется направленностью антипословиц прежде всего на создание комического эффекта (часто за счет намеренной алогичности), а не на обобщение действительности, ср.: *На свою Саню не ложись* (< *Не в свои сани не садись*); *Что с возу упало – тому и глаз вон* (< *Что с возу упало, то пропало*); *В тесноте, да не обедал* (< *В тесноте, да не в обиде*)<sup>1</sup> и т. п.

### § 3. Антицитаты

Крылатые слова и афоризмы довольно часто употребляются в речи в модифицированном виде. Контекстуальные изменения, как правило, не затрагивают содержание крылатых единиц, поскольку его сохранение является обязательным условием функционирования интертекстов. В тех случаях, когда трансформация внешней формы ведет к изменению смысла, образуются новые единицы, которые выполняют номинативную и/или экспрессивную функцию (служат для наименования неких реалий, оценок действительности и др.) либо создаются специально как пародия (ирония, шутка, сатира) на исходную крылатую единицу, содержание ее текстового источника и/или мировоззрение его автора.

Пародийные, ироничные, шуточные, сатирические трансформы крылатых афоризмов относятся к жанру т. н. “антицитат”<sup>2</sup> и доста-

<sup>1</sup> Мокшенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Санкт-Петербург, 2006. С. 45, 252, 297.

<sup>2</sup> Mieder W. Verkehrte Worte. Antizitate aus Literatur und Medien. Wiesbaden, 1997.

точно широко распространены в языке публицистики, Интернет-коммуникации, разговорной речи, а также в субстандартных вариантах языка. Ср.: рус. *Лишний рот хуже пистолета* (< *Ах, злые языки страшнее пистолета* – крылатое изречение из комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”); *Чем больше женщинам мы меньше, тем больше меньше они нам или Чем больше женщину мы любим, тем хуже делаем себе или Чем меньше женщину мы любим, тем больше меньше она нас* (< *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей* – крылатый афоризм из романа в стихах А.С. Пушкина “Евгений Онегин”)<sup>1</sup>; англ. *The course of true love never runs – it stops and parks!* или *The course of true love never runs smooth – it usually leads to marriage* или *The course of two loves never does run smooth* (< *The course of true love never did run smooth* – крылатое изречение из пьесы У. Шекспира “Сон в летнюю ночь”); *Dime is money* или *Time is money, and many people pay their debts with it* или “*Time is money,*” *as the man said ven he stole the patent lever watch* или *Time is money, but not when you're doing it in jail* (< *Time is money* – крылатый афоризм из книги Б. Франклина “Совет молодому купцу”)<sup>2</sup>; бел. *Няма таго, што раньш было ... Пісьменнік, барані жытло! М. Багдановіч*<sup>3</sup> (< *Няма таго, што раньш было* – крылатый афоризм из стихотворения М. Богдановича “*І зноў пабачыў я сялібы...*”) и т. п.

К антицитатам также следует относить пародийные и шуточные преобразования содержания и формы широко известных, но не крылатых (не воспроизводимых массово) афоризмов. Ср.: рус. *Капля никотина убивает лошадь, а капля Fairy убивает жирную лошадь* или *Капля никотина убивает лошадь, а хомяка разрывает на куски* или *Капля никотина убивает пять минут рабочего времени* и т. п. как пародии на широко известное изречение *Капля никотина убивает лошадь*, которое используется как один из слоганов антитабачной рекламы<sup>4</sup>. Также ср.: бел. *Ня дай мне, Божа, страціць розум. Лепш быць галодным і цвярозым!* или *Ня дай Гасподзь, каб дах мне знесла. Лепш электрычнае ўжо крэсла!* или *Ня дай мне, Божа, з'ехаць з глузду. Ўжо лепей кій... шары і лузу!* или *Ня дай Гасподзь шызафрыніі. Лепш сам башкой аб камяні я!* или *Ня дай мне, Божа, параной. Лепш клафеліну*

<sup>1</sup> Мокієнко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Санкт-Петербург, 2006. С. 104–105, 204.

<sup>2</sup> Mieder W., Litovkina A.T. Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs. Burlington, 2002. P. 191, 213.

<sup>3</sup> См.: “Arche” (2008, № 9).

<sup>4</sup> Мокієнко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь. С. 133.

*мне ў спіртное!* или *Ня дай Гасподзь быць звар'яцелым – Хай галава сябруе з целам* и т. п. (“Arche”, 2008 г. № 9) как пародии на известные строки *Ня дай Гасподзь мне страціць клёк. Не, лепей торба і кіёк...* (перевод на бел. Р. Бородулина) из стихотворения “Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума...” (1833) А.С. Пушкина.

Перефразирования литературных афоризмов с целью шуточного обыгрывания, высмеивания их содержания – явление не менее древнее, чем переделки пословиц. Еще античные авторы часто пародировали как строки своих современников, так и ставшие широко известными изречения из произведений своих предшественников. Например, крылатый афоризм *Гони природу в дверь, она влетит в окно* из очерка “Чувствительный и холодный. Два характера” (1803) Н.М. Карамзина восходит к строкам не дошедшей до нас трагедии Еврипида “Авга” (920), которые были широко известны и неоднократно пародировались в античной литературе<sup>1</sup>, например, в комедии Менандра “Самиянка” (1120–1130), стихотворных письмах Горация “Послания” (кн. I, 10, 24) и др.

Трансформации литературных изречений с целью создания новых афоризмов, в которых пародируется исходный текст или высмеивается окружающая действительность, с начала XX века широко используются писателями-афористами, ср.: руск. *Мой стакан мал, но я пью из чужого стакана* (Эмиль Кроткий, “Отрывки из ненаписанного”) – пародия на крылатый афоризм *Мой стакан не велик, но я пью из своего стакана* (< фр. *Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre*) из стихотворного посвящения (А. Татте), которое французский поэт А. де Мюссе предпослал своей драматической поэме “La coupe et les levres” (1832); польск. *Powiedz mi z kim sypiasz, powiem ci, o kim śniesz* (S.J. Lec, “Mysli nieuczestane”) – пародия на крылатый афоризм исп. *Dime con quién andas y te diré quién eres* (“Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты”) из романа М. де Сервантеса Сааведры “Don Quijote” (1605–1615) и т. п.

Исходными текстами, которые пародируются или высмеиваются в антицитагах могут быть кроме афоризмов из литературных источников также широко известные, но не ставшие крылатыми, формулировки научных истин и юридические формулы, афористические девизы, лозунги, призывы, рекламные слоганы, эпиграфические тексты, ср.: рус. *Бытие определяет сознание* или *Бытие отрезвляет сознание* или *Питие определяет сознание* (< *Бытие определяет со-*

<sup>1</sup> Ярхо В.Н. Примечания // Менандр. Комедии. Фрагменты. Москва, 1982. С. 459.

знание – крылатая формулировка из работы К. Маркса “К критике политической экономии”); *Храните деньги в сберегательных баксах* (< *Храните деньги в сберегательных кассах* – рекламный плакат в сберегательных кассах советских времен)<sup>1</sup>; *Проверяйте факты не отходя от жизни* (< *Проверяйте деньги не отходя от кассы* – официальная надпись в магазинах)<sup>2</sup>; бел. *Беражы лес ад пажараў, бо не будзе з чаго рабіць запалкі!* (< *Беражыце лес ад пажараў!* – надпись-плакат возле лесонасаждений); *Беражыце дрэвы! Бо на іх жылі нашы продкі!* (< *Беражыце дрэвы!* – призыв экономить бумагу)<sup>3</sup> и т. п.

Следует заметить, что не все антицитаты, как и исходные единицы, которые подвергаются пародийному или шутивому перефразированию, являются афористическими по содержанию и форме его выражения. При этом нередко объектом пародирования или высмеивания в афористической антицитате может выступать неафористический претекст, ср.: рус. *Тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать* (< *Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут* – строки из поэмы А.С. Пушкина “Полтава”); бел. *А хто там ідзе? А хто там ідзе? Рэвізоры!*<sup>4</sup> (< *А хто там ідзе?* – ставшее крылатым название стихотворения Я. Купалы); *Мой родны кот, як ты мне мілы!*; *Мой родны кут, як ты мне мілы, Але без грошай і віна Зрабіць рамонт не маю сілы, Хоць абвалілася сцяна; Мой родны кут, як ты мне мілы! Або я тут, або мне вілы! Я. Колас*<sup>5</sup> (< *Мой родны кут, як ты мне мілы!* – крылатая строка из поэмы Я. Коласа “Новая зямля”) и т. п.

### **Контрольные вопросы и задания**

1. Почему пародии на афоризмы выделяются в специфический речевой жанр?
2. Какие существуют разновидности пародий на афоризмы?
3. Что такое антиафоризмы? В чем их отличие от афоризмов?
4. Приведите примеры известных литературных пародий на жанр афоризмов.

<sup>1</sup> Мокшенок В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Санкт-Петербург, 2006. С. 34, 84.

<sup>2</sup> Вальтер Х., Мокшенок В.М. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург, 2005. С. 129.

<sup>3</sup> “Вожык” (2001, № 5; 2004, № 8).

<sup>4</sup> “Дзелялоў” (2005, № 6).

<sup>5</sup> “Вожык” (1992, № 12; 1996, № 2), “Arche” (2008, № 9).

5. В чем главная особенность содержания современных афоризмов? Какие они бывают и как называются?
6. Что такое антипословицы? В чем их отличие от пословиц?
7. Какие существуют разновидности антипословиц?
8. Назовите наиболее известные издания антипословиц на разных языках?
9. Приведите примеры современных антипословиц в разных языках.
10. Что такое антицитаты? В чем их отличие от афоризмов и крылатых слов?
11. Какие существуют разновидности антицитат?
12. Назовите разновидности исходных текстов, пародируемых в антицитатах.
13. Приведите примеры современных антицитат в разных языках.
14. Кто является автором термина антипословица?

## АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИЗМА КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Афоризм является сложным речемыслительным объектом и традиционно изучается как форма мысли, как продукт и способ словесного творчества (и литературно-художественного, и фольклорного) и как феномен языка и речи.

Афористику можно определить как междисциплинарную научную дисциплину, которая находится на границе философии (теории познания, логики, этики и др.), филологии (поэтики, истории литературы, риторики, фразеологии, лингвистики текста и др.) и фольклора (паремиологии) и изучает теорию и историю афоризма как продукта и способа (средства) речемыслительной деятельности человека (в том числе и как творческого акта).

В современной европейской афористике можно выделить следующие аспекты (основные направления) понимания и изучения афоризма, которые сформировались в разное время и восходят к различным национальным и межнациональным культурным и научным традициям.

### § 1. Научно-философское понимание афоризмов

Научно-философское понимание афоризмов берет свое начало еще в античном протонаучном рационализме. Первое известное употребление термина “афоризм” в его традиционном значении принадлежит великому древнегреческому философу и врачу, основателю медицины как науки Гиппократу, который является автором трактата “Афоризмы” (V–IV века до н. э.)<sup>1</sup>.

В западноевропейской мысли нового времени научно-философское понимание афоризма впервые эксплицируется Фрэнсисом Бэконом в его знаменитом “*Novum Organum*” (1620) и других философских

---

<sup>1</sup> В переводе на русский язык см.: Афоризмы Иппократа / пер. П. Шюца. Санкт-Петербург, 1848.

трудах<sup>1</sup>, а в дальнейшем находит свое концептуальное и эмпирическое отражение почти в каждой парадигме научно-философского знания.

Наиболее существенными качествами афоризма в данном случае являются его субстанциональная синтезированность как способа мышления и речи, точность в объяснении и отражении фактов действительности, логичность в определении возможных связей между ними, обязательное стремление к истине: “научные, логически правильно сделанные действия, имеют силу только потому, что наука имеет свое определенное строение и что в ней существует область фактов и о б о б щ е н и й, научных, эмпирически установленных фактов и эмпирически полученных о б о б щ е н и й [разрядка моя. – Е. И.], которые по своей сути не могут быть реально оспариваемы”<sup>2</sup>.

Афоризмы являются одной из самых продуктивных речевых форм выражения научной и философской мысли самой разнообразной тематики<sup>3</sup>. Ср.: *При наличии непрерывного биогенного обмена атомов и энергии между живыми и косными естественными телами биосферы, существует целая пропасть в их строении и свойствах* (В.И. Вернадский, “Научная мысль как планетное явление”, 4, 9); англ. *The set of all sets which are not containing as own elements, should on determination contain itself and to not contain itself* (одна из формулировок открытого Б. Расселом парадокса теории множеств – знаменитого “парадокса Рассела”); польск. *Psychopatia oznacza dosłownie “cierpienie duszy”. W dosłownym sensie tego słowa każdy człowiek jest psychopatą bo nie ma człowieka, który by w swym życiu nie cierpiał* (широко известное определение границ “нормальности” человеческой психики, принадлежащее выдающемуся польскому психиатру, создателю теории информационного метаболизма А. Кемпиньскому); бел. *Паміж стопрацэнтным фразеалагізмам і свабодным словазлучэннем знаходзіцца вялікая зона,*

<sup>1</sup> Ср., например, заключительный раздел 3-й главы 8-й книги “De Dignitate et Augmentis Scientiarum” (1623), который озаглавлен “Образец трактата о всеобщей справедливости, или Об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов” и состоит из ХСVII афоризмов (Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Москва, 1977. Т. 1. С. 484–512). Анализ афористического способа изложения, присущего Ф. Бэкону, см.: *Mickers B. Francis Bacon and Renaissance Prose. Cambridge University Press, 1968.*

<sup>2</sup> Вернадский В.И. О научных истинах [(1937–1938) 1977] // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. Москва, 1991. С. 93–94.

<sup>3</sup> См.: *Fußhoeller L. Die metaphysischen Grundlagen des aphoristischen Denkens. Köln. 1953; Krüger H. Studien über den Aphorismus als philosophische Form; Margolius H. On the Uses of Aphorisms in Ethics // The Educational Forum. 28 (1963). P. 79–85; Margolius H. Values of Life. Essays and Notes. (Pandanus Press Miami) Florida, 1971; Margolius H. Zur Philosophie des Aphorismus // Proceedings of the XIIIth International Congress of Philosophy. 5 (1961). S. 355–362.*

куды ўваходзіць мноства ўстойлівых словазлучэнняў з рознай ступенню фразеалагічнасці. Дыферэнцыяцыю ідыём мэтазгодна праводзіць з дапамогай цэлага шэрагу крытэрыяў для таго, каб вызначыць ступень фразеалагічнасці ідыём або выявіць, на якім этапе фразеалагізацыі яны знаходзяцца (Б.А. Плотнікаў, “Агульнае мовазнаўства”) і т. п.

Так, іменню в форме афористических изречений излагается вся европейская доантичная философия VII–VI веков до н. э. (ср., например, образцы так называемой “гномической прозы предфилософской традиции” древних греков<sup>1</sup>). Достаточно вспомнить, например, дошедшие до наших дней (см. Диоген Лаэртский, I, 35) изречения Фалеса Милетского (640 – после 585 до н. э.), одного из легендарных “семи мудрецов”, основателя самой первой философской школы Древней Греции, который впервые в истории человечества поставил вопрос “*Что есть всё?*”. Ср. (в переводе с др.-греч.): *Старше всех вещей – бог, ибо он не рожден; Прекраснее всего – космос, ибо он творение бога. Больше всего – пространство, ибо оно вмещает все; Быстрее всего мысль (νοῦς), ибо она бежит без остановки; Сильнее всего – необходимость, ибо она одолевает всех; Мудрее всего – время, ибо оно обнаруживает все*<sup>2</sup> и т. д.

Наиболее показательным примером является философское наследие Гераклита Эфесского (около 540 – около 480 до н. э.), автора грандиозной идеи о борьбе и единстве противоположностей, который вместо хоть сколько-нибудь связного изложения своих мыслей сознательно предлагает набор афоризмов, часто основанных на глубокой метафоре и поэтому напоминающих зашифрованные ответы легендарной Дельфийской пифии. Философская афористика Гераклита не была собранием изолированных изречений, а представляла собой, согласно многочисленным древним источникам, начиная с Аристотеля (“Риторика”, 1407, b, 16), цельное сочинение, которое называлось “*О природе*” (или, по другим данным, “*Музы*”) и, по свидетельству Диогена, состояло из трех частей: “*О космосе*”, “*О государстве*” и “*О богословии*”<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Семь мудрецов* // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва, 1989. С. 91–94; *Фалес* // Фрагменты ранних греческих философов. С. 100–115; *Плутарх*. Пир семи мудрецов // *Плутарх*. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 242–262.

<sup>2</sup> *Фалес* // Фрагменты ранних греческих философов. С. 103.

<sup>3</sup> Подобное членение, замечает И.Д. Рожанский, как и заглавие сочинения в целом, было, по-видимому, делом рук позднейших комментаторов, хотя в пользу безусловного единства сочинения Гераклита (вопреки мнению ряда исследователей) говорит первый фрагмент, выдержанный в духе вступления к последующему тексту, см.: *Рожанский И.Д.* Ранняя греческая философия // Фрагменты ранних греческих философов. С. 19.

Афористический трактат Гераклита не сохранился, но некоторые его фрагменты дошли до нас в текстах позднейших авторов в качестве цитат. Многие из них приобрели широкую известность и стали крылатыми в европейских языках, а часть из них утратили устойчивую ассоциативную связь с источником своего происхождения и стали употребляться как пословицы. Ср. (в переводе с др.-греч.): *Гераклит говорит где-то, что все движется и ничто не остается на месте, и, образно сравнивая сущее с течением реки, говорит, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку* (см. Платон, “Кратил”, 402а); *Все вещи переменчивы и ничто не остается прежним* (см. Платон, Кратил, 440а); *Все движется и течет* (см. Платон, “Теэтет”, 182с) и т. п. ⇒ *Все течет и/или все изменяется (движется)*, англ. *All things are in a flux*, польск. *Wszystko płynie*, бел. *Усё цячэ, усё мяняецца* (в современном белорусском литературном языке это выражение перестало ассоциироваться с именем Гераклита и функционирует как пословица<sup>1</sup>). Или: *На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды* (см. Клеанф у Ария Дидима, цитируемого Евсевием, “Приготовление к Евангелию”, XV, 20, 2), ср. также *Гераклит говорит где-то, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку* (см. Платон, “Кратил”, 402а) ⇒ *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку*, польск. *Nie można wejść dwa razy do tej samej rzeki*, бел. *Немагчыма ўвайсці ў адну і тую ж ваду двойчы* (крылатый афоризм). Или: *Те, кто слышали, но не поняли, глухим подобны: “присутствуя, отсутствуют,” – говорит о них пословица* (см. Климент Алекс, “Строматы”, V, 115, 3) ⇒ *Имеющий уши, да услышит* (Матфей, 11, 15; Лука, 8, 8; 14, 35 и т. д.). Или: *Большинство людей не мыслят вещи такими, какими встречаются их и, узнав, не понимают, но воображают* (см. Климент Алекс, “Строматы”, II, 8, 1); *Личность – божество человека* (см. Стобей, IV, 40, 23); *Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучно, из всего – одно, из одного – все* (см. Псевдо-Аристотель, “О мире”, 5, 396b, 7–25)<sup>2</sup> и т. д.

К афоризмам как способу мышления и словесной оболочке мысли часто обращались выдающиеся представители научного и философского знания Старого и Нового времени. В частности, целиком (или

<sup>1</sup> Ср.: *Шкраба I., Шкраба Р.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1987. С. 234–235.

<sup>2</sup> См.: *Гераклит* [Фрагменты] // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва, 1989. С. 188–257.

почти целиком) в форме афористических изречений написаны такие известные произведения западноевропейской научно-философской мысли (кроме уже упомянутых трудов Ф. Бэкона), как “*Les Essais*” (1580–1588) М. Монтеня, “*Cogitationes privatae*” (?–1650) Р. Декарта (изданные, благодаря сохранившимся копиям Г.В. Лейбница, только 1859 г.), “*Aphorismen*” (Йенского периода [1801–1807] 1842 и Берлинского периода [1818–1831] 1844) Г.В.Ф. Гегеля, “*Aphorismen zur Lebensweisheit*” (1851) А.Шопенгауэра, “*Jenseits von gut und böse*” (1886) Ф. Ницше (в частности, раздел четвертый – “*Aphorismen und Intermedien*”)<sup>1</sup>, “*Апофеоз беспочвенности*” (1905) Л. Шестова, “*Tractatus logico-philosophicus*” (1921) Л. Витгенштейна<sup>2</sup> и др.

Афоризмы нередко использовались как способ изложения научной мысли в области конкретных наук (и гуманитарных<sup>3</sup>, и естественных<sup>4</sup>), ср., например, “*Aphorismen aus der chemischen Physiologie der Pflanzen*” (1794) А. фон Гумбольдта, “*Афоризмы и мысли об истории*” ([1891–1911] 1968) В.О. Ключевского и т. п. Афоризмами, в частности, назывались и языковедческие труды<sup>5</sup>, из которых наиболее известными (по крайней мере, в восточнославянской традиции) являются “*Лингвистические заметки и афоризмы*” (1903) И.А. Бодуэна де Куртенэ<sup>6</sup>. В западноевропейской афористике до нашего времени со-

<sup>1</sup> Афоризмами написаны и многие другие произведения Ф. Ницше, а одной из особенностей его идиостиля ряд исследователей называет “феномен афористического письма”, см. Подорога А.В. Выражение и смысл: ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. Москва, 1995. С. 212–214. Также ср.: Hüntzschel-Schlotke H. Der Aphorismus als Stilform bei Nietzsche; Greiner B. Friedrich Nietzsche: Versuch und Versuchung in seinen Aphorismen. München, 1972; Heller P. “Von den ersten und letzten Dingen”. Studien und Kommentar zu einer Aphorismenreihe von Friedrich Nietzsche. Berlin; New York, 1972 (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung. Bd. 1) и др.

<sup>2</sup> Русские переводы см.: Монтень М. Опыты: в 3 кн. Москва; Ленинград, 1960; Декарт Р. Частные мысли // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Москва, 1989. Т. 1. С. 573–578; Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Москва, 1971. Т. 2. С. 530–556, 557–562; Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Санкт-Петербург, 1997; Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Москва, 1990. Т. 2. С. 238–406; Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: опыт адогматического мышления. Ленинград, 1991; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Москва, 1958.

<sup>3</sup> Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Москва, 1990. Т. 9. С. 363–446.

<sup>4</sup> Friedrich Alexander von Humboldt’s Aphorismen aus der chemischen Physiologie der Pflanzen. Aus dem Lateinischen übersetzt von G. Fischer. Leipzig, 1794.

<sup>5</sup> Например, см.: Желтовъ И.М. Этимологическія афоризмы // Филологическія записки. Воронежъ, 1877. Т. 16. Вып. IV. С. 65–81.

<sup>6</sup> Бодуэн де Куртенэ И.А. Лингвистические заметки и афоризмы // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Москва, 1963. Т. 2. С. 33–55.

хранилось употребление и осмысление термина *афоризм* в значении ‘научная формулировка’<sup>1</sup>.

Показательно, что к афоризмам широко прибегали еще с античных времен и в системе вненаучного знания, в частности, в области оккультных наук. Достаточно вспомнить, например, аксиоматику астрологии в 100 афоризмах, изложенную знаменитым александрийским астрономом, географом, математиком, одним из основателей ‘научной астрологии’ Клавдием Птолемеем (около 90–160 гг. н. э.). Ср. в изложении А. Лео<sup>2</sup> (в переводе с др.-греч.): *Афоризм 5: Подразделение на кардинальные, устойчивые и изменчивые дома соответствует деятельности, речи или языку, разуму или Телу, Душе и Духу; Афоризм 40: Влияния планет, преимущественно, относятся к области сверхчувственного восприятия и трудно поддаются описанию* и т. д.

То, что афоризм является средством изложения мысли и способом мышления и в научной, и во вненаучной (в том числе и протонаучной) системе знаний, свидетельствует об универсальности способов познания действительности при возможности существования множества путей к истине.

## § 2. Философско-литературное понимание афоризмов

Философско-литературное понимание афоризма восходит к древней канонической, философской и дидактической литературе Египта, Китая и Индии, античной философии и религии. Его расцвет пришелся на XVII–XVIII века, для которых был характерен культ ‘всеобщего рассудка и завершенной формы’<sup>3</sup>, и на конец XIX – начало XX века – период отрицания ‘непоколебимости’ существующих принципов и законов бытия.

При таком понимании афоризма главным в поисках существенно-го и универсального в неисчислимом разнообразии частных явлений

<sup>1</sup> *Mautner F.H.* Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen // Actes du IV-e Congrès de l'Association internationale de littérature comparée (Fribourg, 1964). Vol. II: Termes et notions littéraires: imitation, influence, originalité / réd. par F. Jost. The Hague; Paris, 1966. S. 812–819.

<sup>2</sup> *Лео А.* Сто афоризмов Клавдия Птолемея // Звездный путь астрологии. Москва, 1993. С. 237–246.

<sup>3</sup> *Эпштейн М.Н.* Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 44.

жизни является глубокое и всестороннее осмысление действительности с точки зрения общечеловеческого или индивидуального (как не менее значимого) духовного опыта. Афоризм в данном случае понимается как универсальное средство познания и формулирования закономерностей и норм бытия человека и природы, в том числе их этической или морализаторской интерпретации. Ср.: (в переводе с кит.) *Утром познав истину, вечером можно умереть* (Конфуций)<sup>1</sup>; (в переводе с др.-греч.) *Все уносящее время в течение своем изменяет Имя и форму вещей, их естество и судьбу* (Платон, “О быстротечности времени”)<sup>2</sup>; англ. *Good-breeding, as it is called, is different in almost every country, and merely local; and every man of sense imitates and conforms to that local good-breeding of the place he is at* (P.D. Chesterfield, “Letters to the son”); *In tyme the strong and statelie turrets fall, In tyme the Rose, and silver Lillies die, In tyme the Monarchs captives are and thrall. In tyme the sea, and rivers are made drie: The hardest flint in time doth melt asunder, Still-living fame in tyme doth fade away, The mountaines proud, we see in tyme come under, And earth for age, we see in tyme decay: The sunne in tyme forgets for to retire From out the east, where he was woont to rise: The basest thoughtes, we see in time aspire, And greedie minds in tyme do wealth dispice. Thus all (sweet faire) in tyme must have an end...* (G. Fletcher, Sonnet 28)<sup>3</sup>; польск. *Szczytem wolności – wolność od sumienia* (Т. Kotarbiński); *Przyjemność ma się do szczęścia mniej więcej tak, jak drzewo do ogrodu, nie ma ogrodu bez drzew, ale drzewa, nawet w wielkiej ilości, nie stanowią jeszcze ogrodu* (W. Tatkiewicz); бел. *Сцвярджае час: заўжды жыцццю на змену Прыходзіць смерць, для ўсіх – адзін закон, І некалі жыццёвую арэну Пакіне род людскі на схіле дзён. Ты клічнік ставіш, час! А я – пытальнік: А што, калі закон парушыць той Мой слаўны род і вынайдзе – стваральнік – Жывы бялок, што злучыцца з вадою І дзікаватым племенем неўміручым Расселіцца на ўсіх мацерыках? А што, калі мы жыць яго навучым, Свет разумець, хадзіць на дзвюх нагах, Перададзім*

<sup>1</sup> Перевод В.В. Малявина, см.: Афоризмы старого Китая [1988]. 2-е изд., испр. Москва, 1991. С. 17.

<sup>2</sup> Перевод Л. Блуменау, см.: Платон // Греческая эпиграмма. Москва, 1993. С. 42.

<sup>3</sup> Ср. русский перевод Г. Русакова: *С годами башины оседают в тлен, С годами алость розы потухает, С годами гордый сломлен и презрен, С годами океан пересыхает, С годами разрушается кремль, С годами осыпаются вершины, С годами слава отступает в тень И в лик земли врезаются морщины. С годами даже солнце поутру На небосводе задержаться радо. Бесчестье приобщается к добру, Корыстолюбцу золота не надо. С годами все меняется вокруг. Лишь ты не изменяешься, мой друг* (см.: Английский сонет XVI–XIX веков. Москва, 1990. С. 83).

сякеру – з рук у руки, Перададзім падручнік, а затым Усе здабыткі працы і навукі? ... Час, паспрабуй тады спрацацца з ім! (А. Куляшоў, “Сцвярджае час: заўжды жыццё на змену...” ) и т. п.

Понятие афоризма впервые в западноевропейской литературе было эксплицировано известным испанским писателем Б. Грасианом (1601–1658) в его уже упоминавшейся знаменитой книге афоризмов “*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*” (1647)<sup>1</sup>. Впоследствии термин *афоризм* стал широко употребляться в одном ряду с давно известными терминами *сентенция*, *апоф(т)егма*, а также сравнительно новым (в значении обобщенного изречения этического содержания) термином *максима*.

С середины XX века собственно философская направленность жанра афоризмов утратила свою былую популярность в европейской литературе и остается продуктивной лишь в области этики<sup>2</sup>.

### § 3. Литературно-публицистическое понимание афоризмов

В качестве разновидности философско-литературного направления в афористике можно выделить литературно-публицистическое понимание афоризма, которое начало развиваться еще в античный период.

Такое понимание афоризма восходит к трудам римского историка и государственного деятеля Публия (Гая) Корнелия Тацита (55–57 н. э. – ?), изобилующим афористическими изречениями общественно-политического и социально-этического содержания. Уже в самом раннем его литературном произведении “*De vita Julii Agricolae*” (начало 98 н. э.) выявился весьма своеобразный идиостиль, одной из главных особенностей которого было “стремление к семантической полновесности и сжатой выразительности”<sup>3</sup>. Кроме этого, идиостилю выдающегося историка была свойственна публицистичность, пото-

<sup>1</sup> Русский перевод см.: Грасиан Б. Карманный оракул, или Наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлеченные из сочинений Лоренсо Грасиана // Грасиан Б. Карманный Оракул. Критикон. Москва, 1984. С. 5–65.

<sup>2</sup> Ср., например: Adorno T.W. Minima Moralia. Reflexionen aus dem beschädigten Leben. Frankfurt, 1962; Margolius H. On the Uses of Aphorisms in Ethics // The Educational Forum. 28 (1963). P. 79–85 и др.

<sup>3</sup> Тронский И.М. Корнелий Тацит // Тацит, Корнелий. Сочинения: в 2 т. Москва, 1993. Т. 2. С. 213.

му что описания заслуживали лишь “наиболее значительные деяния” (“Анналы”, XIII, 34), а также поучительность, поскольку Тацит был моралистом, как и большинство античных историков. Все это породило обилие сентенций, глубоких обобщений, остроумных изречений, весьма искусно вплетенных в общий ход повествования и часто занимающих центральное место в содержательной или композиционно-стилистической структуре текста. Ср., например, в первой книге известной “Historiae” (? – не ранее 110 н. э.): (в переводе с лат.) *Если у кого нет врагов, его губят друзья* (1, 2); *Правители всегда подозревают и ненавидят тех, кто может прийти им на смену* (1, 21); *Преступлению нужна внезапность, доброму делу – время* (1, 32); *Человек всегда спешит примкнуть к другим, но медлит выступить первым* (1, 55); *Во время гражданских смут самое безопасное – идти вперед, и действовать важнее, чем рассуждать* (1, 62); *Всегда легче примкнуть к тому, кто ближе и сильнее* (1, 76); *Власть, захваченную преступлением, нельзя удержать, внезапно вернувшись к умеренности и древней суровости нравов* (1, 83)<sup>1</sup> и т. п.

Публицистическое направление в литературной афористике впервые было эксплицировано в испанской литературе XVI века А. Пересом, который “назвал афоризмами свои замечания на тему политической морали”<sup>2</sup>, однако окончательно оформилось только в наше время, прежде всего в творчестве К. Чапека (1890–1938), С.Е. Леца (1909–1966) и др.

Основным предназначением афоризма в рамках его литературно-публицистического понимания является отражение в аналитической или критической (в том числе и сатирической) форме, с морализаторским уклоном или дидактической направленностью сути глубинных процессов и явлений социально-политической жизни, закономерностей исторических событий, роли в них индивидуума, его духовных и интеллектуальных качеств. Ср.: *Война есть убийство. И сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире* (Л.Н. Толстой, “Круг чтения”, XLII); *Мы хлопочем, чтобы изменить жизнь, чтобы потомки были счастливы, а потомки скажут, по обыкновению: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней* (А.П. Чехов, “Записные книжки”); англ. *Tired with all these, for restful death I cry, As, to behold desert a beggar born, And needy nothing trimm'd in jollity, And pur-*

<sup>1</sup> Перевод Г.С. Кнабе, см.: Тацит, Корнелий. История // Тацит, Корнелий. Сочинения: в 2 т. Москва, 1993. Т. 1. С. 5–202.

<sup>2</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 13.

*est faith unhappily forsworn, And gilded honour shamefully misplaced, And maiden virtue rudely strumpeted, And right perfection wrongfully disgraced, And strength by limping sway disabled, And art made tongue-tied by authority, And folly doctor-like controlling skill, And simple truth miscall'd simplicity, And captive good attending captain ill: Tired with all these, from these would I be gone, Save that, to die, I leave my love alone* (W. Shakespeare, Sonnet 66)<sup>1</sup>; польск. *W krajach, których obywatele nie czują się pewni w więzieniach, nie czują się również pewni na wolności или Wolności nie można symulować!* (S.J. Lec, “*Myśli nieuczesane*”); бел. *Стагналі людзі – то нічога, Клялі – і гэта не бяда, Калі ж смяецца грамада, То смех такі гаворыць многа* (Я. Колас, “*Рыбакова хата*”) и т. п.

#### § 4. Литературно-художественный взгляд на афоризмы

Литературно-художественный взгляд на афоризм теоретически не эксплицировался отдельно от философско-литературного до середины XX века, пока известный испанский писатель и литературовед Рамон Гомес де ла Серна (1888–1963) не предложил новую эстетическую концепцию истории и развития литературной афористики<sup>2</sup>.

Афоризм с литературно-художественной точки зрения определяется как специфическая жанровая форма словесного творчества, как результат не только мыслительной, но и художественной деятельности. При таком понимании афоризма наряду с обязательной остроумностью обобщенной мысли особенную значимость приобретает поэтическая и стилистическая форма ее выражения (использование различных тропов, стилистических фигур речи, поэтических средств и под.). Ср.: *Любовь! ... в ней все тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже все раз-*

<sup>1</sup> Ср. русский перевод Б. Пастернака: *Измучась всем, я умереть хочу. Тоска смотреть, как мается бедняк, И как шутя живется богачу, И доверять, и попадать впросак, И наблюдать, как наглость лезет в свет, И честь девичья катится ко дну, И знать, что ходу совершенствам нет, И видеть мощь у немощи в плену, И вспоминать, что мысли замкнут рот, И разум сносит глупости хулу, И прямодушье простотой слывет, И доброта прислушивается злу. Измучась всем, не стал бы жить и дня, Да другу трудно будет без меня* (см.: Английский сонет XVI–XIX веков. Москва, 1990. С. 209).

<sup>2</sup> См.: Gomez de la Serna R. Total de greguerías / Con prov. y il. orig. del propio aut. Madrid, 1955; Gomez de la Serna R. Total de Greguerías. Madrid, 1962.

рушено; то вползает она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон (И.С. Тургенев, “Рудин”, VI); Мы, возводя соборы космогоний, Не внешний в них отображаем мир, А только грани нашего незнания. Системы мира – слепки древних души, Зеркальный мир взаимоотраженный Двух противопоставленных глубин (М. Волошин, “Путями Каина”); англ. *Hope springs eternal in the human breast: Man never is, but always to be, blest. The soul, uneasy and confin'd from home, Rests and expatiates in a life to come* (A. Pope, “Essay on Man”)<sup>1</sup>; польск. *Kochać i tracić, pragnąć i żalować, Padać boleśnie, i znów się podnosić, Krzyzczeć tęsknocie “precz!” i błagać “prowadź!” Oto jest życie: nic, a jakże dosyć* (L. Staff); *Świat jest oceanem szczęścia – to wiadomo. Wszyscy, którzy pływają po nim, są bardzo zadowoleni i – mają słusność. Że się ten i ów zachłysnął, a ktoś inny utonął – to nie argument. Z tej zasady wychodząc postanowiłem zrobić się optymistą. Rzecz nader łatwa: potrzeba tylko oglądając fakta przechodzić na drugą stronę* (B. Ptus); бел. *Рупная пчала ўмеє ў саты ме́д сабраць і з горкіх кветак* (М. Багдановіч, “Летапісец”); *Дзе нам баліць, там і душа: З душы ўвесь чалавек сабраны. Мы адкрываем нечакана: Дзе нам баліць, там і душа. Таму чым большая душа, – Даўжэй ішчымяць і ньпоць раны... Дзе нам баліць, там і душа: З душы ўвесь чалавек сабраны* (Я. Сіпакоў, триолет “Дзе нам баліць, там і душа...”) и т. п.

Содержание литературно-художественного афоризма идейно и тематически не ограничивается только обращением к “глобальным” проявлениям жизни, представляет собой преимущественно образно-метафорическое, чем рациональное, объяснение действительности. Ср.: *Полная девочка похожа на булку* (А.П. Чехов, “Записные книжки”); *Паровоз ни-ка-кой пылинки не любит: машина, брат, это – барышня... Женщина уж не годится – с лишним отверстием машина не пойдет* (А. Платонов, “Чевенгур”); англ. *Sweet are the uses of adversity, Which, like the toad, ugly and venomous, Wears yet a precious jewel in his head; And this our life exempt from public haunt Finds tongues in trees, books in the runnign brooks, I would not change it* (W. Shakespeare)<sup>2</sup>; польск. *Najsmaczniejszy jest papieros przed śniadaniem. Skraca życie.*

<sup>1</sup> Ср. русский перевод В. Микушевича: *Надежда в нашем сердце, как звезда, Благословенье – в будущем всегда, На родину в томлении снега, Иную жизнь приветствует душа* (см.: *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 313*).

<sup>2</sup> Ср. русский перевод Т. Щепкиной-Куперник: *Есть сладостная польза и в несчастье: Оно подобно ядовитой жабе, Что ценный камень в голове таит. Находит наша жизнь вдали от света В деревьях – речь, в ручье текущем – книгу, И проповедь – в камнях, и всюду – благо. Я б не сменил eel* (см.: *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 629*).

*I wszyscy ukradkiem skracają swoją egzystencję. Coś w tym musi być. Jakiś wyższy nakaz albo może prawo natury przeludnionego globu* (Т. Конвико); *Tango – to smutna myśl, którą się tańczy* (Е. Stachura); бел. *Самыя непатрэбныя рэчы ў кватэры – падарункі* (А. Глобус, “Трыгеры”) или *Захапляцца ўласнаю працаю найлепей у цішыні ўласнага кабінета, сам-насам* (А. Глобус, “Post Scriptum”, 1, 12) и т. п.

## § 5. Поэтико-риторическое понимание афоризмов

Поэтико-риторическое понимание афоризмов нередко встречается в античных риториках и поэтиках, однако своим развитием и становлением обязано знаменитому трактату Б. Грасиана “*Arte de ingenio, tratado de agudeza (Agudeza y arte de ingenio)*” (1648)<sup>1</sup>.

В рамках такого направления афористики определяются поэтические и риторические условия и средства создания афористических изречений и их функционирования в качестве либо отдельных литературных текстов, либо структурно-композиционных элементов литературных произведений разных жанров. Обращается внимание на то, что свойственное афористическому способу мышления и речи стремление к убедительности (часто граничащей с демонстративной директивностью) основывается и достигается не столько содержательной новизной или логической аргументированностью мысли, сколько намеренной неожиданностью и непривычностью ее формулирования и/или языкового выражения.

Подобный подход в интерпретации афоризма позволяет добиваться на практике “ошеломляющего воздействия”<sup>2</sup> на слушателя (читателя) даже самых тривиальных обобщений (в частности и при их использовании в качестве прототипов для создания новых, не синонимичных исходным текстам афористических изречений). Ср.: *Пифагоровы итаны во все стороны равны* (широко известная остроумная формулировка знаменитой “Пифагора теоремы”: *Квадрат гипотенузы равнозначен сумме квадратов катетов*)<sup>3</sup>; *Минер ошибается раз в жизни, – когда идет в*

<sup>1</sup> Русский перевод см.: Грасиан Б. Остроумие, или Искусство изощренного ума // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение / сост. А.Л. Штейн. Москва, 1977. С. 169–464.

<sup>2</sup> См.: Meyers Enzyklopedisches Lexikon. Mannheim, 1971. Bd. 2. S. 387.

<sup>3</sup> Данное выражение употребляется и в том случае, когда говорится “о широких штанах” (Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: словарь разговорных выражений. Москва, 1994. С. 122).



10. Какова специфика литературно-художественного понимания афоризма?

11. Перечислите выдающихся писателей-афористов и их основные произведения в европейской литературе.

12. Приведите примеры наиболее известных литературных афоризмов.

13. В чем заключаются риторические свойства и функции афоризма?

14. Приведите примеры употребления афоризмов в творчестве выдающихся ораторов древности и современности.

## АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИЗМА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ

Структурные и функциональные особенности афоризма как речевого произведения и как способа вербального мышления в достаточной степени осознавались еще древними учеными и философами. Так, в античности др.-греч. *ἀφορισμός* означало кроме прочего лаконичный, фрагментарный стиль речи, а также особенное по семантике и структуре ‘высказывание (*ἀφορισμός* ‘определение’ < *ἀφορίζω* ‘отдаляю, отграничиваю, определяю’ < *ορίζω* ‘устанавливаю границу, определяю’ в сочетании с префиксом удаления, отделения *ἀφ-*)<sup>1</sup>.

До начала XX века афоризм не описывался в терминах лингвистики (не существовало в языкознании и понятия афоризма), хотя внимание языковедов всегда привлекали высказывания со значением вневременного обобщения действительности (прежде всего пословицы), главным образом, с точки зрения их грамматической формы, семантической структуры, а также особенностей их возникновения и функционирования. В частности, А.А. Потебня в своих широко известных лекциях по теории словесности “*Басня. Пословица. Поговорка*” (1892) попытался объяснить свойственную пословицам семантику образного обобщения действительности, определяя процесс ее возникновения как “сгущение мысли”<sup>2</sup>.

Наряду с изучением синтаксического строения русских пословиц<sup>3</sup> (в том числе и в лингводидактических целях<sup>4</sup>) те из них, которые имели прямую мотивировку значения, традиционно широко рассматривались при описании грамматической системы русского языка (и других славянских языков). Весьма показательным в этой связи примером является проблема семантической и грамматической квалификации в рус-

<sup>1</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 12–13.

<sup>2</sup> Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка [1892] // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва, 1990. С. 100.

<sup>3</sup> Например, см.: Глаголевский П.П. Синтаксисъ языка русскихъ пословиць. Санкт-Петербургъ, 1874.

<sup>4</sup> См.: Деркачевъ И. Русскій синтаксисъ въ пословицахъ и поговоркахъ // Учитель. 1870. Т. IX. № 2. С. 43–50; Барсовъ А.В. Пословицы // Барсовъ А.В. Живое слово для изучения родного языка: методика русскаго языка въ разсказахъ и объясненіяхъ: курсъ 2-го класса // Филологическія записки. Воронежъ, 1890. Т. 29. Вып. 2. Ч. IV. С. 18–22.

ском языкознании ряда конструкций, широко представленных в русских и славянских пословицах (ср.: *Мед сладко, а муха падко; Ум хорошо, а два лучше того* и т. п.), которая разрабатывается в русистике с середины XIX века и по сей день не нашла своего однозначного решения<sup>1</sup>.

## § 1. Из истории лингвистического изучения афоризма

Афоризм был эксплицирован как объект лингвистического изучения только в начале XX столетия в рамках стилистики, когда появились первые попытки квалификации афористических изречений как специфической по содержанию и форме разновидности прозаического текста<sup>2</sup>, а позже и определения дифференциальных признаков афоризма как “книжного” и “просторечного” (т. е. фольклорного) произведения<sup>3</sup>.

Под влиянием литературоведческих направлений в афористике (прежде всего литературно-философского и литературно-художественного) афоризм до середины XX века рассматривался в лингвистике только как литературный текст или как элемент литературных текстов. Показательно, что такое понимание афоризма довольно распространено и в современном языкознании, а в некоторых его национальных ответвлениях (например, в белорусистике<sup>4</sup>) является общепринятым.

В середине XX века в связи с развитием (прежде всего в русистике) изучения устойчивых в речи сверхсловных комплексов (в том числе и устойчивых высказываний) понятие афоризма было транспониро-

<sup>1</sup> Существующие мнения (в их хронологии) см.: *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка [(1858) 1881]. Москва, 1959. С. 446; *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике [1874–1941]: в 4 т. 3-е изд. Москва, 1958. Т. 1–2. С. 114–115; *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка [1925–1927]. 2-е изд. Ленинград, 1941. С. 140; *Чернышев В.И.* О нарушении согласования в русском языке [1938] // *Чернышев В.И.* Избранные труды: в 2 т. Москва, 1970. Т. 1. С. 194–198; *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку [1936]. 3-е изд., испр. и доп. Киев, 1950. С. 209; Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения / под ред. В.И. Борковского. Москва, 1968. С. 10; Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва, 1970. С. 556; *Таранов З.К.* О предложении типа *Ум – хорошо* в русском языке // *Язык русского фольклора.* Петрозаводск, 1988. С. 5–14 и др.

<sup>2</sup> См.: *Meyer R.M.* Aphorismus // *Meyer R.M.* Deutsche stilistic. 2, verb. und verm. Aufl. München, 1913. S. 168–171.

<sup>3</sup> См.: *Рыбникова М.А.* Введение в стилистику. Москва, 1937. С. 256–258.

<sup>4</sup> Белорусская мова: энцыклапедыя / пад рэд. А.Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 60–61.

вано во фразеологию. Так, пословицы начали квалифицироваться как “народные афоризмы”<sup>1</sup> (в настоящее время соответствующие термины употребляются как синонимичные<sup>2</sup>), а затем и просто как “афоризмы”<sup>3</sup>. Те из них, которые функционируют в языке художественной речи, вместе с крылатыми словами, литературными цитатами и другими несвободными словесными комплексами (в том числе и индивидуально-авторского происхождения) были объединены в рамках так называемой “фразеологии языка писателя”<sup>4</sup>.

В это же время началась не оконченная и по сей день дискуссия о принадлежности vs. непринадлежности фольклорных и литературных афоризмов к фразеологическому составу языка и вообще к объекту изучения лингвистики<sup>5</sup>.

Взгляд на афоризм как самостоятельный объект лингвистики начал активно развиваться во второй половине XX века в связи с оформлением фразеологии как самостоятельной языковедческой дисциплины.

Традиционно афоризмы, которые воспроизводятся в речи (прежде всего пословицы и крылатые изречения), либо исключали из системы языка как “экстралингвистический” феномен (застывшие обороты

<sup>1</sup> Термин “народный афоризм”, по мнению Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской (*Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. Москва, 1990. С. 103), впервые был употреблен в собственном лингвистическом смысле в исследовании: *Бабушкин Н.Ф.* Фразеологические обороты в сочинениях В.И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова) // Русский фольклор: материалы и исследования. Москва; Ленинград, 1956. Вып. 1. С. 5–21.

<sup>2</sup> См.: *Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н.* Фразеология и паремиология: учебное пособие. Москва, 2009. С. 303 и др.

<sup>3</sup> Такой подход соответствовал традиционно “широкому” пониманию афоризма, см.: Афоризмы // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронь. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2а, С. 494; *Фюрстенберг А.И.* Афоризм // Большая Советская Энциклопедия [1926–1947]; в 30 т. 3-е изд. Москва, 1970. Т. 2. С. 434. В лингвистику “широкое” понимание афоризма было введено М.А. Рыбниковой в ее “Введении в стилистику” (Москва, 1938. С. 256–258), скорее всего, независимо от аналогичного литературоведческого понимания афоризма, ср.: *Тимофеев Л.И., Венгров Н.И.* [М.И.]. Краткий словарь литературоведческих терминов [1955]. 4-е изд., испр. и доп. Москва, 1963. С. 19; Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Москва, 1962. Т. 1. С. 366; *Гаспаров М.Л.* Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>4</sup> Например, см.: *Рудов В.Ф.* Фразеология произведений М. Горького / Ученые записки Таганрогского государственного педагогического института. 1957. Вып. 1. Т. 2.

<sup>5</sup> См.: *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 98; *Бабушкин Н.Ф.* Фразеологические обороты в сочинениях В.И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова). С. 5–6; *Рудов В.Ф.* Фразеология произведений М. Горького; *Беленький Е.И.* Заметки об афоризмах М. Горького / Ученые записки Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького. 1961. Вып. 15. С. 5–6; *Гудок В.С.* Афоризм и пословица // Вопросы русской литературы. Львов, 1967. Вып. 2 (5). С. 88–96; *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. С. 101–103 и др.

речи, содержание которых формируется за пределами внутриязыковых семантических категорий и признаки воспроизводимости “невозможно объяснить в терминах уровневого моделирования”<sup>1)</sup>), либо, наоборот, включали в корпус фразеологических единиц языка как “фразеологические выражения”, “устойчивые фразы”, “клишированные фразы” и под. Однако между “фразеологическими выражениями”, “устойчивыми фразами” и под., с одной стороны, и иными типами фразеологизмов, с другой, имеется весьма существенная разница: первые являются знаками ситуаций или определенных отношений между реалиями и поэтому эквивалентны предложениям, тогда как другие передают только одно понятие, т. е. равнозначны словам. Это обусловило сначала выделение афоризмов в особую категорию в составе фразеологических единиц – так называемую “афористическую фразеологию” (термин С.Г. Гаврина), а в дальнейшем и попытки их описания в языкознании не в терминах фразеологии.

## § 2. Направления лингвистического изучения афоризма

В начале 1970-х гг. независимо друг от друга возникли три подхода к изучению устойчивых в речи афоризмов:

а) как единиц фразеологической системы языка (“фразеологическая” теория афоризма, наиболее цельно и последовательно обоснованная С.Г. Гавриным<sup>2)</sup>);

б) как единиц паремиологического фонда языка (лингвистическое осмысление афоризма Г.Л. Пермяковым в “структурной паремиологии”<sup>3)</sup>);

в) как единиц отдельного, “афористического” уровня при описании его национально-культурной семантики языка (“лингвострановедческая” теория афоризма, которая была разработана Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым в рамках лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка как иностранного<sup>4)</sup>).

<sup>1</sup> Общее языкознание: внутренняя структура языка / под ред. Б.А. Серебrenникова. Москва, 1972. С. 510.

<sup>2</sup> Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. 1971. Т. 87. С. 3–23.

<sup>3</sup> Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988.

<sup>4</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва, 1973.

Авторами лингвострановедческой теории афоризма была впервые высказана мысль о приоритете лингвистического изучения только т. н. “общеязыковых” афоризмов – тех “афористических фраз”, которые хорошо известны всем носителям данного языка и широко распространены в речи, т. е. “массово воспроизводятся”<sup>1</sup>.

Появление новых, оригинальных интерпретаций языковой природы афоризма во фразеологии, структурной паремииологии, лингводидактике стимулировали и углубили изучение афоризма и как речевой единицы (преимущественно в языке художественной литературы), причем в терминах не только лингвистики, но и литературоведения. Например, в белорусистике после издания Ф.М. Янковским сборника “Крылатыя словы і афарызмы: з беларускіх літаратурных крыніц” (1960), прошло почти четверть века до обращения А.Е. Михневича к проблеме лингвистического изучения афоризмов<sup>2</sup>. В русской филологии только во второй половине 1970-х гг., не считая популярной статьи Л. Успенского “Коротко об афоризмах” (1964)<sup>3</sup>, появилось первое литературоведческое описание афоризма в монографии академика Н.Т. Федоренко “Меткость слова (афористика как жанр словесного искусства)” (1975) и лишь в начале 1990-х гг. – опыт общей литературоведческой теории афоризма в монографии академика Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской “Афористика” (1990).

С середины 1970-х гг. афоризм стал пониматься как функционально-семантическая разновидность высказывания, в котором не сообщается о конкретных фактах, а содержится отвлеченное суждение (так называемое “универсальное высказывание”)<sup>4</sup>. Однако описание афоризма в рамках функционально-семантической типологии высказы-

<sup>1</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 73. Единственный в своем роде афористический словарь русского языка см.: Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980] / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988.

<sup>2</sup> Михневич А.Я. Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) // Беларуская лінгвістыка. 1983. Вып. 22. С. 59–65.

<sup>3</sup> Успенский Л. Коротко об афоризмах // Афоризмы: избранные изречения деятелей литературы и искусства / сост. Е.С. Райзе. Ленинград, 1964. С. 3–20.

<sup>4</sup> См.: Шмарина В.И. Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1975; Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986. № 3. С. 56–62.

вания методологически ограничилось выявлением некоторых общих семантических и структурных признаков афоризмов и сходных по характеру обобщения клишированных и неклишированных высказываний (таких, как “сентенция”, “максима”, “поговорка” и др.), противопоставляемых всем иным, “не универсальным” высказываниям только в семантическом отношении.

Несмотря на выделение афоризма в качестве объекта лингвистики, понятие афоризма и термин *афоризм* не всегда эксплицируются при изучении свободных и особенно устойчивых в речи афористических изречений (прежде всего из числа поговорок и крылатых выражений) с семантикой вневременного обобщения действительности. Это объясняется, во-первых, “отсутствием общепринятого определения понятия афоризма”<sup>1</sup> несмотря на попытки объективизировать его понимание как объекта лингвистики, а во-вторых, теоретической неразработанностью представлений о языковой природе афоризма. Большинство лингвистических исследований афоризма не выходят за пределы изучения его частных свойств преимущественно на материале отдельных языков.

Вместе с тем, имплицитно афоризм изучается как в рамках частной языковедческой проблематики, так и с общелингвистической точки зрения достаточно широко. Так, фразы с семантикой вневременного обобщения действительности (либо те или иные особенности их семантики, структуры, функционирования и т. д.) обычно анализируются при изучении разных аспектов содержания и формы крылатых выражений, поговорок (и иных разновидностей клишированных фраз) как единиц языка и прецедентных текстов. Обобщенные высказывания достаточно широко рассматриваются при изучении синтаксических моделей предложения, различных аспектов художественных идиостилей. При этом для обозначения афоризмов, как правило, используются термины *изречение*, *гнома*, *максима*, *сентенция*, *универсальное высказывание* и др.

Таким образом, методологическое своеобразие изучения афоризма как объекта лингвистики заключается в том, что:

а) афоризм был эксплицирован как лингвистический объект в начале XX века, однако понятие афоризма не является общепринятым по причине его недостаточной категориальной определенности в языкознании;

---

<sup>1</sup> Прохоров Ю.Е. Афоризм // Русский язык: энциклопедия [1979] / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1997. С. 42.

б) попытки лингвистической квалификации афоризма и описания его языковых свойств не выходят за пределы частной проблематики тех лингвистических дисциплин, в терминах которых он изучается;

в) имплицитно афоризм широко исследуется в лингвистике, прежде всего в рамках изучения различных аспектов семантики, структуры и способов функционирования устойчивых в речи фраз, а также фразовых инноваций в языке художественной литературы и публицистики;

г) исследования языковой природы афоризма не выделяют в специальную область лингвистических знаний, несмотря на то что в терминах отдельных языковедческих дисциплин афоризм эксплицируется в качестве объекта лингвистики как в метаязыковом отношении, так и концептуально.

### § 3. Проблемы описания языковой природы афоризма

Языковая природа афоризма как специфического продукта и знакового средства речемыслительной деятельности стала предметом серьезного внимания лингвистов только в конце XX столетия. Поэтому характерными чертами лингвистического изучения афоризма являются отсутствие общепризнанной методологии и неразработанность метаязыка его описания, частная проблематика и атомарный характер исследований, их относительно небольшое количество (по сравнению с изучением фразеологизмов или пословиц).

Лингвистическое направление в афористике нельзя отождествлять ни с “общей” афористикой как особой областью гуманитарных знаний (на пересечении филологии, философии и фольклористики), ни с афористикой как специальным разделом филологии (на пересечении лингвистики, исторической и теоретической поэтики и других, более мелких дисциплин филологического цикла). Изучение языковой природы афоризма находится только в стадии своего самоопределения, поэтому еще не имеет как общепринятого определения своего объекта и своих задач, собственных (прежде всего специально отобранных и уточненных) методов и приемов исследования, так и теоретически обоснованного понимания афоризма как феномена языка и речи.

Афоризм, как уже говорилось, ни в лингвистике, ни в филологии в целом “еще не получил точного определения”<sup>1</sup>. При этом существует ряд весьма оригинальных теоретических осмыслений афоризма в терминах таких дисциплин, как фразеология<sup>2</sup> и лингвострановедение<sup>3</sup>. Традиционно широко и разнообразно описывается лингвистическая природа афоризма на материале языка художественной литературы<sup>4</sup> и публицистики<sup>5</sup>.

Имеющаяся концептуальная и методологическая неопределенность в квалификации афоризма как лингвистического объекта свидетельствует не только о неоднозначности основных понятий и различиях исходных позиций исследователей, но и об известной эпистемологической трудности изучения лингвистических свойств афористических изречений. Афоризм по структуре и способам функционирования представляет собой сложный языковой объект (речевое произведение, цитату, устойчивую фразу, художественный текст и т. д.) и поэтому может быть предметом изучения одновременно нескольких лингвистических дисциплин (поддисциплин). Развитию общего лингвистического взгляда на афоризм препятствует не только отсутствие тенденции к унификации представлений об афоризме в терминах разных языковедческих дисциплин, но и отсутствие целостной лингвистической теории афоризма.

Только неразвитостью теоретических представлений об афоризме как тексте и как единице языка можно объяснить тот парадоксальный факт, что понятие афоризма очень редко интерпретируется в лингвистике в терминах самой лингвистики. Так, в справочных изданиях по

<sup>1</sup> См.: Прохоров Ю.Е. Афоризм // Русский язык: энциклопедия [1979] / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1997. С. 42.

<sup>2</sup> Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. 1971. Т. 87. С. 3–23; Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: дисс. ... доктора филол. наук. Смоленск, 2005.

<sup>3</sup> Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 71–80.

<sup>4</sup> См.: Сукиасова И.М. Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова: лексико-стилистический анализ. Тбилиси, 1961; Садовая Г.Г. Языковая природа и стилистические функции сентенции (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1976; Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1981; Падуцева Е.В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // Паремнологические исследования: сб. статей / сост. и ред. Г.Л. Пермякова. Москва, 1984. С. 223–251; Шаталова С.А. Лингвистические основы афористики в художественных текстах Ф.М. Достоевского (на материале романов “Бесы” и “Подросток”): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2000 и др.

<sup>5</sup> См.: Рехлова О.А. Афористика в газете // Русская речь. 2007. № 3. С. 62–68; Расколова Н.В. Афористика и фразеология языка произведений русских полководцев конца XVIII – начала XIX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012 и др.

языкознанию афоризм обычно определяется как “краткое, остроумное, оригинальное изречение, которое имеет законченное содержание и совершенную форму”<sup>1</sup>, как “краткое, отточненное по форме изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль”<sup>2</sup>, как “высказывание, которое передает логически законченную мысль (суждение), – жизненное наблюдение, призыв, моральную сентенцию, рассуждение в выразительной, меткой и лаконичной словесной форме”<sup>3</sup> и под.

Аналогичные определения афоризма можно найти и в справочных изданиях по литературоведению. Афоризм в них квалифицируется как “изречение, в котором в меткой, лаконичной и обычно образной форме высказана оригинальная мысль”<sup>4</sup>, как “обобщенная мысль, выраженная в лаконичной, художественно заостренной форме”<sup>5</sup>, как “очень лаконичное и вместе с тем содержательное, с обобщенной мыслью высказывание; краткое, остроумное, оригинальное изречение известного автора”, глубокое по содержанию и совершенное по форме<sup>6</sup>.

Нетрудно заметить, что в определениях дифференциальных свойств афоризма и в языкознании, и в литературоведении широко используются понятия “краткий”, “лаконичный”, “отточенный”, “совершенный (по форме)”, “меткий”, “мудрый”, “оригинальный” и т. п. Все они не являются лингвистическими, а в строгом смысле слова и филологических (как и вообще научными в силу отсутствия объективных критериев их дифференциации). Такого рода определения отражают обиходное значение слова *афоризм*, которое, например, в русском языке семантизируется как “изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль”<sup>7</sup>, в белорусском языке – как “краткое меткое изречение”<sup>8</sup>, в английском языке – как “a short phrase that contains a wise idea”<sup>9</sup> и т. д.

<sup>1</sup> Сцяцко П.У., Гуліцкі М.Ф., Антанюк Л.А. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў. Мінск, 1990. С. 28.

<sup>2</sup> Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. Москва, 1995. С. 17.

<sup>3</sup> Міхневіч А.А. Афарызмы // Беларуская мова: энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 60.

<sup>4</sup> Рагойша В.П. Паэтычны слоўнік. 2-е выд., дапрац. і дапоўн. Мінск, 1987. С. 308.

<sup>5</sup> Гаспарук М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>6</sup> Лазарук М.А., Ленсу А.А. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў [1983]. 2-е выд., дапрац. Мінск, 1996. С. 26.

<sup>7</sup> Словарь русского языка [1957–1961]: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1981. Т. 1. С. 52.

<sup>8</sup> Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск, 1996. С. 74.

<sup>9</sup> Longman Dictionary of Contemporary English. 5th Edition. Pearson, 2009.

С другой стороны, термин *афоризм* не рассматривается в ряде фундаментальных лингвистических энциклопедий и терминологических словарей<sup>1</sup>, хотя на практике обычно широко используется лингвистами для обозначения соответствующей разновидности речевых произведений и устойчивых в речи фраз.

Отсутствие общей лингвистической теории афоризма является также причиной того, что вне языкознания, в рамках структурной паремиологии, известным фольклористом и переводчиком Г.Л. Пермяковым было в свое время сформулировано важнейшее по своей теоретической значимости положение о принадлежности афоризмов-паремий к феноменам языка безотносительно их определения как единиц иных семиотических систем. “Троякая природа пословиц и поговорок требует и троякого к ним подхода – как к явлениям языка, явлениям мысли и явлениям фольклора, тем более что названные три плана пословичных изречений в значительной степени являются автономными”<sup>2</sup>. Следует отметить, что автономность языковой природы афоризма не осталась без внимания лингвистов. Те афоризмы, которые функционируют в речи как прецедентные тексты (прежде всего пословицы) начали систематически изучаться в языкознании с середины XIX века, а с развитием фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины стали рассматриваться рядом исследователей как собственно языковые единицы.

В этой связи совершенно очевидна актуальность описания афоризма, во-первых, в терминах общей лингвистики, а во-вторых, как целостного лингвистического объекта (гомогенного по категориальным признакам феномена языка и речи), т. е. построение общей лингвистической теории афоризма как языковой единицы.

#### § 4. Предмет и задачи лингвистической афористики

До недавнего времени внимание лингвистов было сосредоточено в основном на изучении семантической и грамматической структуры афоризмов, стилистических особенностей их функционирования

<sup>1</sup> Например, см.: *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966; *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва, 1990 и др.

<sup>2</sup> *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). Москва, 1970. С. 8.

в языке художественной литературы как жанра изречений, прецедентных текстов и паремий.

Тем не менее широта проблем лингвистического изучения афоризма, глубина интерпретаций его отдельных свойств, осмысления места афоризмов в системе современных представлений о языке достигли на сегодняшний день того предела, за которым изучение языковой природы афоризма можно рассматривать уже как гомогенное и, в известной степени, методологически цельное ответвление лингвистического знания.

Ярким свидетельством этого является мнение, что “устойчивые выражения, авторами которых являются конкретные люди (писатели, ученые, деятели культуры и др.)”, нужно специально изучать, для чего “формируется филологическая дисциплина – афористика”<sup>1</sup>.

Предпосылки формирования афористики как лингвистической дисциплины со своими специфическими единицами сложились в начале 1970-х гг. в рамках лингвострановедческого описания русского языка. Общеупотребимые, или воспроизводимые, афоризмы (“языковые”) были противопоставлены афоризмам разового употребления, или творимым (“речевым”), и определены как “строевые единицы языка vs. речи” (так называемые “афористические”)<sup>2</sup>. Изоморфность афористических единиц другим строевым единицам (словам и фразеологизмам) состоит в том, что “все они представляют собой клише (т. е. воспроизводятся), являются знаками, способны иметь мотивировку своего значения, отличаются функциональным сходством (т. е. прежде всего используются в номинативных целях), имеют парадигмы”<sup>3</sup>.

Таким образом, лингвистическая интерпретация афоризма не должна ограничиваться только изучением его языковых особенностей как речевого произведения и как литературного жанра. Основное внимание следует сосредоточить на таких проблемах, как определение места афористических единиц в системе языка и описании специфики манифестации афоризмов как единиц языка в речи. Для решения указанных проблем в афористике как филологической дисциплине посте-

<sup>1</sup> Плотнікаў Б.А. Фразеалогія // Плотнікаў Б.А. Агульныя мовазнаўства. Мінск, 1994. С. 246.

<sup>2</sup> См.: *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 71 и далее.

<sup>3</sup> *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970) / сост.: Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. Москва, 1975. С. С. 250.

ленно оформляется еще один системно-научный взгляд на афоризм – лингвистический, который имеет все основания развиваться в отдельную, самостоятельную область знаний об афористических единицах.

Отрасль филологии, в рамках которой изучается языковая природа афоризма, можно назвать “лингвистическая афористика” (или сокращенно “лингвоафористика”).

Предметом изучения лингвоафористики является афористическое по содержанию и по форме сочетание слов (синтаксически эквивалентное предложению), функционирование которого в речи может быть массовым (поговорки, крылатые афоризмы и иные устойчивые афористические фразы) либо индивидуально-речевым (афоризмы как литературный жанр, афористические реплики, цитаты и иные неклишированные афоризмы).

Целью лингвоафористики, дисциплины, сходной по внутреннему строению, проблемам с фразеологией, является изучение закономерностей афористической структуры слов и их значений в специфические по своей семантике свободные высказывания и устойчивые фразы и описание на этой основе различных типов афористических единиц в их современном состоянии и в историческом развитии. Главной задачей лингвоафористики является описание и классификация афоризмов как единиц языка и речи в семантическом, структурном и функциональном аспектах.

### ***Контрольные вопросы и задания***

- 1. Что означало слово “афоризм” в античности?*
- 2. Как изучались языковые свойства афоризма до начала XX века?*
- 3. Какие этапы можно выделить в истории лингвистического изучения афоризма?*
- 4. Перечислите основные направления лингвистического изучения афоризма.*
- 5. В чем сущность фразеологической теории афоризма?*
- 6. Каковы особенности осмысления языковой природы афоризма в рамках структурной паремиологии?*
- 7. Какова роль лингвострановедческой теории афоризма в развитии его изучения как языковой единицы?*
- 8. Дайте определение афоризма как функционально-семантической разновидности высказывания.*

9. В чем заключается методологическое своеобразие изучения языковых свойств афоризма?

10. Перечислите основные методологические проблемы описания языковой природы афоризма.

11. Каковы предпосылки формирования афористики как отдельной лингвистической дисциплины?

12. Назовите предмет изучения лингвистической афористики.

13. В чем заключается цель лингвистического изучения афоризма?

14. Какова главная задача лингвистической афористики?

## ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Неоднородные по происхождению, структуре и функциональным особенностям афористические высказывания систематизируются различными исследователями в терминах различных филологических дисциплин с помощью самых разнообразных критериев.

Наиболее значимыми являются литературоведческие и лингвистические классификации афористических единиц.

### § 1. Литературоведческие классификации афоризмов

Согласно известной классификации академика М.Л. Гаспарова<sup>1</sup>, все афоризмы с точки зрения неопределимости vs. определмости их авторства дифференцируются на два больших класса – а ф о р и з м ы ф о л ь к л о р н ы е (пословицы и поговорки) и л и т е р а т у р н ы е . Первые отличаются принципиальной невозможностью определения их автора как того или иного конкретного индивида (обычно считается, что создание фольклорных афоризмов – прерогатива т. н. “коллективного творчества народа”, так как за исключением пословиц литературного происхождения всегда остается неизвестным, кто именно, в отношении чего, в каком смысле и в какой форме впервые их высказал<sup>2</sup>). Вторым свойственно наличие реального или потенциального (подразумеваемого) автора. Исходя из этого, “литературные афоризмы” разграничиваются на три следующие категории.

Г н о м ы и л и с е н т е н ц и и – афористические высказывания, которые не обязательно соотносятся с именем своего автора и, будучи квалифицированы М.Л. Гаспаровым еще и как “безличные

<sup>1</sup> Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43; Гаспаров М.Л. Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха] // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 558–566.

<sup>2</sup> В этой связи следует оговориться, что отсутствие ассоциации определенного афоризма с его автором может иметь не только категориальный (как у М.Л. Гаспарова), но и собственно функциональный характер. Это касается прежде всего тех пословиц, которые генетически восходят к индивидуально-авторским афоризмам (в том числе к литературным).

сентенции”<sup>1</sup>, занимают “промежуточное положение между безымянной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом”<sup>2</sup>. Ср. (здесь и далее примеры М.Л. Гаспарова): *Никто не обнимет необъятного*.

**А п о ф е г м ы** (или **а п о ф т е г м ы**) – афористические изречения, которые принадлежат или приписываются определенному автору (“вложенные в уста конкретного лица”<sup>3</sup>), как правило, из числа известных исторических лиц на основании наличия текстовых источников или молвы (разной степени достоверности). Ср.: *Мудрец Картезий* сказал: “*Никто не обнимет необъятного*”.

**Х р и и** – афористические высказывания определенного лица в определенных обстоятельствах (“вложенные в уста конкретного лица при конкретных обстоятельствах”<sup>4</sup>), обычно в виде рассказа-миниатюры, который представляет собой остроумное или поучительное изречение какого-нибудь великого человека в контексте биографического или анекдотического сообщения о том или ином событии, которое заставило его высказаться. Ср.: *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом отвечивший: “Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!”*.

Не менее известной является и классификация афоризмов по их генолого-семантическим отличиям, которая принадлежит М.Н. Эпштейну<sup>5</sup>. Согласно этой классификационной схеме, внутри афористики как жанра словесного творчества выделяются четыре разновидности афористических высказываний, исходя из специфического для каждого из них содержания и художественной формы его выражения.

**С е н т е н ц и и** – изречения декларативного характера, которые по своей логико-смысловой структуре являются “теоретическим” результатом обобщения действительности. Ср. (этот и два следующих примера М.Н. Эпштейна): (в переводе с др.-греч.) *Статую красит вид, а человека – деяния его* (Пифагор).

**М а к с и м ы** – изречения подчеркнуто директивного характера, обобщение действительности в которых имеет “эмпирическое” значе-

<sup>1</sup> Гаспаров М.Л. Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха] // *Плутарх. Застольные беседы*. Ленинград, 1990. С. 559.

<sup>2</sup> Гаспаров М.Л. Сентенция // *Литературный энциклопедический словарь*. Москва, 1987. С. 375.

<sup>3</sup> Гаспаров М.Л. Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха] С. 559.

<sup>4</sup> Гаспаров М.Л. Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха]. С. 559.

<sup>5</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // *Литературный энциклопедический словарь*. Москва, 1987. С. 43.

ние, обычно в виде наставления. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях* (Эпиктет).

Г н о м ы – обобщения действительности в виде поучительных по содержанию изречений, как правило, стихотворных и анонимных, однако иной раз высказанных от имени своего автора. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Вот Фокилида слова: что за польза от знатного рода Тем, у кого ни в словах обаяния нет, ни в совете?* (Фокилид).

Х р и и – изречения, в которых обобщение действительности нельзя отделить от той жизненной ситуации, которая “спровоцировала” его появление (ср. с определением хрии у М.Л. Гаспарова). Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Часто он [Сократ] говорил, глядя на множество рыночных товаров: “Сколько же есть вещей, без которых можно жить!”*<sup>1</sup>.

Еще одна дифференциация афоризмов, в основу которой положен целый комплекс гетерогенных критериев, была предложена академиком Н.Т.Федоренко и Л.И.Сокольской, авторами первого в восточнославянской филологии исследования, посвященного теоретическому рассмотрению афоризма как продукта и способа художественного словесного творчества<sup>2</sup>.

Прежде всего на основании автономного vs. неавтономного характера своего функционирования как текстов все афористические высказывания подразделяются на так называемые о б о с о б л е н н ы е (или с а м о с т о я т е л ь н ы е) а ф о р и з м ы (resp. автономные тексты), “входящие в произведения, состоящие из одних афоризмов (напр., в такие, как упомянутые уже *“Reflexions ou sentences et maximes morales”* Франсуа де Ларошфуко, *“Aphorismen”* Георга К.Лихтенберга, *“Плоды раздумья”* Козьмы Пруткова и т. п.)” и в в о д н ы е (т. е. интертексты), которые “встречаются в различных литературных жанрах: в романах, повестях, драме, поэме, очерке”<sup>3</sup>.

И первые, и вторые, в свою очередь, разграничиваются на основании ритмизованности или неритмизованности формы своего

<sup>1</sup> Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Москва, 1986. С. 100.

<sup>2</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 86–90, 101.

<sup>3</sup> Следует заметить, что здесь Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская не являются оригинальными, поскольку аналогичная классификация есть в “Краткой литературной энциклопедии”, причем почти в тех же терминах (ср., например, “вводный афоризм”), см.: Афоризм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Москва, 1962. Т. 1. С. 366.

речевого выражения на “афоризмы поэтические” (или “афоростихи”<sup>1)</sup>) и афоризмы в прозе.

Последние в зависимости от их лексического и синтаксического объема дифференцируются на собственно “афоризмы” и так называемые “афористические высказывания” (или “афорвысказывания”<sup>2)</sup>) – “суждения, сжатые до предела”, но размер которых выходит за привычные “границы афоризма” (одногодвух простых предложений с общим количеством слов около 7–9 единиц). Ср. (примеры Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской): *Нет у людей истинной свободы без свободы высказывать свои мысли* (Вольтер); *Если мы имеем по яблоку и обменяемся ими, мы ничего не выигрываем; а если у вас есть идея и у меня есть идея, обменявшись, мы будем иметь каждый по две идеи* (Б. Шоу).

## § 2. Лингвистическая классификация афоризмов

Классификация афористических единиц, предложенная академиком В.Г. Костомаровым и Е.М. Верещагиным<sup>3</sup>, положила начало (по крайней мере, в восточнославянской языковедческой традиции) лингвистическому пониманию афоризмов как единиц речи и элементов системы языка. Все афористические единицы на основании “индивидуально-го” или “массового” характера их функционирования в речи дифференцируются на две основные категории – “речевые” (или “индивидуально-авторские”) и “языковые афоризмы”<sup>4</sup>.

Первые противопоставляются вторым прежде всего с точки зрения свободы или несвободы своей лексико-грамматической структуры в речи. Ср.: *Одежду береги, пока она новая, а честь береги с юности* (намеренно созданная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым фраза) и *Береги платье снову, а честь смолоду* (известная русская пословица).

<sup>1</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 101.

<sup>2</sup> Там же. С. 101.

<sup>3</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 71–73.

<sup>4</sup> Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 6–7.

Однако одной только одной способности воспроизводится в речи, как подчеркивают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, еще недостаточно для зачисления того или иного афоризма в состав именно “языковых афоризмов”. Языковая или речевая природа афористических единиц определяется также в соответствии с общезыковым (“массовым”) или не общезыковым (“индивидуальным”) статусом воспроизводимости каждого из них. При этом “массовый характер” воспроизводимости “языковых афоризмов” определяется по критерию их “известности в с е м носителям языка так же, как любое слово или любой фразеологизм”, тогда как афоризмы, воспроизводимость которых отличается “индивидуальным” характером, “не выходят за пределы местного бытования или даже остаются достоянием отдельных лиц”, а поэтому не имеют никакого отношения к языку и представляют собой “не более чем фольклорный и литературный материал”<sup>1</sup>.

Все языковые афоризмы, в свою очередь, дифференцируются в зависимости от своего происхождения на четыре следующих класса.

П о с л о в и ц ы и п о г о в о р к и – устные краткие изречения, восходящие к фольклору. Ср. (здесь и далее примеры Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова): *В гостях хорошо, а дома лучше; Век живи, век учишь; Дело мастера боится; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Не место красит человека, а человек место; Старый друг лучше новых двух; Ученье – свет, а неученье – тьма.*

К р ы л а т ы е с л о в а – вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц. Ср., например, из произведений М. Горького (1868–1936): *Безумству храбрых поем мы песню* (“Песня о Соколе”); *Пусть сильнее грянет буря* (“Песня о Буревестнике”); *Рожденный ползать летать не может* (“Песня о Соколе”); *Человек – это звучит гордо* (“На дне”). При этом отмечается, что “крылатые слова отличаются от пословиц, во-первых, происхождением и, во-вторых, сферой употребления (крылатые слова – принадлежность литературной речи”).

П р и з ы в ы , д е в и з ы , л о з у н г и и “другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения” и источниками проникновения которых в речь служат прежде всего средства массовой информации и публицистическая литература. Ср.: *Все для человека, все для блага человека; Любите*

<sup>1</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 73.

*книгу – источник знания; Свобода, равенство, братство; Учиться, учиться и учиться.*

Общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки, которые “заимствуются из науки”. Ср.: *Бытие определяет сознание; Количество переходит в качество; Народ – творец истории; Практика – критерий истины; Свобода – это осознанная необходимость.*

### § 3. Предметно-тематические классификации афоризмов

Существуют также классификации афоризмов, имеющие частный, а не общий характер (в которых предметом систематизации выступает какая-либо одна сторона объекта – структура афоризма, его семантика и т. д.), как, например, дифференциация афористических единиц по отличиям в их композиционно-стилистической структуре<sup>1</sup>, классификация афоризмов по логико-семиотическим инвариантам и логико-тематическим группам (разработанная на материале паремий)<sup>2</sup>, многочисленные систематизации афористических единиц (и клишированных, и неклишированных) по их содержательной принадлежности к той или иной предметно-тематической сфере отражения действительности и т. п.

Такого рода классификации афоризмов являются эпистемологически мало репрезентативными, поскольку охватывают, как правило, только афористические единицы определенных генетических, семантических, функциональных, структурных свойств, преимущественно фольклорные или литературно-художественные тексты, для которых обычно и создается ad hoc подавляющее большинство частных классификаций афоризмов. Именно поэтому многие из этих классификационных схем отличаются не только весьма субъективным подходом каждого из их авторов к предмету систематизации, но и значимыми методологическими противоречиями, в силу чего многие частные систематизации афоризмов эпистемологически нерелевантны даже

<sup>1</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 79–86.

<sup>2</sup> Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 11–33, 107–134. Подробный анализ логико-семиотической классификации Г.Л. Пермякова см.: Аникин В.П. О “логико-семиотической” классификации пословиц и поговорок // Русский фольклор. Ленинград, 1976. Т. XVI: Историческая жизнь народной поэзии. С. 263–278.

в терминах той дисциплины, предметом изучения которой выступает афоризм как объект данной классификации.

Отдельного рассмотрения заслуживают многочисленные попытки предметно-тематических систематизации как клишированных, так и неклишированных афористических единиц. Дифференциация афоризмов по предметно-тематическому признаку никогда не была предметом специального анализа в терминах семантики. Классификации афоризмов по тематике всегда обусловлены только эмпирическими причинами (как правило, решением проблемы размещения афоризмов при составлении самых разнообразных афористических словарей, сборников, энциклопедий и т. п. либо репрезентации национально-культурной модели мира в языковых афоризмах при их лингвострановедческом описании<sup>1</sup>).

Отсутствие строгих методологических критериев описания такого сложного объекта, как предметно-тематическая сфера плана содержания афоризмов, которая имеет чрезвычайно высокую степень гетерогенности, детерминирует неоднозначность предметно-тематической квалификации содержания тех или иных афоризмов в разных классификационных схемах. Одна и та же афористическая единица может одновременно включаться в различные предметно-тематические группы, а качественно неоднородные по своей семантике афоризмы могут относиться к одной предметно-тематической группе даже безотносительно реального перекрещивания предметно-тематических полей как результата диффузности смыслового наполнения афоризмов (особенно языковых с переносной мотивировкой общего значения). Это, в свою очередь, порождает противоречивость в выделении предметно-тематических групп как в количественном, так и в качественном аспекте (идентификации и наименовании тех фрагментов мира, которые отражены в афоризмах)<sup>2</sup>. В этой связи можно согласиться с

---

<sup>1</sup> Ср., например, тематическую классификацию пословиц и поговорок (по алфавиту тем) в лингвострановедческом словаре русской языковой афористики, см.: *Фелицына В.П.* Русские пословицы и поговорки // *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980] / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 118–124.

<sup>2</sup> Например, предметно-тематическая рубрикация в сборниках литературных афоризмов, см.: *Афоризмы: избранные изречения деятелей литературы и искусства* / сост. Е.С. Райзе. Ленинград, 1964; *Симфония разума: афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов* / сост. В. Воронцов. Москва, 1976; *Жемчужины мысли* [1987] / сост. А.А. Жадан. 3-е изд., перераб. и доп. Минск, 1991; *Витражи мудрости: афоризмы, крылатые слова, изречения* [1987] / сост. М.В. Король. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1991; *Афоризмы и высказы-*

мнением академика Н.Т. Федоренко, что всякая предметно-тематическая дифференциация афористических высказываний возможна (конечно, если она имеет эмпирический характер) только в самом приближенном и общем виде<sup>1</sup>.

#### § 4. Проблемы систематизации афористического материала

Как можно видеть, в современной афористике пока не существует общепринятого подхода к систематизации афористического материала языка и речи. В то же время, ни одна из классификационных схем не только не исчерпывает представления об афоризме во всем многообразии его семантических, структурных и функциональных разновидностей, но и не является последовательной и непротиворечивой. Причин этого можно выделить несколько.

Во-первых, проблема систематизации афористического материала языка и речи традиционно решается в пределах понимания афоризма только как объекта изучения определенной филологической дисциплины (теории литературы у М.Л. Гаспарова, М.Н. Эпштейна, Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, языкознания у Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова). Именно поэтому при систематизации афористических единиц в терминах теории литературы не дифференцируются клишированные афоризмы (прежде всего пословицы, которые в большинстве литературоведческих классификаций игнорируются), а в лингвострановедческой систематизации афористического материала, наоборот, никак не дифференцируются т. н. “индивидуально-речевые” афоризмы, подавляющее большинство которых составляют неклишированные афоризмы, в том числе литературные.

---

звания писателей об основных ценностях жизни / сост. Л.И. Сокольская // Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 190–404; Переключка веков: размышления, суждения, высказывания / сост. В.Г. Носков. Москва, 1990 и др.

То же в сборниках и словарях пословиц и поговорок, см.: *Даль В.И.* Пословицы русского народа [1861–1862]: в 2 т. Москва, 1984; *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. Москва, 1961; *Народные пословицы и поговорки* / сост. А.И. Соболев. Москва, 1961; *Русские народные пословицы и поговорки* / сост. А.М. Жигулев. Москва, 1965; *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980] / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 118–124 и др.

<sup>1</sup> Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 73.

Во-вторых, узкий взгляд на объем афористики детерминирован еще и весьма невысокой степенью репрезентативности критериев той или иной классификационной схемы (даже в тех случаях, когда при систематизации афористического материала используется ряд разноплановых критериев) и/или только эмпирическим (*ad hoc*) предназначением данной классификации.

Использование, например, М.Л. Гаспаровым в качестве критерия систематизации афоризмов степени известности автора афористического высказывания не только не позволяет дифференцировать фольклорную афористику, но и практически исключает из числа афоризмов все не “наличные” (не литературные, т. е. не письменные) тексты, к которым принципиально не применимы такие параметры, как “неопределимость vs. определимость авторства, соотнесение с именем автора и/или с ситуацией употребления, принадлежность и/или приписывание определенному автору” и под. Данные параметры предусматривают существование афоризма во времени и пространстве вне речевого акта (вне автора и/или ситуации порождения афористического высказывания, с которыми его как раз и следует “соотнести”) и имеют смысл только в рамках диахронной перспективы рассмотрения афористики (в противном случае невозможно избежать таких противоречий в синхронической дифференциации афоризмов, как, например, “пословицы литературного происхождения” и под.).

Разграничение в классификационной схеме Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова афористических единиц на две основные категории – т. н. “речевые” (или “индивидуально-авторские”) и “языковые афоризмы” на основании определения их “индивидуального” или “массового” характера функционирования в речи обусловлено утилитарными потребностями в целях лингвострановедческого (лингводидактического) описания языка выявить тот минимум афористических единиц, которые были бы известны всем носителям языка. В этом смысле объем языковых афоризмов ограничивается, на основании данных паремиологического эксперимента Г.Л. Пермякова<sup>1</sup>, 800–1500 единицами, а все остальные воспроизводимые в речи афоризмы, в том числе и пословицы “местного бытования” (т. е. диалектные), не имеют “языкового характера” и представляют собой, как уже говорилось, “не более

<sup>1</sup> Пермяков Г.Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 143–169.

чем фольклорный и литературный материал”<sup>1</sup>; иначе говоря, если последовательно следовать данной логике, не могут быть объектом лингвистики, а значит, и лингвистической классификации (?!).

Во-третьих, отсутствие общепринятой точки зрения в классификации афористического материала языка и речи, а также репрезентативных классификационных схем, можно объяснить крайней противоречивостью и даже ошибочностью отдельных трактовок тех или иных особенностей афоризмов, причем не только в рамках определенных классификаций, но и вообще в терминах соответствующих дисциплин.

Так, решительно нельзя согласиться с выделением и академиком М.Л. Гаспаровым, и М.Н. Эпштейном такой разновидности афоризма, как “хрия”, которая в генолого-семантической парадигме малых литературных форм является качественно иной, более широкой формой, чем афоризм. По композиционно-содержательной структуре хрию следует рассматривать как нарративный текст, где описывается какое-либо примечательное событие из жизни известного мудреца или героя, который высказывает свою оценку происходящего в виде реплики-изречения (кстати, далеко не всегда именно афористическое<sup>2</sup>). Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Перилл, один из его [Александра Македонского] друзей, просил у него приданое дочери; Александр велел ему взять пятьдесят талантов. Тот сказал, что довольно десяти. “Для тебя довольно, чтобы взять, – сказал Александр, – но для меня не довольно, чтобы дать”* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 26, 6)<sup>3</sup>; *Сразившись с римлянами, он [Пирр] дважды одержал победу, но потерял много сыновей своих и военачальников. “Еще одна такая победа, – сказал он, – и я погиб”* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 36, 3) – это широко известное высказывание знаменитого эпирского царя Пирра (319–273 до н. э.), который, действительно, спустя год потерпел сокрушительное поражение от римских легионов, стало прототипом крылатого выражения *пиррова победа*.

<sup>1</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 73.

<sup>2</sup> Большинство реплик того или иного мудреца или героя в составе хрии, как правило, не являются афоризмами. Так, например, в “Изречениях царей и полководцев” Плутарха из 392 текстов, которые можно отнести к хриям, афористические изречения встречаются только в 73 (т. е. менее чем 19 % от их общего количества), см.: Плутарх. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 340–386.

<sup>3</sup> Здесь и далее “Изречения царей и полководцев” Плутарха приводятся в переводе М.Л. Гаспарова.

Следует заметить, что очень часто реплика-изречение главного героя хрии содержится в тексте последней в более или менее имплицитном состоянии (от представления слов главного героя в форме косвенной речи до разной степени структурной неоформленности его реплики-изречения). Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Другой раз его снова спросили об укреплениях города, и Ликург ответил, что нельзя считать город неукрепленным, если его оборона зиждется на мужах, а не на кирпичях* (Плутарх, “Изречения спартанцев”, 53, 28)<sup>2</sup> ← *Нельзя считать город неукрепленным, если его оборона зиждется на мужах, а не на кирпичях; За ужином однажды зашла речь, какая лучше смерть; Цезарь сказал: “Внезапная”* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 90, 15) ← *Лучшая смерть – внезапная; Продавая участок земли, он [Фемистокл] велел объявить, что и сосед у него хороший* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 38, 12) ← *Продавая участок земли, <не забудь> объявить, что и сосед <у тебя> хороший.*

Центральным элементом текста хрии выступает реплика главного героя, которую в случае, если она афористична, можно квалифицировать, согласно терминологии академика Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, как “вводный афоризм” (т. е. афоризм, который содержится в тексте хрии). Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Птолемей, сын Лага, часто и ел и спал у друзей своих; а когда ему самому случалось угощать их, он у них же брал для этого и столы, и покрывала, и посуду, потому что сам ничего не имел, кроме самого необходимого: царю, говорил он, более пристало обогащать не себя, а других* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 27) ← *Царю более пристало обогащать не себя, а других; Страдавшему от того, что умирает на чужбине, он [Анаксагор] сказал ему: “Спуск в Аид отовсюду одинаков”* (Диоген Лаэртский, “О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов”, II, 11)<sup>3</sup> ← *Спуск в Аид отовсюду одинаков* и т. п.

Показательным примером “вводного” характера афоризма-реплики в структуре хрии являются иллюстрации академика М.Л. Гаспарова к выделенным им типам афоризма, отношения между которыми в та-

<sup>1</sup> О некоторых типах структурной неоформленности индивидуально-речевых афоризмов см.: *Иванов Е.Е.* Структурная парадигма афоризма как единицы языка vs. речи // Вопросы романо-германской филологии: прагматика и семантика. Пятигорск, 1994. С. 83–89.

<sup>2</sup> Перевод с греческого М.Н. Ботвинника, см.: *Плутарх.* Изречения спартанцев // *Плутарх.* Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 287–330.

<sup>3</sup> Перевод с греческого А.В. Лебедева, см.: *Анаксагор* // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва, 1989. С. 506.

ком случае нельзя квалифицировать как свободную зависимость, поскольку очевидна их структурная иерархия. Ср.: *Никто не обнимет необъятного* (“гнома” или “сентенция”) ⇒ *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом отвечивал: “Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!”* (“хрия”), т. е. “гномы” или “сентенции” могут входить (или “вводиться”) в “хрии” (как, впрочем, и “извлекаться” из последних).

Таким образом, хрию безусловно следует относить к более широкому, чем афоризм, текстам, весьма близким к таким жанровым разновидностям малых форм словесного творчества, как басня в литературе и анекдот в фольклоре.

То же можно утверждать и в отношении выделенной академиком М.Л. Гаспарова такой разновидности афоризма, как “апоф(т)егма”, которая в действительности представляет собой афористическое высказывание в контексте указания на источник (т. е. субъекта – автора констатации или оценки сообщаемого) и/или на характер знания, которое лежит в основе сообщения говорящего. Ср.: (в переводе с др.-греч.) *Катон Старший, обличая народ в роскоши и мотовстве, сказал: “Трудно говорить с желудком, у которого нет ушей!”* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 80, 1); *Дела отважные и великие, говорил он [Гай Юлий Цезарь], нужно делать, а не обдумывать* (Плутарх, “Изречения царей и полководцев”, 90, 6) и т. п. При этом упомянутые отношения структурной иерархии действуют и для “гнома” или “сентенций”, с одной стороны, и для “апоф(т)егм”, с другой. Ср.: *Никто не обнимет необъятного* (“гнома” или “сентенция”) ⇒ *Мудрец Картезий сказал: “Никто не обнимет необъятного”* (“апоф(т)егма”). Несмотря на то, что “по умолчанию” предполагается отсутствие какой бы то ни было “ситуации”, она здесь тем не менее присутствует, поскольку афоризм-реплика воспроизводится не сам по себе, а именно “в контексте”, который и репрезентирует тот или иной конкретный фрагмент действительности или речевой акт (ср. приведенные выше примеры афористических высказываний Катона Старшего и Гая Юлия Цезаря).

Апоф(т)егмы (в смысле академика М.Л. Гаспарова) правильнее будет относить к более широкой жанровой форме – т. н. “велеризмам” (< англ. *wellerism*)<sup>1</sup> – композиционным формулам (часто провербиль-

<sup>1</sup> По фамилии одного из героев романа Ч. Диккенса “The Posthumous Papers of the Pickwick Club” (1837) слуги Сэма Уэллера (Weller), речь которого пестрит такого рода изречениями, употребляемыми им по поводу и без повода.

ным) типа “Нечто с к а з а л некто, ко г д а он д е л а л что-то”<sup>1</sup>. Ср.: “Да будет свет!” – сказал монтер и перерезал провода; “Много визгу и мало шерсти”, – сказал черт, когда стриг свинью; “Хочешь жить, умей вертеться”, – приговаривал Бог, создавая Землю; англ. “Everyone to his own taste,” the old woman said when she kissed her cow; “We’ll have to rehearse that,” said the undertaker as the coffin fell out of the car; “This week is beginning splendidly,” said one who was to be hanged on Monday; “So I see,” said the blind carpenter as he picked up his hammer and saw; польск. *I ja mam chwile filozoficznej zadumy. Staję sobie na moście nad Wisłą, od czasu do czasu spluwam na fale i myślę przy tym: “Pantą rei”* (S.E. Lec, “*Myśli nieuczesane*”) < др.-греч. *Panta rhei* <*panta kinetai kai ouden menei*> (Гераклит); бел. “Усялякая справа патрабуе іскры божай”, – сказаў Герастрат, падпальваючы храм Артэміды (М. Коўзкі, “Доля праўды”) и т. п. При этом трехчастная структура велеризма не является обязательной, он может иметь и форму “Нечто с к а з а л некто”<sup>2</sup>. Ср.: Ной: “Спасайся, кто может”; “Хуже не будет”, – сказал оптимист; польск. “*Z jednego krzyża można by zrobić dwie szubienice*” – rzekł fachowiec z pogardą; “*Z eunuchami można mówić długo*” – opowiadała pewna pani z haremu; Powiedziały krety: “*Ludzie są ciemni, potrzebne im światło*” (S.E. Lec, “*Myśli nieuczesane*”); бел. Пабачым, сказаў сляпы, як бязногі паскача (пословица); “На ўсё талант трэба, – сакатала курьця, – салавей не пяе ў клетцы не таму, што не пяецца, а таму што не кудатаецца” (М. Коўзкі, “Доля праўды”) и т. п. Однако на практике, как замечает А. Дандис, “третья часть велеризма обычно присутствует, так как именно она “представляет” первую часть – цитату или пословицу – в новом, и часто юмористическом, свете”<sup>3</sup>, хотя point может быть заключен и во второй части велеризма (ср. приведенные выше реплики “Бога” и “Ноя”, “электрика” и “оптимиста”).

В-четвертых, низкий уровень репрезентативности существующих классификаций афоризмов обусловлен еще и довольно значительными эпистемологическими лакунами и метаязыковыми противоречиями. В частности, в классификациях М.Н. Эпштейн, академика Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской не представлена такая разновидность афористических единиц, как “пословицы”, а в классификациях академика

<sup>1</sup> См.: Быкова А.А. Семантическая структура велеризмов // Паремнологические исследования. Москва, 1984. С. 274–293.

<sup>2</sup> См.: Taylor A. The Proverb. Hatboro (Pennsylvania), 1962. S. 214–215.

<sup>3</sup> Дандис А. О структуре пословицы // Паремнологический сборник: Пословица. Задача (Структура. Смысл. Текст). Москва, 1978. С. 16.

М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна термины *сентенция*, *гнома* имеют принципиально отличные друг от друга значения.

В литературоведческой классификации академика М.Л. Гаспарова не нашлось места для такой разновидности литературных афоризмов, как “максима” (глухо упоминается только термин в отношении “афоризмов морального содержания”, которые “называются также максима”<sup>1</sup>), хотя тот же М.Л. Гаспаров в том же “Литературном энциклопедическом словаре” (1987), где приводится его классификационная схема, но уже в отдельной статье, квалифицирует максиму именно как “вид афоризма”<sup>2</sup>. В свою очередь, “апоф(т)егмы” и “половицы”, которые определяются М.Л. Гаспаровым как разновидности “афоризма”, в специально посвященным им статьям в этом же литературном энциклопедическом словаре как “афоризмы” уже не квалифицируются<sup>3</sup> (?!).

Классификация афоризмов академика М.Л. Гаспарова является показательным примером как эпистемологической, так и метаязыковой неопределенности понимания афоризма в терминах теории литературы. Так, “максима” определяется М.Л. Гаспаровым одновременно и как “афоризм морального содержания”, и как “моралистическая по содержанию разновидность сентенции”, что нейтрализует родовидовые отношения между “афоризмом” и “сентенцией”, которая недвусмысленно квалифицируется самим же М.Л. Гаспаровым именно как “вид афоризма”<sup>4</sup>. Такого рода противоречие можно объяснить смешиванием генолого-семантического (синхронного) и историко-поэтического (диахронного) подходов при квалификации и систематизации жанровых форм афоризма и неизбежной в этом случае терминологической путаницы. Показательным в этой связи является то, что при дифференциации “античных” афоризмов М.Л. Гаспаров не употребляет термин *афоризм*, а гному, апоф(т)егму и хрию квалифицирует как разновидность “сентенции” (?!)<sup>5</sup>.

Проблема метаязыка описания афористического материала языка и речи является, пожалуй, одной из наиболее сложных в изучении афоризма как продукта и средства речемыслительной деятельности преж-

<sup>1</sup> Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>2</sup> Гаспаров М.Л. Максима // Литературный энциклопедический словарь. С. 206.

<sup>3</sup> См.: Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 32, 291.

<sup>4</sup> Гаспаров М.Л. Сентенция // Литературный энциклопедический словарь. С. 375.

<sup>5</sup> Гаспаров М.Л. Примечания [к “Изречениям царей и полководцев” Плутарха] // Плутарх. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 559.

де всего по причине неразработанности метаязыка афористики как отдельной отрасли научного знания. Терминологическая практика, которая сформировалась в европейской филологии, не только основана на различных национальных традициях употребления термина *афоризм* и его понимания в рамках отдельных дисциплин, но и отличается индивидуальной спецификой в интерпретациях отдельных исследователей<sup>1</sup>. Неупорядоченность терминов и их значений, используемых для обозначения афористического материала языка и речи, невозможность преодолеть терминологическую неразбериху вызвали, в частности, в свое время предложение отказаться от такой функционально гетерогенной и потому эпистемологически опустошенной системы обозначений афористических изречений и заменить ее одним общим термином *rhumbs* по названиям широко известных книг изречений Поля Валери “*Rhumbs*” (1926) и “*Les Autres Rhumbs*” (1934)<sup>2</sup>.

Отсутствие упорядоченного метаязыка квалификации афоризма во всех его проявлениях как жанра и как единицы языка и речи (на фоне существования устойчивой и гетерогенной системы соответствующих обозначений в обиходной речи) говорит не столько о неопределенности основных понятий афористики как самостоятельной области научного знания, сколько об определенном влиянии обыденной картины мира на формирование научных понятий. Можно утверждать, что существующие теоретические взгляды на афоризм во многом находятся “в плену” слов и их значений, когда, с одной стороны, понятие о предмете формируется на основе не системно-научных представлений, а только лексического значения соответствующего слова, с другой же стороны, при обозначении тех или иных понятий как результата системно-научного познания действительности лексическое значение используемого слова не обязательно совмещается с соответствующим понятием (т. е. большинство афористических терминов наполняются понятийным содержанием *ad hoc*). Иначе весьма трудно объяснить столь поразительные эпистемологические и метаязыковые противоречия в систематизации афоризмов как объекта одной дисциплины с использованием одной и той

<sup>1</sup> Ср. помимо оригинальных терминосистем в уже упомянутых классификационных схемах также и исследования, посвященные специальному анализу афористической терминологии, см.: *Mautner F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen // Actes du IV-e Congrès de l'Association internationale de littérature comparée (Fribourg 1964) / Réd. par François Jost. II. Termes et notions littéraires: imitation, influence, originalité. The Hague – Paris, 1966. S. 812–819; Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористическая терминология // Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. С. 97–109.*

<sup>2</sup> См.: *Mautner F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen. P. 812–819.*

же терминологии (в данном случае, в классификационных схемах академика М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна в терминах теории литературы).

И, наконец, в-пятых, дифференциальные признаки тех или иных разновидностей афоризма не всегда оказываются четко и однозначно определены, что детерминирует не только принципиально различную интерпретацию последних в рамках отдельных систематизаций афоризмов, но и внутреннюю противоречивость даже самых строгих, на первый взгляд, классификационных схем. Так, например, к той разновидности афоризма, которая дифференцируется М.Н. Эпштейном как “гнома”, можно целиком применить все дифференциальные признаки “апоф(т)егмы” в понимании академика М.Л. Гаспарова (ср. приведенные выше примеры).

Искусственным выглядит и выделение в классификационной схеме Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова таких разновидностей языковых афоризмов, как “общественно-научные формулы” и “естественнонаучные формулировки”, а также “призывы”, “девизы” и “лозунги”, источниками которых являются прежде всего литературные тексты (соответственно, научного или публицистического содержания), т. е. те же “литературные источники”, наличие которых определяется в качестве дифференциального признака “крылатых слов” (это, видимо, вполне понимали и сами авторы, которые вряд ли обмолвились, когда употребили выражение “и другие крылатые фразы”, определяя такую разновидность языковых афоризмов, как “призывы, девизы, лозунги”).

Ярким примером неопределенности дифференциальных признаков разновидности афоризма является “сентенция” в классификации академика М.Л. Гаспарова, который определяет ее и как “афоризм без имени автора”<sup>1</sup>, и как “нечто среднее между безымянной фольклорной поговоркой и индивидуализированным авторским афоризмом”, при этом сентенция “с усилением философского содержания сближается с гномой, дидактического – с максимой, а будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апоф(т)егмой или хрией”<sup>2</sup> (?!). В таком случае “сентенция” одновременно и является разновидностью “литературного афоризма”, и не является таковой (при определенных условиях “становится апоф(т)егмой или хрией”); противопоставляется и другим разновидностям литературных афоризмов, и самой себе

<sup>1</sup> Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>2</sup> Гаспаров М.Л. Сентенция // Литературный энциклопедический словарь. С. 375.

(то целиком отождествляется с “гномой”, то лишь “сближается” с ней при определенных условиях, то определяется как “афоризм без имени автора”, то как “нечто среднее между безымянной фольклорной поговоркой и индивидуализированным авторским афоризмом”).

Декларируемые в классификациях афористического материала языка и речи дифференциальные признаки разновидностей афоризма не всегда оказываются именно таковыми (т. е. действительно категориальными), часто выделяются только *ad hoc*. Этим во многом объясняется то, что одни и те же типы афоризмов дифференцируются в разных классификационных схемах на основании неодинаковых критериев (например, “пословицы” у академика М.Л. Гаспарова и у Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, “гномы” и “сентенции” у М.Л. Гаспарова и у М.Н. Эпштейна). В то же время одни и те же разновидности афоризмов приобретают в разных классификациях различные дифференциальные признаки, а это значит, что и разное содержание (ср. “гномы” у М.Л. Гаспарова и у М.Н. Эпштейна).

В классификации академика Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской не имеют категориального характера дифференциальные признаки такой разновидности афоризмов, как “афористические высказывания” (или “афорвысказывания”). Так, не стихотворные афоризмы подразделяются в зависимости от своего лексического и синтаксического объема на собственно “афоризмы” и на “афорвысказывания”, тогда как стихотворные афоризмы (или так называемые “афоростихи”) соответствующим образом не дифференцируются, хотя, как отмечается авторами классификации, подавляющее большинство последних составляют двустишия (обычно довольно объемные по своему лексическому и синтаксическому составу) либо строфы с еще большим количеством стихов, прежде всего катрены (преимущественно в форме таких национальных разновидностей жанра, как “рубай”, “фрашка” и т. п.). Ср. (первые два примера Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской): *Мир – это слава земная и правда живая, Мир – это поле, где счастье растет, созревая* (М. Турсун-заде); *Настанет день и час придет, Когда уму и чести На всей земле придет черед Стоять на первом месте* (Р. Бернс); (в переводе с перс.-тадж.) *Будешь в обществе гордых ученых ослов, Постарайся ослом притворится без слов, Ибо каждого, кто не осел, эти дурни Обвиняют немедля в подрыве основ* (О. Хайям)<sup>1</sup>; (в пере-

<sup>1</sup> Хайям О. Рубай // Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы. Москва, 1991. С. 8.

воде с польск.) *Побеждаем ли мы, разбиты ли, в двух местах заста-ет нас заря: либо в лагере победителей, либо там, где у них лагеря* (С.Е. Лец, “О людях”)<sup>1</sup>; англ. *It needs more skill than I can tell to play the second fiddle well* (Ch.M. Spurgeon, “It needs more skill...”)<sup>2</sup>, польск. *Niech sobie ten przypis przeczyta elita, że każda śmietanka na deser jest bita* (S.E. Lec)<sup>3</sup>; бел. *Смутах пахмуры чала не змрочыць спакушаных, мудрых, Цяжкі панурацці грэх не зачэпіць ніколі разважных, І абурэнне іх дух з раўнавагі не выведзе раптам – Дзева Палада спакой іх і ціхую яснась вартуе* (У. Жылка, “Текзамеры”) и т. п.

Некатегориальным осмыслением дифференциальных признаков тех или иных разновидностей литературного афоризма можно объяснить и отсутствие структурированности классификационной схемы академика Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, которая задана просто перечислением (списком) выделяемых типов афоризмов<sup>4</sup>, что не позволяет считать ее репрезентативной.

### **Контрольные вопросы и задания**

1. Назовите основные подходы к систематизации афористических единиц.
2. Охарактеризуйте основные положения классификации афоризмов академиком М.Л. Гаспаровым.
3. В чем сущность классификации афоризмов М.Н. Эпштейном?
4. Опишите классификацию афоризмов академиком Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской.
5. Каковы принципы классификации афоризмов как языковых единиц Е.М. Верецагиным и В.Г. Костомаровым?
6. Перечислите основные недостатки предметно-тематической классификации афоризмов.
7. В чем заключаются основные проблемы систематизации афористического материала языка и речи?
8. Каковы противоречия и недостатки литературоведческих классификаций афоризмов?

<sup>1</sup> Перевод М. Новожилова, см.: Лец С.Е. Фрашки // Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы. Москва, 1991. С. 477.

<sup>2</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 371.

<sup>3</sup> Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 39.

<sup>4</sup> См.: Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 101.

9. В чем отличие афоризма от хрии и апоф(т)егмы?
10. Как соотносятся между собой понятия афоризма, сентенции и максимы?
11. Как соотносятся между собой понятия афоризма и гномы?
12. Как соотносятся между собой понятия афоризма, пословицы и крылатых слов?
13. Может ли лексический объем афоризмов выступать критерием их классификации? Почему?
14. В чем метаязыковая сложность описания и классификации афоризмов?

## ОСНОВНЫЕ КЛАССЫ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В основу систематизации афористического материала языка и речи не могут быть положены ни какой-либо один универсальный критерий, ни ряд в том или ином отношении гомогенных критериев, поскольку афоризм по своей природе является сложным, разноаспектным лингвистическим феноменом. Вместе с тем для классификации афористических единиц нельзя использовать положения уже существующих теорий высших единиц языка и речи (например, структурной паремиологии Г.Л. Пермякова или теории “речевых жанров” М.М. Бахтина), репрезентирующих свойства высказывания вообще, но весьма далеких от объяснения специфических свойств афоризма как типа устойчивых и свободных высказываний.

При систематизации разнородных по своему генезису, структурным, семантическим и функциональным особенностям афористических единиц можно использовать целый ряд иерархично упорядоченных гетерогенных критериев. Такой подход следует считать оправданным в том случае, если предметом классификации является сложный объект, который в своих различных качествах обладает разными категориальными признаками (т. е. может образовывать с другими объектами более одного множества). Использование гетерогенных критериев позволяет, во-первых, охватить классификацией все возможные разновидности афоризмов, во-вторых, разграничить их на определенные совокупности гомогенных единиц для того, чтобы выделить основные классы афористических единиц, и в-третьих, определить категориальные признаки каждого класса.

### § 1. Прецедентные и непрецедентные афоризмы

Первоочередным критерием, с помощью которого все афоризмы можно дифференцировать на две существенные категории, следует считать прецедентный vs. непрецедентный характер их функ-

ционирования в речи. Прецедентные афоризмы актуализируются в речи вне своего авторского контекста, т. е. воспроизводятся (в самом широком смысле, и как массовое, и как индивидуально-речевое цитирования чужой речи). Ср.: *Делать можно многое; но, понимаете, приличие во всем! Еще Пушкин сказал: “Свет не карает заблуждений, но тайны требует для них!”* (А.Ф. Писемский, “Мещане”); англ. *So haste makes waste, and therefore now I say, No haste but good, where wisdom makes the way* (G. Gascoigne, “For why the gains doth seldom quit the charge...”); польск. *Zapisałem własną myśl: “Nie zabijaj!” Czy to źle, czy dobrze, że dopiero po chwili spostrzegłem – popełniem plagiat* (S.E. Lec, “Myśli nieuczesane”); “*Nie podcinaj gałęzi, na której siedzisz!!!*” – *zskoda, że tego przysłowia nie znały darwinowskie mapły* (S.E. Lec, “Myśli nieuczesane”); бел. *Hi салдатам, ні арыштантам не хочаш быць, – заўважыў Лабановіч. – А я, брат, жыву па прыказцы: ад торбы і ад турмы не адракайся* (Я. Колас, “На ростанях”) и т. п.

Непрецедентные афоризмы производятся в конкретном речевом акте для выражения той или иной обобщенной и законченной мысли посредством свободного сочетания слов и их лексических значений по существующим в данном языке синтаксическим моделям. Ср.: *Прокофий выследил издали такое одиночное убийство и упрекнул Пиюсю: – Коммунисты сзади не убивают, товарищ Пиюся! – Пиюся от обиды сразу нашел свой ум: – Коммунистам, товарищ Дванов, нужен коммунизм, а не офицерское героичество!...* (А. Платонов, “Чевенгур”); англ. *Love’s not Time’s fool, though rosy lips and cheeks Within his bending sickle’s compass come; Love alters not with his brief hours and weeks, But bears it out even to the edge of doom. If this be error and upon me proved, I never writ, nor no man ever loved* (W. Shakespeare, Sonnet 116)<sup>2</sup>; польск. *Z doświadczenia osobistego wiem, jak często w pewnej szczęśliwej chwili odsłania się nam nagle prawdziwy sens myśli, które dotychczas znaliśmy czysto zewnętrznie* (S. Brzozowski)<sup>3</sup>; бел. *Янка паглядзеў на дарогу і ўздыхнуў. – Чаго ўздыхаеш, браце? – У мяне нарадзіўся афарызм, –*

<sup>1</sup> Ср. русский перевод Г. Русакова: *Поспешность губит. И на этот случай “Спеши с оглядкой!” – поговорка учит* (Английский сонет XVI–XIX веков. Москва, 1990. С. 79).

<sup>2</sup> Ср. русский перевод В. Орла: *Любовь не идет ко Времени в шуты, Его удары сносит терпеливо И до конца, без страха пустоты, Цепляется за краешек обрыва. А если мне поверить ты не смог, То, значит, нет любви и этих строк* (Английский сонет XVI–XIX веков. С. 227).

<sup>3</sup> Brzozowski S. Aforyzmy / wyb. A. Mencwel. Warszawa, 1979. S. 16.

адказаў Янка. – Ну, кажы! – *Ідучы рабіць сур’ёзную справу, не забывай узяць з сабою розум, калі ён у цябе ёсць* (Я. Колас, “На росянах”) і т. п.

Новыя афарызмы могуць узнікаць і ў выніку перафразіравання другіх афарызмічных адзінац<sup>1</sup>. Ср.: *Раздался звонкі голас Перфшкі, покрываюць увесь шум у трактуре. Сапожнік певучай скорароўкай крычаў: – І-эх, лей, кубышка, хазяйскага добрышка! Будем піць, будем баб любіць, будем па міру ходіць! С міру по нітке – бедному петля! А ад той петлі избавіўся – на сваіх жилах удавіўся* (М. Горькі, “Трое”) ⇐ *С міру по нітке – голому рубашка* (пословіца); англ. *Ye can call it influenza if ye like. There was no influenza in my young days. We called a cold a cold* (Е.А. Бенет, “The Card”) ⇐ *Call a cold a cold* ⇐ *Call a spade a spade* (пословіца ў значэнні ‘Говары ясна і па суттэву, выражай свае мыслі точно і з дапамогай прастейшых слоў’<sup>2</sup>); польск. *Na bezrybiu i rak komunista* (J. Wielobób, “Diabły, anioły i smoki”) ⇐ *Na bezrybiu i rak ryba* (пословіца); бел. *І неяк невясёла-невясёла было Кліму, “запанеўшаму”, як казаў стары Мікіта. Думкі плылі, чапляліся адна за другую, роем мітусіліся ў галаве. А зорачкі блішчалі так хораша на небе. І скрыпеў снег... І мерныя тужлівыя вершы ляцелі з неадкуль: Мой родны край, краса мая, З табою на век расстаўся я!... І задумаўся Клім. І нялася неяк па-іншаму: Мой родны край, краса мая, З табою век не ў згодзе я... Пад ложкачкай ічымела нешта незнаёмае. Мой родны край, як ты мне мілы, забыць цябе не маю сілы... І ляцелі думкі. І дрыжалі струны душы дзіўна-маркотным гукам. Мой родны край, як ты мне мілы, ўцяміць цябе не маю сілы... “Эге ж, уцяміць, пазнаць, зразумець ніколі не здолееш”, – быў чуцен шэпт* (М. Гарэцкі. “У лазні”) ⇐ *Мой родны кут, як ты мне мілы!... Забыць цябе не маю сілы!* (Я. Колас, “Новая зямля”) і т. п. Ср. таксама ўжо ўпамынутую вышэ спецыяльна придуманную Е.М. Верещагіным і В.Г. Костомаровым фразу *Одежду береги, пока она новая, а честь береги с юности* для ілюстрацыі разліччых між “языковымі” і “рэчывымі” афарызмамі як яркі прыклад трансфармацыі толькі лексіка-грамматычнай структуры афарызма без змянення яго значэння (у даным выпадку вядомай рускай пословіцы *Береги платье снову, а честь молодую*).

<sup>1</sup> Падробна аб такім спосабе дэрывацыі афарызмаў см.: Крейдлін Г.Е. Структура афарызма // *Проблемы структурной лингвистики* (1985–1987). Москва, 1989. С. 196–206.

<sup>2</sup> Ridout R., Witting C. *English Proverbs Explained*. London, 1969. Prov. 67.

## § 2. Реккурентные и нереккурентные афоризмы

Все unprecedentedные афористические высказывания можно разграничить по регулярности vs. нерегулярности повторения в речи стандартной процедуры их “конструирования” из знаков низших уровней языка на р е к к у р е н т н ы е<sup>1</sup> (повторяющиеся в речи с различной степенью частотности, но не воспроизводимые как уже “готовые” единицы) и н е р е к к у р е н т н ы е (не повторяющиеся, т. е. производимые в речи).

Реккурентными являются, как правило, афористические единицы, которые выражают те или иные стереотипы поведения, мышления, оценки и т. д. (иногда весьма древнего происхождения). Регулярная актуализация таких стереотипов в повседневной жизни и детерминирует достаточно частое повторение их стандартных формулировок (которое может быть как регулярным в виде пословиц, так и нерегулярным – в виде реккурентных фраз). Ср.: *Без труда <в жизни> ничего не добьешься (не достигнешь); Надеяться (рассчитывать) можно (лучше, нужно и т. д.) только на себя; Нужно (следует) <всегда> уважать старших или Уважай старших; Привыкнуть ко всему можно или Человек ко всему привыкает (может привыкнуть); Само по себе (собой) ничего не делается (не происходит); Чего только не случается или Чего только не бывает <на свете (в этой жизни)>*; англ. *One is never too old to learn; Self-praise is no recommendation; What man has done, man can do*; польск. *Kochać – to szczęście* (N. Żmichowska); *Kto się stara, ten i ma; Rozpusta psuje zdrowie*; бел. *Аднымі словамі нічога не дамагчыся (не змяніць, не зрабіць і г. д.); Вучыцца ўсё жыццё (да самай смерці) можна (трэба); Дарма працаваць нікога не прымусяці (ніхто не будзе); Усіх спраў (ніколі) не пераробіш; Усюды <сам> не паспееш (не патрапіш)* и т. п.

Реккурентными также являются все афористические высказывания так называемого “тавтологического типа”, которые функционируют в речи только в своем прямом значении (хотя и не лишены извест-

<sup>1</sup> Под “рекуррентностью” (англ. *recurrence*) в лингвистическом смысле следует понимать фактическую повторяемость (и, соответственно, встречаемость) знака в речи. Рекуррентность не следует смешивать с воспроизводимостью (англ. *reproducibility*) как основной формой существования единиц языка, в том числе сверхсловных. Подробно см.: *Иванов Е.Е.* К разграничению понятий воспроизводимости и рекуррентности афористических фраз // *Материалы XXXII Междунар. филол. конф.*, 11–15 марта 2003 г. / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2003. Вып. 14: Фразеология. С. 14–23.

<sup>2</sup> *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 532, 595, 734.

<sup>3</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec.* Radom, 1996. S. 91.

ных смысловых коннотаций, детерминированных той или иной конкретной ситуацией их употребления). Ср.: *Жизнь есть жизнь; Правда всегда правда; Чего нельзя, того нельзя* (и антонимичное *Что можно, то можно*); *Что хорошо, то хорошо* (и антонимичное *Что плохо, то плохо*); англ. *To be or not to be* (W. Shakespeare, “Hamlet, Prince of Denmark”, III, 1) в прямом значении как прототип известного крылатого выражения *To be or not to be: that is the question* (которое регулярно ‘used jocularly when an important decision is to be made or a serious step is to be taken’<sup>1</sup>); *Boys will be boys; Money begets money; What must be must be*<sup>2</sup>; польск. *Co będzie, to będzie* (или *Jako będzie, tako będzie*); *Kiedy bal, to bal; Prawo jest zawsze prawem* (⇐ *Złe czy dobre, prawo jest zawsze prawem*<sup>3</sup>); бел. *Грошы ўсюды грошы; Людзі ёсць людзі; Чаго няма, таго няма* (и антонимичное *Што ёсць, тое ёсць*); *Калі не хочацца, дык не хочацца; Што было, тое было; Што праўда то праўда; Што трэба, тое трэба* и т. п.

Рекуррентные афоризмы могут иметь фразеологизированную синтаксическую структуру, которая репрезентирует определенные устойчивые связи и отношения между теми или иными типами реалий и свободно наполняется лексикой в зависимости от контекста или ситуации. Ср.: *Я помню давно учили меня Отец мой и мать: Лечить так лечить, Любить так любить, Гулять так гулять, Стрелять так стрелять... Но утки уже летят высоко – Летать так летать, Я им помашу рукой...* (А. Розенбаум); бел. *А калісьці і я прачынаўся ў бацькавай хаце. Чэрвень. Раніца. Росы і цішыня. На гародзе спявае паціху маці Пра маладога жаўнера, пра гнядога каня. А пад вокнамі мята п’е сонца гарачае, І глядзяць мне у вочы красой нерастрачанай Сінія касачы. <...> Пяць франтоў мяне пылам гарачым абсыпалі, За вайну перамерана тысячы вёрст. З успамінамі крочыў над ветрамі сіплымі І з надзеяй на студзеньскім холадзе мёрз. <...> Прыйдзе час – зноў збудуем мы хаты утульныя, А цяпер – **біць дык біць!** І за слёзы матуліны, І за сінія касачы (П. Панчанка, “сінія касачы”); *Як жыць – дык жыць, а працаваць – дык працаваць* (“Асіповіцкі край”, 2011, № 24) и т. п.*

Рекуррентным афоризмам свойственны только прямая мотивировка как общего значения, так и их отдельных лексических компонентов, а также наличие только продуктивных грамматических форм

<sup>1</sup> Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. Москва, 1984. С. 41.

<sup>2</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 59, 466, 736.

<sup>3</sup> Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: T. I–IV / red. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1969–1978. Prawo 35.

и конструкций, что детерминирует отсутствие какой бы то ни было семантической и/или грамматической уникальности таких афористических фраз, следовательно, и их устойчивости. Именно этим рекуррентные афоризмы существенно отличаются от тех афористических единиц, которые “повторяются” в речи как лексико-грамматические единства, хранящиеся в языковой памяти носителей языка в готовом виде (согласно удачной формулировке А.Д. Рахштейна, “обязательно воспроизводятся” по причине невозможности либо небольшой вероятности их образования заново в том же качестве и в той же форме<sup>1</sup>, т. е., по определению А.И. Смирницкого, повторяются “нарочито”, а не “в силу стечения обстоятельств”<sup>2</sup>). В этой связи следует разграничивать рекуррентные и омонимичные им устойчивые фразы с полностью либо частично переосмысленным значением. Ср.: *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (свободная фраза, которая часто повторяется в речи как бытовая рекомендация) и *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (пословица с переносным значением ‘Порядок в чем-либо надо наводить с верхов’<sup>3</sup>).

Рекуррентным фразам присущ свободный порядок слов (отсутствие любых ограничений сочетаемости компонентов кроме требований нормы, т. е. отсутствие их “устойчивости” по отношению друг к другу). Это позволяет однозначно разграничивать рекуррентные (кроме синтаксически фразеологизированных) и устойчивые фразы (прежде всего пословицы). Ср.: *Всем (каждому) <на свете никогда> не угодить* или *Всем <на свете> невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) угодить* или *Всем (каждому) невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) угодить* или *Каждому (на всех, никому) <никогда> не угодить* или *На всех <на свете никогда> не угодить* или *Невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) всем (каждому) угодить* или *Угодить всем <на свете> невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) или Угодить всем (каждому) невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) – рекуррентные афоризмы; На всех и бог не угодит; На всех (На весь свет) и солнышку не угреть; На всех угодить – себя истомить; На людей угодить – себя уморить; Себя уморишь, а на людей не угодишь (а людей не удивишь) –*

<sup>1</sup> Рахштейн А.Д. Об устойчивых фразах и “готовых” предложениях // Иностранные языки в высшей школе. 1972. Вып. 7. С. 82.

<sup>2</sup> См.: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Москва, 1956. С. 228.

<sup>3</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. Москва, 1991. С. 160.

пословицы<sup>1</sup>. Иногда один из вариантов рекуррентного афоризма начинает употребляться чаще других вариантов, замещает в сознании носителей языка все остальные варианты и становится регулярно воспроизводимым в готовой форме в некоторых стандартных контекстах или ситуациях. Ср.: *На всех не угодишь* (пословица)<sup>2</sup>.

Нереккуррентными, в свою очередь, являются все афористические высказывания, на механизм порождения которых в речи не накладывается никаких внутриязыковых и дискурсивных ограничений кроме требований нормы. Возможное повторение таких афоризмов в индивидуальных актах речи может носить только случайный характер.

Все нереккуррентные афоризмы делятся на два класса по критерию функциональной зависимости vs. независимости от контекста. Последнее проявляется в намеренном создании и/или возможном функционировании того или иного афористического высказывания либо как автономного т е к с т а , либо в виде элемента более широкого текста неафористического характера (как р е п л и к и ).

Афористические единицы, которые производятся в речи как тексты, дифференцируются на два больших класса. Это прежде всего афоризмы – литературные произведения. Ср., например, упоминавшиеся выше *“Oraculo Manual, у Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian”* Б. Грасиана, *“Reflexions ou sentences et maximes morales”* Ф. де Ларошфуко, *“Pensées”* Б. Паскаля, *“Aphorismen”* Г.К.Лихтенберга, *“Introduction a la connaissance de l’esprit humain”* и *“Fragments и Reflexions et maximes”* Л. де К. Вовенарга, *“Produits de la Civilisation perfectionnée. Maximes et pensées. Caractères et Anecdotes”* Н.-С. де Шамфора, *“Плоды раздумья: Мысли и афоризмы”* К. Прутков, *“Круг чтения”* и *“На каждый день”* Л. Толстого, *“Die Sprüche und die Widersprüche”* и *“Die Literatur und die Lüge”* К. Крауса, *“Rhumbs”* и *“Les Autres Rhumbs”* П. Валери, *“Total de Greguerias”* Р. Гомеса де ла Серна, *“Myšli nieuczczesane”* С.Е. Леца, *“Minima Moralia. Reflexiones aus dem beschädigten Leben”* Т. Адорно, *“Отрывки из ненаписанного”* Э. Кроткого, а также *“Post Scriptum”* А. Глобуса и др.

Второй класс афоризмов – это тексты массовой коммуникации общественно-политического, социально-культурно-

<sup>1</sup> См.: Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: в 2 т. Москва, 1984.

<sup>2</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002.

го и/или бытового предназначения (девизы, лозунги, призывы и т. п. в эпиграфической форме, надписи рекомендационного или регламентационного содержания, рекламные тексты и др.). Ср.: *Проверяйте деньги не отходя от кассы* (широко распространенное напоминание в эпиграфической форме в магазинах, банках и т. п.); *Let's make things better!* (реклама электробытовых изделий фирмы "Philips" в 1990-х гг.); польск. *Na plakacie "Uczycie się pływać!" dopisałem jako dziecko kredą: "Po co? Panta rei!"* (S.E. Lec, "Myśli nieuczesane"); бел. *Подзвігу народа жыць у вяках!* (слова, высеченные на гранитных плитах у подножия монумента Победы в Великой Отечественной войне на площади Победы в Минске); *Па газонах не хадзіць!* (обычная запретительная надпись в парках, скверах и т. п.) и под.

### § 3. Индивидуально-речевые и общеязыковые афоризмы

Все прецедентные афористические единицы (воспроизводимые в речи в "готовом" виде) по степени своей распространенности в речи делятся на два класса – индивидуально-речевые и общеязыковые.

К индивидуально-речевым афоризмам обычно относят те единицы, употребление которых в речи по разным причинам ограничено и которые не являются достоянием всех носителей данного языка на данном этапе его исторического развития. Иначе говоря, такие афоризмы, как это принято считать, не обладают "массовой воспроизводимостью", поскольку, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, "не выходят за пределы местного бытования или даже остаются достоянием отдельных лиц", в отличие от тех афоризмов, которые "известны повсеместно и активно употребляются в речи, получая тем самым право называться элементами общенародного языка"<sup>1</sup>.

При таком подходе является очевидной недостаточность, во-первых, противопоставления общеязыковых и индивидуально-речевых афоризмов (как, соответственно, единиц языка и единиц речи) только на основании оппозиции массовый vs. не массовый характер их воспроизводимости, а во-вторых, определения данной оппозиции, ис-

<sup>1</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 73.

ходя только из известности или неизвестности некоторого количества афоризмов “всем носителям языка”<sup>1</sup>.

Определение объема общеупотребимых (общеизвестных) афоризмов в русском языке в количестве от 300 до 1500 единиц, а значит и состава массово воспроизводимых афористических единиц, которые на этом основании принято считать элементами общенародного языка, базируется на данных известного “паремиологического эксперимента” Г.Л. Пермякова, проведенного в начале 1970-х гг., целью выявить “паремиологический минимум” русского языка – минимальный состав пословиц, поговорок и других устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка<sup>2</sup>. В итоге объем “паремиологического минимума” русского языка составил около 500 единиц<sup>3</sup>. Несмотря на свою методологическую оригинальность “паремиологический эксперимент” Г.Л. Пермякова имеет существенные погрешности, которые не позволяют считать его результаты объективными и распространять на весь паремиологический фонд русского языка. Так, многим общеизвестным и широко распространенным русским пословицам не нашлось места в составе русского паремиологического минимума, выявленного в результате эксперимента (ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Кошке игрушки, а мышке слезки; Не зная броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; По Сеньке и шапка* и т. п.). В то же время в паремиологический минимум Г.Л. Пермяковым был включен ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому носителю русского языка выражений (ср.: *<Во всем> виноват стрелочник; Из искры – пламя; Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить; Не было ни гроша, да вдруг алтын; Нет розы без шипов или Розы без шипов не бывает; Сядем рядком да поговорим ладком* и т. п.)<sup>4</sup>.

Кроме этого сама по себе общенародная известность того или иного афоризма вовсе не обязательно детерминирует его “активное

<sup>1</sup> *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 73.

<sup>2</sup> *Пермяков Г.Л.* Паремиологический эксперимент: материалы для паремиологического минимума: 1500 русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. Москва, 1971.

<sup>3</sup> *Пермяков Г.Л.* К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) // *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 154–166.

<sup>4</sup> Более подробно см.: *Иванов Е.Е.* Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // *Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира*. Москва, 2015. С. 48–66.

употребление в речи”, а следовательно и его “массовую воспроизводимость”. Например, известный всем жителям СССР лозунг *Вся власть Советам!* еще в начале 1940-е гг. утратил свою речевую актуальность как символа новой жизни, характерную для первых лет социалистической революции, а к концу 1980-х гг., в последнее десятилетие существования СССР практически вышел из активного употребления, хотя не утратил и по сей день широкой известности, в частности, в среде тех, кто родился в 1990-х гг., благодаря упоминанию в школьных учебниках по учебной дисциплине “История Отечества” в российских общеобразовательных школах.

Массовая воспроизводимость того или иного афоризма также вовсе не обязательно предусматривает его общенародную известность (каждому владеющему данным языком как родным), хотя естественно предполагает его функционирование в речи широкого круга носителей языка. В свою очередь, активное употребление в речи того или иного прецедентного афоризма не является облигаторным показателем массового характера его воспроизводимости, поскольку не детерминируется его общеизвестностью. Поэтому такую характеристику афористических единиц, как “массовая воспроизводимость”, было бы не совсем верно объяснять (вопреки Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову) только их “повсеместной известностью (всем носителям языка)” и “активностью в употреблении” без уточнения, как именно следует понимать оба данных лингвистических явления в их взаимосвязи и взаимодействии.

Наибольшие же сомнения вызывает ограничение афористического фонда языка только тем “малым числом пословиц и крылатых слов”, которые “всем известны и всеми употребляются в речи”<sup>1</sup> и имеют “право называться элементами общенародного языка”, в противопоставление единицам, которые “не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц”, и поэтому квалифицируются как “не более чем фольклорный и литературный материал”<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 6.

<sup>2</sup> Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 73.

Во-первых, в данном случае некорректно разграничиваются объекты изучения лингвистики, фольклористики и теории литературы, поскольку безусловно все пословицы безотносительно степени их известности и распространенности изучаются в фольклористике (точнее, в специальном ее разделе – паремииологии), а все без исключения крылатые выражения – могут рассматриваться в теории литературы. В то же время пословицам “местного бытования” нельзя отказывать в принадлежности к элементам общенародного языка так же, как нельзя отказывать в принадлежности к общенародному языку диалектной лексике и фразеологии только на том основании, что они “не выходят за пределы” употребления в той или иной местности и неизвестны всем носителям языка.

Во-вторых, если признавать “элементами общенародного языка” только общеупотребительные афоризмы, тогда понятие “общенародный язык” суживается до его литературной формы, поскольку известными “всем носителям языка” могут быть единицы лишь литературного языка в силу его общеобязательности как одного из дифференциальных признаков. Формами же существования общенародного языка, как известно, помимо кодифицированного и некодифицированного вариантов литературного языка (функциональных стилей и устной разговорной речи) являются и его территориальные и социальные разновидности (диалект и социолект). Поэтому нет оснований не рассматривать диалектную и социолектную афористику в отрыве от общенародного языка и, тем более, за пределами лингвистики (что уже отразилось в лексикографической практике при описании диалектных пословиц<sup>1</sup> и включении социолектных пословиц и крылатых выражений в словарь языковых субстандартов<sup>2</sup>).

<sup>1</sup> Например, ср.: Словарь псковских пословиц и поговорок: 13 000 единиц / сост.: В.М. Мокшенко, Т.Г. Никитина. Санкт-Петербург, 2001; *Ленецаў І.Я.* Прыказкі // *Ленецаў І.Я.* 3 народнай фразеалогіі: дыферэнцыяльны слоўнік. Мінск, 1991. С. 99–109 и др.

<sup>2</sup> Ср.: Арго русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению. Vermont, 1986; *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: материалы к словарю. Санкт-Петербург – Париж, 1992; Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-благотной среде // Словарь тюремно-лагерно-благотной жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992. С. 334–341; *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: словарь разговорных выражений. Москва, 1994; *McLovsky T., Klyne M., Chichouplov A.* Slang encyclopedia of Moscow tusovka. London, 1997 (русский перевод см.: *Макловски Т., Клайн Москва, Щуплов А.* Жаргон-энциклопедия московской тусовки. Москва, 1997); *McLovsky T., Klyne M., Chichouplov A.* Slang encyclopedia of sez tusovka. London, 1999 (русский перевод см.: *Макловски Т., Клайн Москва, Щуплов А.* Жаргон-энциклопедия сексуальной тусовки для детей от 8 месяцев до 18 лет (ЖЭСТ-1) и от 18 до 80 лет и дальше (ЖЭСТ-2). Москва, 1999) и др.

Таким образом, к общеязыковым афоризмам следует относить все воспроизводимые (в синхронии или диахронии) афористические единицы, если характер их функционирования не имеет индивидуально-речевой природы. Это прежде всего все пословицы безотносительно степени их известности и распространенности, в том числе и диалектные, жаргонные, сленговые и т. д. Ср.: *Вор – раб судьбы, но не лакей закона* (афоризм в русском воровском аргю); *Закон – тайга, прокурор – медведь* (пословица в русском тюремно-лагерно-блатном жаргоне в значении ‘Миром правит сила и произвол’)<sup>1</sup>; *<А> одним судьба – карамелька, <а> другим судьба – одни муки* (афоризм в аргю “митьков” и их последователей)<sup>2</sup>; *Кто по городу не ходит, тот четыре кона водит* (устойчивый афоризм в детской речи, который обычно говорится при игре в прятки тому, кто водит, но не отходит далеко в поиске спрятавшихся игроков<sup>3</sup>); *Лучше журавль в небе, чем утка под кроватью* (шутливая переделка известной пословицы *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, употребляемая в речи медиков); англ. *Sticks and stones may break my bones, but words will never hurt me* (пословица, возникшая еще в XIX веке, функционирует с тех пор главным образом в детской речи)<sup>4</sup>; польск. *Przez żołądek do serca* (пословица, употребляемая преимущественно в женской речи, как практический совет ‘Нужно хорошо кормить мужчину, чтобы он всегда любил свою женщину’, ср. аналогичное рус. *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*, англ. *The way to a man's heart is through his stomach*); бел. *Ваўка катом не страішаць* (пословица в значении ‘Нет оснований бояться того, кто не страшен’ употребляется в Щучинских говорах Беларуси); *Каму што, а бабе яйцы* (пословица со значением ‘Кого что больше всего волнует, тот про то и говорит’ употребляется в Дубровенских говорах Беларуси)<sup>5</sup> и т. п.

Общеязыковыми афоризмами также являются как некогда широко известные (т. е. устаревшие), так и новые пословицы, крылатые единицы и иные устойчивые в речи афористические фразы. Ср.: *Что ж песни петь бросили? Давайте гуляйте, гулять дело доброе, нынче-то*

<sup>1</sup> Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-блатной среде // *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона* (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост.: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992. С. 335, 336.

<sup>2</sup> Митьки. Выбранное. Санкт-Петербург, 1999. С. 16.

<sup>3</sup> *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: словарь разговорных выражений. Москва, 1994. С. 80–81.

<sup>4</sup> *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 615.

<sup>5</sup> *Лепешаў І.Я.* Прыказкі // *Лепешаў І.Я.* З народнай фразеалогіі: дыферэнцыяльны слоўнік. Мінск, 1991. С. 102, 104–105.

живы, а чего завтра будет – кому ведомо? **Разбойник – живой покойник** (Ю. Герман, “Россия молодая”) ⇐ **Разбойник – живой покойник** (устаревшая поговорка)<sup>1</sup>; В литературной среде прошлого века исключительной популярностью пользовался также другой образ поэзии Батюшкова – строки из стихотворения “Счастливец” (1810): **Сердце наше – кладезь мрачный: Тих, спокоен сверху вид, Но спустишь ко дну... ужасно! Крокодил на нем лежит!** (С. Коваленко, “Крылатые строки русской поэзии”); **Без кайфа нет лайфа** (широко распространенное в современной устной речи новообразование 1970-х гг., *кайф* ‘праздность, отдых’, *лайф* < англ. *life* ‘жизнь’); **Хотели как лучше, а вышло как всегда** (ставшее весьма быстро популярным в русском языке крылатое выражение, восходящее к фразе “Мы хотели как лучше, а вышло как всегда...” бывшего премьер-министра России В.С. Черномырдина из телевизионного интервью по поводу обмена денежных купюр в августе 1993 г.)<sup>3</sup> и т. п.

Все такого рода афоризмы представляют собой языковые клише и входят наряду со словами и фразеологизмами в состав номинативных единиц языка.

Нерегулярно цитируемые в речи беспрецедентные афористические высказывания (преимущественно публичных особ), а также прецедентные афоризмы в рамках идиолекта их же автора (как разновидность своего рода “идиолектных клише”) следует относить к индивидуально-речевым афоризмам. Ср.: **Лесной надзиратель <...> в этот час сидел над старинными книгами. <...> Его отец-лесничий оставил ему библиотеку из дешевых книг самых последних, нечитаемых и забытых сочинителей. Он говорил сыну, что решающие жизнь истины существуют тайно в заброшенных книгах** (А. Платонов, “Чевенгур”); **Ничто нас в жизни не может Вышибить из седла, – Такая поговорка У майора была** (К. Симонов, “Сын артиллериста”); **польск. *W maksymie etycznej Kanta, że człowiek człowiekowi może być***

<sup>1</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 273.

<sup>2</sup> Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: словарь разговорных выражений. Москва, 1994. С. 19.

<sup>3</sup> Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. Москва, 1997. С. 393. Следует заметить, что авторство В.С. Черномырдина здесь весьма сомнительно (вопреки распространенному мнению). Скорее всего, он лишь повторил перед широкой аудиторией остроумное выражение, которое и до того было широко известно в политических кругах и которое молва приписывает известному польскому политику эпохи социализма Эдварду Гереку (1912–2001), см.: Зозуля В. Умер автор знаменитой фразы: “Хотели как лучше...” // “Комсомольская правда”, 2001. № 136. С. 3.

*tylko celem, leży podwalina metodologii nauk społecznych* (S. Brzozowski)<sup>1</sup>; бел. *Унас сёння дзень не прапаў дарма, бо ў гэты дзень мы многа смяяліся, – заўважыў Лабановіч. – Ніціз вуснамі свайго Заратустры казаў: “Той дзень, калі вы не смеяцеся, прападае для вас”* (Я. Колас, “На ростанях”) и т. п.

Общеязыковых афоризмов, безусловно, значительно меньше, чем индивидуально-речевых, их объем можно достаточно точно определить экспериментальным путем. Минимальное число афористических пословиц, крылатых единиц и иных устойчивых фраз на уровне идиолекта составляет, по мнению Г.Л. Пермякова, от 20 до 50 единиц<sup>2</sup>. “Паремиологический минимум” имеет различный объем в разных языках (например, в русском языке не менее 300<sup>3</sup> и не более 500<sup>4</sup> единиц). Максимальное количество широко употребительных афористических единиц также различается в разных языках (например, в современном русском литературном языке от 6000 до 7000 единиц<sup>5</sup>). Объем паремиологического фонда языка может составлять несколько десятков тысяч единиц (например, в состав пословиц русского языка входит около 70 тысяч единиц<sup>6</sup>).

#### § 4. Крылатые афоризмы и афористические паремии

Все общеязыковые афоризмы по признаку наличие vs. отсутствие локальной ассоциации с их конкретным автором или определенным литературным, историческим или иным источником их происхожде-

<sup>1</sup> *Brzozowski S. Aforizmy / wyb. A. Mencwel. Warszawa, 1979. S. 67.*

<sup>2</sup> *Пермяков Г.Л. Разрозненные заметки // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 209.*

<sup>3</sup> См.: *Permyjakow G.L. 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten: Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende = 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок: для говорящих на немецком языке. Москва; Leipzig, 1985; Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: для говорящих на болгарском языке. Москва; София, 1986.*

<sup>4</sup> *Пермяков Г.Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988. С. 154–166.*

<sup>5</sup> *Иванов Е.Е. К проблеме создания словаря афористических единиц русского языка // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992. С. 184–187.*

<sup>6</sup> См.: *В.М. Мокшенико, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. Москва, 2010.*

ния подразделяются на два класса единиц: крылатые афоризмы и афоризмы-паремии (или афористические паремии).

Крылатые афоризмы – это изречения, которые приобрели широкое распространение в речи подобно пословицам, но в отличие от них обязательно соотносятся в сознании носителей языка с их автором и/или с литературным или иным текстом, к которому они восходят. Следует отметить, что такого рода ассоциация не обязательно должна быть точной, вполне достаточно, чтобы данное выражение ассоциировалось в сознании носителей языка вообще с литературой и/или с индивидуально-авторским происхождением. Часто такая ассоциация поддерживается (а в некоторых случаях обусловлена) оригинальностью содержания и/или стилистической выразительностью крылатого афоризма. Утрата такой ассоциации, которая является частью фоновой семантики крылатых афоризмов детерминирует их переход в разряд пословиц (а крылатых выражений не афористической семантики – в разряд фразеологизмов) безотносительно того, остается известным (как правило, специалистам) источник их происхождения или нет. Ср.: *Друзья познаются в беде* ⇐ лат. *Amicus certus in re incerta cernitur* (Ennius, “Hecuba”, 210); англ. *A rich man's joke is always funny* ⇐ *Money is honey, my little sonny, And a rich man's joke is always funny* (Т.Е. Brown, “Money is honey...”)¹; польск. *Z niczego nic nie będzie*² ⇐ лат. *Ex nihilo nihil fit* (Lucretius); бел. *Усяму свой час* ⇐ *Усяму свой час, и час кожнай рэчы пад небам* (Еклезіаст, 3, 1) и т. п.³

К крылатым выражениям следует относить не только общеизвестные и широко распространенные в речи высказывания исторических деятелей (в том числе и на основе сведений анекдотического характера) или цитаты из художественных и публицистических произведений, но также и фразы из текстов популярных песен и кино-, теле- или мультипликационных фильмов, рекламных и иных текстов массовой коммуникации, изречения тех лиц, которые стали известными благодаря популярности высказанному ими изречения, фразы из фольклорных произведений неафористического характера и т. д. Ср.: *Женщина – друг человека; За чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники; Куй железо, не отходя*

¹ *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 585.*

² *Mała księga przysłów polskich / pod red. S. Nyczajza. Radom, 1996. S. 133.*

³ Примечательно, что иногда и сами лингвисты игнорируют “крылатое” прошлое пословиц, которые восходят к литературным текстам. Например, в толковом словаре белорусских пословиц И.Я. Лепешева и М.А. Яколщевич, где последовательно приводятся “сведения историко-этимологического характера”, отсутствует ссылка на библейское происхождение известного выражения бел. *Усяму свой час* (Лепешаў І.Я., Яколщэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск, 1996. С. 205–206).

от кассы; Нет такого мужа, который хоть на час не мечтал бы стать холостяком; Шампанское по утрам пьют или аристократы или дегенераты и т. д. (крылатые фразы из популярнейшей российской кинокомедии Л. Гайдая “Бриллиантовая рука”<sup>1</sup>); Только б не было войны (ходячая фраза середины XX века, ставшая особенно популярной вместе с появлением широко известной частушки: С неба звездочка упала, Прямо милому в штаны. Хоть бы все там разорвало – Только б не было войны!);<sup>2</sup> англ. *If anything can go wrong, it will* (формулировка “закона Мёрфи”, авторство которого принадлежит, по одним источникам, легендарной личности<sup>3</sup>, а по другим, реальному человеку – сотруднику калифорнийского авиаконструкторского бюро Е.А. Murphy jr. <sup>4</sup>); *What you see is what you get* (F. Wilson) – рекламный принцип розничной торговли в США (часто употребляемый в сокращенной форме: WYSIWYG)<sup>5</sup>; польск. *Sprawiedliwość waszą sądzić będą* (надпись на стене зала судебных заседаний старопольского трибунала)<sup>6</sup>; бел. *Бывайце здаровы, жывіце багата* – строки из очень популярной на Беларуси песни “Бывайце здаровы” на стихи А. Русака (1936); *Кожны чалавек – гэта цэлы свет* – цитата из романа К. Чорнага “Пошукі будучыні” (1943) и т. п.

П о с л о в и ц ы – это устойчивые выражения, в которых обобщается социально значимый практический и теоретический опыт и/или оценка социально значимых явлений действительности и которые имеют либо только прямое значение, либо только переносную (образную) мотивировку общего значения, либо одновременно и переносный, и прямой смысл. Ср.: *Бедность не порок; Деньги дело наживное; Муж любит жену здоровую, в брат сестру богатую; Волков бояться – в лес не ходить* (“Если страшиться предстоящих трудностей, опасностей, то нечего и братья за дело”); *Ворон ворону глаз не выклюет* (только в переносном значении ‘Люди, связанные какими-либо общими интересами, не предадут друг друга, действуют заодно’); англ. *A good husband makes a good wife; Easier said than done; Tastes differ; Give a dog*

<sup>1</sup> Елистратов В.С. Словарь крылатых слов: русский кинематограф. Москва, 1999. С. 47, 50, 64, 82, 138.

<sup>2</sup> Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. Москва, 1997. С. 427.

<sup>3</sup> Morris W., Morris M. Dictionary of World and Phrase Origins. New York, 1977.

<sup>4</sup> Душенко К.В. Словарь современных цитат. С. 455.

<sup>5</sup> Rows B. The book of Quotes. New York, 1979.

<sup>6</sup> Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 163.

<sup>7</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 71, 73.

*a bad name and hang him* (только в аллегорическом смысле ‘Какими бы лживыми ни казались обвинения, они могут разрушить репутацию человека, т. е. лишить его возможности восстановить свое доброе имя’); *Stretch your legs according to your coverlet* (‘Старайтесь приспособиться к обстоятельствам и всегда жить по средствам’<sup>1</sup>); польск. *I rozumni czasem błądzi; Kara na jednego, strach na wszystkich; Na wszystko jest sposób; Do czasu wilk owce dusi* (‘Все имеет свой конец, всякая вина будет наказана’); *Nie kładź palca między drzwiami* (‘Не подвергай себя опасности’); бел. *Зуба не загу́ба; Не ўздыхай, чаго няма, то няхай; Як дбаеш, так і маеш; Вялікаму каню – вялікі хамут* (‘На человека с большими способностями и возможностями возлагаются и значительные обязанности’<sup>2</sup>); *Галодны галоднаму спагадае, а як наеўся – вочы заплюшчыў* (‘Человек с пониманием относится к проблемам других людей, пока находится с ними в одинаковом положении’<sup>3</sup>) и т. п.

## § 5. Идиоматические и неидиоматические афоризмы

Все афористические пословицы по признаку мотивированность vs. немотивированность своего значения можно разделить на две группы единиц – афоризмы-и-диомы и афоризмы-неидиомы. Последним свойственно наличие как переносного, так и прямого значения. Ср.: бел. [Валодзя:] – *Спакойнай ночы, Валёк! Ты ўжо даруй мне...* [Надзя:] – *Пабяжы на калені стань ды перапрасі.* [Валодзя:] – *А ты ўжо і прыраўнавала.* [Надзя:] – *Глядзі, за двума зайцамі пагонішся, ніводнага не зловіш* (К. Крапіва, “Зацікаўленая асоба”) и *Адзін паляўнічы хваліўся сябру, што яго сабака найразумнейшы за ўсіх сабак. Сябар усумніўся. Але аднойчы, у час палявання, у іх з-пад ног выскачыла пара шаракоў. Сабака глянуў на іх і не зрушыў з месца. – Ага, бачыш? – зарагатаў ічасліва ўзрушаны гаспадар сабакі. – Разумны, шэльма! Ведае, што за двума зайцамі пагонішся, дык ні аднаго не зловіш* (Беларускі народны жарт).

Под афоризмами-идиомами понимаются афористические пословицы, которые либо не имеют буквального значения (т. е. при попытке

<sup>1</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 230, 623.*

<sup>2</sup> *Лепешаў І.Я., Якаўцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск, 1996. С. 49.*

<sup>3</sup> *Іваноў Я.Я. і інш. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраізнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997. С. 57.*

их синтаксического членения преобразовываются в свободные предложения тождественного лексического состава и естественно утрачивают значение обобщения), либо вообще утратили свою внутреннюю форму. Ср.: *Год прожил, так и рог нажил, другой проживешь – и второй наживешь* (в значении ‘С годами человек умнеет’); англ. *Let not your wits go wool-gathering* (в значении ‘Не позволяйте себе разбрасываться, обдумывайте то, что собираетесь сделать’); польск. *Każdy ma swego mola, co go gryzie* (в значении ‘Всякого волнует что-то свое, каждый имеет свои проблемы’); бел. *Папраў казе хвост* (в значении ‘Не вмешивайся не в свое дело’) и т. п.

Афористические пословицы способны утрачивать мотивированность своего значения не только посредством исторически обусловленного исчезновения тех реалий, которые были положены в основу образного обобщения действительности, но и в результате определенных узуальных трансформаций в речи своей внешней формы. Последнее обычно наблюдается при сокращении той части пословицы, которая содержала, по известному определению А.А. Потебни, “след своего происхождения от образа”<sup>2</sup>. Ср.: **Голодъ не тютка, пирожка не подсунетъ**<sup>3</sup> или *Голод не тетка, брюхо не лукошко* или *Голод не тетка, душа не сосед (не уйдешь)*<sup>4</sup> (устаревшие формы) и *Голод не тетка* (современная форма<sup>5</sup>); англ. *A cat may look at a king* и *A cat may look at a King And surely I may look at an ugly thing* (присказка из “Mother Goose’s rhymes” в значении ‘Если кошке дозволено глядеть на короля, то и я имею право поинтересоваться тем, что ты делаешь’); *Red sky at night* и *Red sky at night, shepherd’s delight: Red sky in the morning, shepherd’s warning* (прогнозная примета, уходящая своими корнями в XVI столетие)<sup>6</sup>; польск. *Znac pana po cholewach* и *Poznac pana po cholewach, póki nie dziurawe* (также ср. *Poznac pana po cholewach, a czło-*

<sup>1</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 396.

<sup>2</sup> Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка [1892] // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва, 1990. С. 98.

<sup>3</sup> Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал и приготовил къ печати П. Симони. Санкт-Петербург, 1899. Вып. 1 (I–II). С. 91.

<sup>4</sup> Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: в 2 т. Москва, 1984. Т. 2. С. 251–252.

<sup>5</sup> Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. Москва, 2002. С. 87. Упоминание В.П. Жуковым второй части пословицы ... *пирожка не подсунет* как фактультативной является, видимо, данью авторитетам П.К. Симони и В.И. Даля, поскольку функционирование в современном русском языке полной формы данной пословицы не подтверждено в словаре ни в одной из 10 иллюстративных цитат (в том числе и из текстов XVIII века).

<sup>6</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 73, 581.

wieka po stroju i po jego kroju; Poznać pana po cholewach, a po piórach ptaka или Znać pana po cholewach jak ptaka po pierzach)<sup>1</sup>; бел. Прыйдзе коза да воза<sup>2</sup> и Прыйдзе коза да воза, ды не будзе сена (или Прыйдзе коза да воза, прасіць аброку, дастане кіем на боку; Прыйдзе коза да воза, напросіць сена, а мы ёй пугі дамо)<sup>3</sup> и т. п.

Необходимо заметить, что утрата (семантическая деактуализация) прямого значения обобщения действительности довольно редкое явление для устойчивых афоризмов. Это обуславливает их идиоматизацию – т. е. возникновение уникальной семантической связи между компонентами афористической пословицы, что детерминирует нечленимость ее общего значения. А это, в свою очередь, является предпосылкой для перехода пословиц в разряд фразеологических единиц языка без каких бы то ни было (либо минимумом) трансформаций поверхностной синтаксической структуры (как правило, с образованием межуровневой омонимии между лексико-фразеологическим уровнем языка и синтаксическим уровнем, к которому принадлежат пословицы). Ср.: *Не бей лежачего* (пословица в значении ‘Человека, попавшего в беду или пострадавшего от какой-либо неприятности, следует щадить, жалеть’) и *не бей лежачего* (фразеологизм со значением *кто* ‘ленивый, безответственный’ или *что* ‘легкая, не тяжелая (обычно о какой-либо работе)’<sup>4</sup>); польск. *Szukaj wiatru w polu* (пословица<sup>5</sup> в значении ‘Не ищи ничего там, где ничего найти невозможно’) и *szukaj wiatru w polu* (фразама<sup>6</sup> со значением ‘нет, не найти чего-либо; пропало что-либо и т. п.’); бел. *Што ўбіў, тое ўехаў* (пословица в значении ‘Как хлестнешь коня, так он и потащит’<sup>7</sup>) и *што ўбіў то ўехаў* (фразама со значением ‘беззаботный, склонный к ленисти, такой, который только под принуждением делает что-нибудь’<sup>8</sup>) и т. п.

<sup>1</sup> Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: T. I–IV / Red. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1969–1978. Pan 378.

<sup>2</sup> *Ляноў Я.Я. і інш.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997. С. 125.

<sup>3</sup> *Ленешаў І.А.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981. С. 115.

<sup>4</sup> *Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия.* Москва, 1995. С. 160.

<sup>5</sup> Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Wiatr 31.

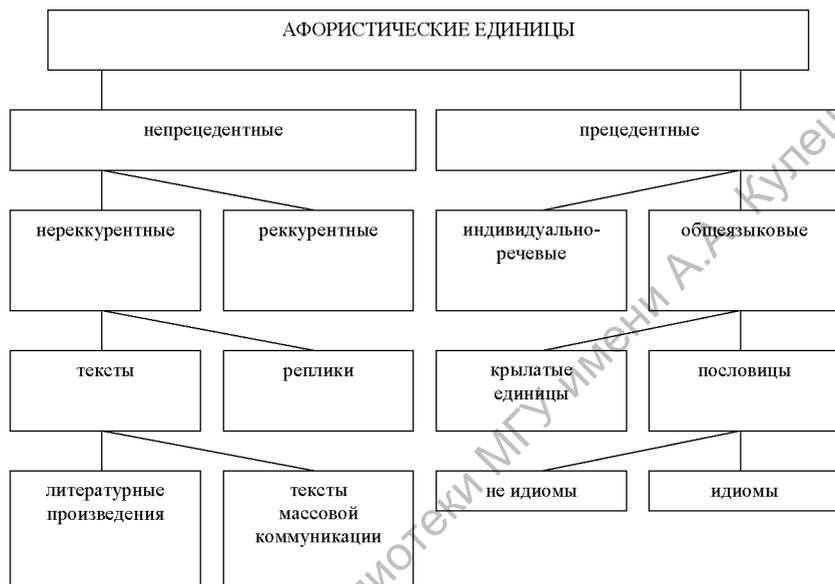
<sup>6</sup> *Spirydowicz O.* Rosyjsko-polski słownik idiomów. Warszawa, 1988. S. 178.

<sup>7</sup> *Шкраба Р., Шкраба І.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1987. С. 273–274.

<sup>8</sup> *Ленешаў І.А.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: в 2 т. Мінск, 1993. Т. 2. С. 472.

## § 6. Функциональная динамика основных классов афоризмов

Классификацию афористического материала языка и речи можно представить в следующей дихотомической схеме.



Данная классификация не является жестко детерминированной и однозначной. В динамике своего функционирования афоризмы могут естественно утрачивать старые и приобретать новые дифференциальные характеристики. Например, рекуррентные афоризмы, которые приобрели авторитетность (или особенный смысл) в устах известного исторического лица или в составе популярного литературного произведения, повторяются уже как чьи-либо слова (т. е. авторизируются) и воспроизводятся в речи уже как прецедентные тексты (индивидуально-речевые цитаты). Те из них, которые стали общеизвестными, употребляются в речи уже как крылатые, а, в случае утраты устойчивой ассоциации в сознании носителей языка с источником своей авторитетности или переосмысленности (который в свое время воспринимался в качестве «источника происхождения»), уже и как пословицы.

Например, крылатый афоризм бел. *Кроў за кроў, смерць за смерць* восходит к древним формулировкам так называемых «законов талиона» (от лат. *talio* ‘возмездие, равное по силе преступлению’) – принци-

пов наказания, сложившихся в родо-племенном обществе и воспринятых рабовладельческим правом, ср.: *Пералом за пералом, вока за вока, зуб за зуб; як ён зрабіў шкодзіну на целе чалавека, так і яму трэба зрабіць* (*Лявіт 24, 20*). Каждая часть этого афоризма, как и большинство формулировок законов обычного права, издавна функционирует отдельно. В частности, первая часть афоризма *кроў за кроў* фиксируется во фразеологических словарях белорусского языка<sup>1</sup>. В годы Великой Отечественной войны это изречение было употреблено в обращении участников Всеславянского митинга в Москве “Братьям угнетенным славянам” (опубликованного 12 августа 1941 г.), а затем, повторенное в лозунгах ЦК ВКП(б) к XXIV годовщине Октябрьской революции (опубликованных 31 октября 1941 г.)<sup>2</sup>, приобрело огромную популярность в качестве выражения всенародного справедливого возмездия немецко-фашистским оккупантам, как призыв к святой мести врагу за все его злодеяния. Этими словами заканчивалась знаменитая “Присяга белорусских партизан”, с которой как источником своего происхождения обычно и ассоциируется в белорусском языке данный афоризм<sup>3</sup>. Однако в последнее время локальная ассоциация этого афоризма с указанными источниками, давшими ему “вторую” (крылатую) жизнь, все более ослабевает, что дает основания иногда квалифицировать его уже как пословицу<sup>4</sup>.

Непреcedентные нереккурентные афористические единицы могут широко цитироваться в речи, становиться общеизвестными и начинать воспроизводиться как крылатые или, с утратой локальной ассоциации с источником своего происхождения, как пословицы. Пословицы, в свою очередь, с выходом из широко употребления, утрачивают присущие им свойства языковых знаков, а при отсутствии их функционирования в письменной речи могут рассматриваться только как памятники устного народного творчества (диахронический анализ устаревших пословиц как единиц языка репрезентативен только по отношению к их лексической и грамматической структуре и, как правило, субъективен в семантическом плане).

<sup>1</sup> *Лепешаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: в 2 т. Минск, 1993. Т. 1. С. 534.

<sup>2</sup> *Душенко К.В.* Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. Москва, 1997. С. 435.

<sup>3</sup> *Іванюў Я.Я. і інш.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997. С. 86–88.

<sup>4</sup> *Шкраба І.Р., Шкраба Р.В.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Минск, 1987. С. 122.

Афористические единицы помимо того, что относятся к предмету афористики как отдельной лингвистической дисциплины, являются также объектом изучения и других филологических дисциплин. Так, афоризмы как литературные произведения и как крылатые единицы, исследуются в теории литературы, афористические пословицы изучаются в паремиологии, афоризмы-идиомы исследуются в терминах фразеологии и т. д. В рамках каждой из этих дисциплин афоризмы также представляют собой весьма неоднородные совокупности единиц, дальнейшая классификация которых требует иных критериев, репрезентирующих уже не общие, а частные структурные и/или функциональные особенности афористических единиц.

### ***Контрольные вопросы и задания***

- 1. На каких критериях должна основываться систематизация афористического материала языка и речи?*
- 2. В чем различие прецедентных и непрецедентных афоризмов?*
- 3. Какие афоризмы называются рекуррентными?*
- 4. В чем заключается отличие рекуррентных афоризмов и пословиц с прямой мотивировкой общего значения?*
- 5. На какие классы единиц дифференцируются нереккуррентные афоризмы?*
- 6. В чем заключается отличие индивидуально-речевых от языковых афоризмов?*
- 7. Какие афоризмы являются общезыковыми?*
- 8. На какие классы единиц дифференцируются языковые афоризмы?*
- 9. Охарактеризуйте основные свойства крылатых афоризмов.*
- 10. Дайте определение афоризмов-пословиц.*
- 11. Какие афоризмы называются идиоматическими?*
- 12. Приведите примеры межуровневой омонимии афористических и фразеологических единиц.*
- 13. Перечислите основные классы афористических единиц.*
- 14. Приведите примеры функциональной динамики основных классов афоризмов.*

## СЕМАНТИКА АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Семантической особенностью афористических единиц в отличие от неафористических высказываний является то, что в афоризмах те или иные связи между предметами, явлениями, процессами действительности и/или определенные свойства последних выражаются в обобщенной форме. Поскольку в афоризмах сообщается не о конкретных предметах, явлениях и процессах действительности, а о них как о целых классах объектов (что детерминирует нереферентность лексических компонентов, входящих в состав афористических высказываний), поэтому и свойства этих классов, и связи между ними могут иметь только общий характер. Это, в свою очередь, предполагает их существенность и повторяемость (регулярность проявления), т. е. закономерность этих свойств и связей. Значит, в афоризмах формулируются закономерности связей между не единичными реалиями и/или их свойствами (т. е. закономерности действительности), существующие как объективно, так и только в воображении носителей языка (в одном из возможных миров).

Следует заметить, что такой трактовке афористической семантики не противоречит то, что многие афоризмы, особенно из числа пословиц, имеют переносную мотивировку общего значения, в том числе с нередко утраченной (или с непрозрачной для носителей языка) внутренней формой. Правда, можно возразить, что поскольку образное содержание пословиц всегда опирается на какой-то частный случай, их обобщающее значение имеет лишь функциональную природу. На это в свое время обратил внимание А.А. Потебня, полемизируя с Г.Э. Лессингом о генезисе басни и ее морали.

По утверждению Г.Э. Лессинга, в пересказе А.А. Потебни, “сначала существует в мысли общее нравственное утверждение, например, что *Лесть – вредна*, или *Сильный пожирает слабого*, а затем уже к этим общим положениям нами придумывается – к первому – басня о Вороне и Лисице, ко второму – что такой-то зверь съел такую-то птицу или зверя, а сам, в свою очередь, был съеден другим зверем и пр. Говоря так, выходит, как будто сначала существует общее положение, которое потом низводится к частному случаю, или, как выражаются французские теоретики (De la Motte, Richer), переряживается в иносказание, скрывается в иносказании”. Далее А.А. Потебня справедливо замечает: “в примене-

нии к языку это значило бы, что слово сначала означает целый ряд вещей, например *стол вообще*, или целый ряд качеств, действий; а потом, в частности, *эту вещь, этот стол, это действие*. Если это так, то спрашивается: откуда взялось это общее?” И продолжает: “Мы можем из соображения или наблюдения доказать, что общее возникает не иначе, как из сложения многих частных, и добывание общих мыслей происходит с известными усилиями, которые бывают настолько велики, что до некоторых обобщений человечество доходило лишь в течение многих тысячелетий своей жизни; что многие языки, а стало быть и говорящие ими народы, известных обобщений вовсе не могут выразить или выражают их неполно, потому что эти обобщения не составляют общего достояния среднего уровня говорящих. Например, в некоторых русских наречиях слово “человек” вовсе не имеет значения зоологического и антропологического обобщения “*homo sapiens*”, т. е. всякого человека без различия пола, возраста, племени; по-малорусски было бы совершенно смешно сказать, что женщина есть человек”<sup>1</sup>.

Следует заметить, что совершенно справедливый в отношении формирования общих понятий и представлений о действительности в онтогенезе языка и мышления взгляд А.А. Потебни оказывается непригодным для объяснения тех когнитивных механизмов, которые обеспечивают производство и воспроизводство в речи обобщающих высказываний с переносной мотивировкой общего значения.

Так, А.А. Потебня безусловно прав, говоря о генетической (и часто содержательной) вторичности формулировки морали любой басни (безотносительно того, “выставлена” она “в начале или в конце басни” или же отсутствует в тексте), но, видимо, ошибался, когда утверждал о происхождении всякого обобщения из “конкретного образа”, поскольку появление любой басни невозможно представить без предварительного существования некой морали (имеющей общий характер или претендующей на него, что в сущности одно и то же), которую автор иносказательно выразил в данной басне на примере какого-либо частного случая. Иными словами, с точки зрения автора басни (говорящего) мораль, выраженная обобщенным высказыванием, не может вытекать из содержания басни. Обобщенное значение афоризма в басне обусловлено ее содержанием только с точки зрения читателя (слушателя), для кого, собственно, басня и пишется. Никакой единичный частный случай, никакой “конкретный

---

<sup>1</sup> Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка [1892] // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва, 1990. С. 78.

образ” объективно не может выступать в качестве эпистемологической основы обобщения действительности. Автор басни может лишь использовать тот или иной частный случай, тот или иной “конкретный образ” только для подтверждения действительности ранее сделанного им самим (или же кем-либо еще) обобщения, правильности уже сформулированной закономерности. Для басни (как и для любого текста, где использован афоризм) всегда будет сначала существовать некое общее положение, которое (вопреки А.А. Потебне) потом низводится к частному случаю (проецируется на него), именно потом “переряживается в иносказание, скрывается в иносказании”, а не возникает из него.

Обобщенное содержание тех пословиц, которые восходят к басням, вовсе не родилось при их создании благодаря обобщению данного частного случая, иносказательно выраженного в басне, а было использовано в баснях в уже готовом виде. Образная же форма таких пословиц безусловно обязана породившей ее иносказательной форме басни. Это утверждение справедливо и для тех крылатых афоризмов с переносной мотивировкой общего значения, образная форма которых детерминирована авторским контекстом. Ср. крылатый афоризм *С милым рай и в шалаше* (‘С любимым человеком хорошо в любых условиях’), обобщенное значение которого проецируется на частный случай (слова лирического героя – влюбленной девушки) в стихотворении Н.М. Ибрагимова «Русская песнь» (1815), а образная форма которого обусловлена авторским контекстом: *Не ищи меня, богатый: Ты не мил моей душе. Что мне, что твои палаты? С милым рай и в шалаше!*

Таким образом, можно предполагать, что использование образа в афористическом высказывании невозможно без предварительной актуализации на уровне пресуппозиции представления о той или иной общей закономерности действительности, которая выражается посредством той или иной метафоры, а не создается ею. Это значит, что в основе афоризма с переосмысленным общим значением лежит прямое представление о выраженной в этом афоризме закономерности действительности. А это, в свою очередь, позволяет утверждать, что обобщающее содержание пословиц (как и любых афоризмов, образный смысл которых порождается благодаря какому-либо частному случаю) имеет не функциональную, а субстанциональную природу<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Иванов, Е.Е. О соотношении прямого и образного обобщения действительности в пословицах и афоризмах // Wort – Text – Zeit XII: Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen. Greifswald, 2013. S. 49–51.

## § 1. Критерии семантической дифференциации афоризмов

Закономерности, которые выражаются в афористических единицах, весьма неоднородны по своей сущности и, в частности, различаются по целому ряду параметров, напр.:

(а) по сфере своего действия, ср.: *Всему свое время* (Екклесиаст, 3, 1) и *Грибов ищут, по лесу рыщут*; англ. *Red sky at night, shepherd's delight: Red sky in the morning, shepherd's warning* (прогнозная примета, ставшая пословицей) и *Hope springs eternal in the human breast* (А. Pope)<sup>1</sup>; польск. *Kwitną drzewia w listopadzie, zima aż do maja będzie* и *Kto miłości nie zna, ten żyje szczęśliwy, I noc ma spokojną, i dzień nietęskliwy* (А. Mickiewicz, “Dziady”); бел. *Снег на куццю – грыбы на лета* и *Кожны чалавек – гэта цэлы свет* (К. Чорны) и т. п.;

(б) по условиям и формам своего проявления, ср.: *Чужая душа – потемки* и *Твори, выдумывай, пробуй* (В. Маяковский); англ. *There is no royal road to learning* и *Laugh and the world laughs with you, weep and you weep alone* (E.W. Wilcox); польск. *Kiedy luty, obuj buty* и *Samotność lubią tylko głupcy lub mędrzy* (Н. Sienkiewicz, “Na marne”); бел. *Кіньма сваркі і звадкі* (Я. Купала) и *Гусі нізка – зіма блізка* и т. п.;

(в) по степени необходимости своего существования, ср.: *Ничто не вечно под Луною* (Н. Карамзин) и *Не знаешь, где найдешь, где потеряешь*; англ. *One cannot be in two places at once* и *A things of beauty is a joy for ever* (J. Keats); польск. *Co było, to nie wróci* и *Litera prawa powinna być włączona do alfabetu* (S.E. Lec, “Myśli nieuczesane”); бел. *Пугай абуха не пераб’еш* и *Гордасць – таксама, мабыць, жаночае хараство* (Я. Скрыган) и т. п.;

(г) по своему соответствию реальному порядку вещей в мире, ср.: *Лошади едят овес и сено* (А. Чехов) и *Хоть яловая, а телись*; англ. *He who denies all confesses all* и *A rose by any other name would smell as sweet* (W. Shakespeare); польск. *Nie ma rózy bez cierni (kolców)* и *Zdarza się, że haczyk zostaje polknięty razem z rybakiem* (S.E. Lec, “Myśli nieuczesane”); бел. *І дурань ведае, што ў надзелю свята* и *Рупная пчала ўмее ў соты мёд сабраць і з горкіх кветак* (М. Багдановіч) и т. п.

Между семантическими и структурными свойствами афоризмов не существует связи, какая, например, наблюдается у представителей

<sup>1</sup> Здесь и далее значение английских языковых афоризмов соответствует их толкованию в издании: *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 313, 581, 388, 664, 528, 675, 286, 589.*

разных лексико-грамматических классов слов. Однако различия между типами закономерностей, будучи по своей природе логическими, тем не менее соотносимы с определенными различиями в структурном оформлении афористических единиц, поэтому в качестве формальных оснований их семантической классификации могут выступать те или иные структурные свойства афоризмов.

В зависимости от этого можно выделить группы афористических единиц, в которых выражаются закономерности определенных типов, т. е. соответствующие семантические типы афоризмов.

## § 2. Номологические афоризмы

Все закономерности, выражаемые в афоризмах, разграничиваются по признаку непротиворечивости vs. противоречивости существующему в реальном мире (или одном из возможных миров) порядку вещей и/или представлению о нем. Соответственно, все афоризмы дифференцируются на содержательно не противоречащие и содержательно противоречащие действительности. Ср.: *Пар костей не ломит и Сильнее кошки зверя нет* (И. Крылов); англ. *Nothing seek, nothing find* < *Seek, and ye shall find* (The Bible, Matthew, 7, 7, Luke, 11, 9)<sup>1</sup> и *Tomorrow never comes*<sup>2</sup>; польск. *Nikt się mistrzem nie rodzi* и *Kto się kochał sto razy, ten nie zna miłości* (W. Szymanowski)<sup>3</sup>; бел. *Каб сонца засланіць – вушэй асліных мала* (К. Крапіва) и *Усялякае бывае: жук рыкае, а какова лятае* и т. п.

Содержательно не противоречащие действительности афоризмы делятся на две большие группы по существенности vs. несущественности, необходимости vs. случайности и регулярности vs. нерегулярности проявления выраженных в них закономерностей. В первую группу входят афористические единицы, означающие такие закономерности, которые являются абсолютно номологическими, т. е. характеризуются наличием одновременно всех указанных признаков своего проявления (собственно “з а к о н ы”)<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. Москва, 1984. С. 107.

<sup>2</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 519, 692.

<sup>3</sup> Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 92.

<sup>4</sup> Подробно см.: Іванюў Я.Я. Аб адной семантычнай разнавіднасці афарызмаў (афарыстычныя выказванні – законы) ва ўсходнеславянскіх мовах // Białostocki przegląd kresowy. 2000. T. VIII. S. 37–49.

Вторую группу составляют афоризмы, выражающие номологически относительные закономерности, которые обладают только лишь какими-либо отдельными из перечисленных выше признаков своего проявления (“не законы”). Суть последних была метко определена еще Ф. Бэконом: “от общих предложений, которым мы придаем такое важное значение, мы требуем вовсе не строгого и безусловного утверждения или отрицания; они достаточно удовлетворяют нас даже в том случае, когда допускают одно или незначительное число исключений” (“Новый Органон”, афоризм XXXIII).

Формальным показателем разграничения афоризмов на “законы” и “не законы” является невозможность контрастного перефразирования первых без утраты ими значения истинности. Ср.: *В споре рождается истина* и *В споре не рождается истина* (не имеет номологической силы); англ. *You cannot get a quart into a pint pot<sup>1</sup>* и *You may pour a quart in a pint pot* (?!); польск. *Kto nie dotknął ziemi ni razu, Ten nigdy nie może być w niebie* (A. Mickiewicz)<sup>2</sup> и *Kto dotknął ziemi, Ten może być w niebie* (ни то, ни другое не обладает силой закона); бел. *Назад не прыйдзе хваля тая, што з быстрай рэчкай уплывае* (Я. Колас) и *Назад прыйдзе хваля тая, што з быстрай рэчкай уплывае* (?!) и т. п.

### § 3. Директивные и декларативные афоризмы

Афоризмы – “не законы” дифференцируются на “максимы” и “сентенции” по критерию зависимости vs. независимости форм и условий проявления выраженных в них закономерностей от поведенческой реакции человека.

Формальное различие “максим” и “сентенций” видится в том, что первые по синтаксической структуре могут быть только императивными предложениями. Ср.: *Куй железо, пока горячо; Сейте, разумное, доброе, вечное* (Н. Некрасов); англ. *Don't put all your eggs in one basket; Know your own faults before blaming others for theirs; Hitch your wagon to a star* (R. W. Emerson)<sup>3</sup>; польск. *Miej serce i patrzaj w ser-*

<sup>1</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 779.

<sup>2</sup> Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996..S. 104.

<sup>3</sup> Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 140, 307, 382.

ce! (A. Mickiewicz)<sup>1</sup>; *Nie budź licha (diabła), kiedy śpi; Pracuj, nieboże, a Bóg ci dopomoże*; бел. *Вучыся, нябожжа, вучэнне паможа* (Я. Купала); *Будзем сеяць, беларусы!* (П. Броўка); *Еш, пакуль рот свеж; Не падганяй, бо не вельмі паедзеш; Ліхая трава з поля вон; Чаго не ясі, таго ў рот не нясі* и т. п.

Афоризмы-“сентенции” в зависимости от сферы принадлежности выражаемых в них закономерностей социальной и/или духовной жизни человека или материальному миру вещей (включая и физическую природу человека) делятся, соответственно, на сентенции антропоцентрического и естествоведческого содержания. Ср.: *Стерпится – слюбится* и *Летом два дня лет – час сохнет, осенью – час лет, две недели сохнет; Счастливые часов не наблюдают* (А.С. Грибоедов) и *У природы нет плохой погоды* (начальная строка песни из популярного к/ф “Служебный роман”); англ. *Where ignorance is bliss, tis folly to be wise* (T. Gray) и *A cat has nine lives; Kind hearts are more than crowns* (A. Tennyson) и *Gluttony kills more than the sword*<sup>2</sup>; польск. *Miłość ci wszystko wybaczy* (J. Tuwim)<sup>3</sup> и *Liść na drzewie mocno trzyma, nie tak prędko zima; Każdy człowiek nosi w sobie jakąś swoją tragedię* (H. Sienkiewicz) и *Od stania w miejscu niejeden już zginął, Niejeden zginął już świat* (E. Stachura)<sup>4</sup>; бел. *Хоць, праўда, хлеб ядуць і з вуды, але не ўсе і не заўсюды* (Я. Колас) и *Лес шумеў і будзе шумець* (Я. Брыль); *Міл той куток, дзе абрэзалі пупок и Канюшына – каню сіла* и т. п. Следует заметить, что подавляющее большинство афоризмов по своей семантике относится к сентенциям антропоцентрического содержания (исключая лишь народные приметы в форме афоризмов).

Следует заметить, что использование терминов *сентенция* и *максима* в указанном смысле не является бесспорным. Квалифицироваться как “сентенция” может и афоризм поучительного содержания безотносительно его синтаксической структуры<sup>5</sup>, и вообще всякий афоризм, в котором содержится общезначимая мысль<sup>6</sup>. Кроме этого “сентенцией” может (в том числе и в терминах лингвистики) называться и изречение дидак-

<sup>1</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 159.*

<sup>2</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 72, 238, 381, 754.*

<sup>3</sup> *Mała księga cytatów. S. 93.*

<sup>4</sup> *Ibid. S. 24, 176.*

<sup>5</sup> Ср.: *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 100; Міхневіч А.Я. Выслоўі // Беларуская мова: энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 115.*

<sup>6</sup> Ср.: *Гаспаров М.Л. Сентенция // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 375.*

тического содержания преимущественно в форме императивного предложения<sup>1</sup>. Под максимой же может пониматься и некое “правило”, и та или иная “норма поведения”, и какой-либо “высший принцип”, который, в свою очередь, “может быть выражен в констатирующей или наставительной форме”, и даже “моралистическая разновидность сентенции”<sup>2</sup>.

Чтобы избежать, с одной стороны, метаязыковых противоречий, а с другой, дифференцировать два наиболее значимых семантических типа афоризма, целесообразно исходить из наиболее широкого понимания понятия “сентенция” как высказывания, которое содержит какое-либо общее суждение в декларативной форме, но вместе с тем не является формулировкой закона и не противоречит действительности<sup>3</sup>.

Термин же *максима* также предпочтительно употреблять только в традиционном смысле, как “правило”, “норму”, выраженную в форме императива, поскольку в этом смысле “максима” противопоставляется “сентенции” по практической направленности, выражает не результат, а предписание, требует не согласия, а осуществления, исполнения<sup>4</sup>. Такое понимание термина *максима* в рамках лингвистической классификации афоризмов по их семантическим типам приобретает метаязыковую значимость<sup>5</sup>.

#### § 4. Греггерические афоризмы

Закономерности, которые не имеют силы закона, дифференцируются по своей принадлежности vs. непринадлежности к глобальным, значимым, существенным в жизни человека проявлениям упорядоченности мира либо к не детерминирующим существование человека проявлениям материального мира (в том числе и мира вещей). Афоризмы, в которых выражаются закономерности второго типа, можно

<sup>1</sup> Ср., напр.: Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки, 1986. № 3. С. 58 и далее.

<sup>2</sup> Гаспаров М.Л. Максима // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 206.

<sup>3</sup> См.: Іваню́ Я.Я. “Максіма” і “сентэнцыя” як семантычныя разнавіднасці афарызма паводле яго адносін да рэчаіснасці (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Studia wschodniosłowiańskie. 2002. T. 2. S. 184–185.

<sup>4</sup> См.: Эштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. С. 43.

<sup>5</sup> См.: Іваню́ Я.Я. “Максіма” і “сентэнцыя” як семантычныя разнавіднасці афарызма паводле яго адносінаў да рэчаіснасці. S. 191.

определить как “г р е г е р и” (< исп. *gregueria*<sup>1</sup>).<sup>2</sup> Ср.: *Коса – девичья краса; Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок; Привычка свыше нам дана* (А.С. Пушкин); англ. *The tongue ever turns to the aching tooth* (в прямом смысле); *Win at first and lose at last* (об азартных играх); *What's yours is mine, and what's mine is my own* (≡ *What's mine is yours, and what is yours is mine* (W. Shakespeare, “Measure for Measure”));<sup>3</sup>; польск. *Bez soli tak jak bez chleba; Nie rób z tata wariata, a z mamy panoramę; Zegar nie je, nie pije, a jednak bije; Głos odradza się cudownie, Gada w echu dusza gór* (J. Łuszczewska)<sup>4</sup>; бел. *Няма лепшай рэчы, чым свінья плечы; Выбачайце, калі ласка* (А. Макаёнак) и т. п. Примечательно, что афоризмам–“максимам” (в отличие от афоризмов–“сентенций”) грегери-ческая семантика за весьма редким исключением не свойственна.

Афоризмы, которые не являются “грегери́ями”, делятся, в свою очередь, на “трюизмы” и “не трюизмы” по представленности vs. непредставленности выраженных в них закономерностей в ряду тех фактов упорядоченности бытия человека и природы, знание которых входит в состав базовых (общеобязательных) сведений человека о самом себе и об окружающем мире<sup>5</sup>. Ср.: *Палка о двух концах* (в прямом смысле) и *Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю* (А.С. Пушкин); англ. *Christmas comes but once a year* и *The proper study of mankind is man* (А. Pope)<sup>6</sup>; польск. *Co żyje, umrzeć musi* и *Samotność mędrców mistrzyni* (А. Mickiewicz)<sup>7</sup>; бел. *Калі курэц, то насі люльку і тытунец і Трэба дома бываць часцей, Трэба дома бываць не гасцем* (Р. Барадун) и т. п.

<sup>1</sup> Термин известного испанского писателя и литературоведа, создателя жанра грегери́ Р. Гомеса де ла Серна (1888–1963) обозначает одну из разновидностей литературного жанра изречений, главным предназначением которой является отражение самых разнообразных явлений действительности (т. н. “мелочей жизни”) в противопоставление “высокопарному афоризму”, где есть место только “глобальным” проблемам бытия (*Гомес де ла Серна Р. Грегери́и // Гомес де ла Серна Р. Избранное. Москва, 1983. С. 294–297*). Р. Гомесу де ла Серна принадлежит и единственная пока в своем роде книга отдельных изречений, полностью состоящая из одних грегери́, см.: *Gomez de la Serna R. Total de greguerías / Con prov. y il. orig. del propio aut. Madrid, 1955*.

<sup>2</sup> См.: *Іваноў Я.Я. Да вызначэння паняцця “грыгерыя” // Славянскія літаратуры ў сучасным кантэксте: у 2 ч. Мінск, 1999. Ч. 2. С. 62–65*.

<sup>3</sup> См.: *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 693, 733, 765*.

<sup>4</sup> См.: *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 39*.

<sup>5</sup> См.: *Іваноў Я.Я. Семантичная структура афарыстычных выказванняў-трюізмаў // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-śląsko-wschodniosłowiańskich / pod red. J.F.Nosowicza. Białystok, 2000. T. V. S. 104–115*.

<sup>6</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 83, 570*.

<sup>7</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. S. 151*.

## § 5. Парадоксальные афоризмы

Все афоризмы, содержательно противоречащие действительности, дифференцируются на “п а р а д о к с ы” и “к о а н ы” по признаку возможности vs. невозможности существования механизма установления закономерностей в процессе познания мира с точки зрения рационального восприятия и объяснения.

Закономерности, выраженные в парадоксах, являются неочевидными в сфере как обыденных, так и научных оценок бытия и, как правило, оспариваются с позиций здравого смысла. Дифференциальным признаком афоризмов-“парадоксов” является то, что они не поддаются однозначному определению по критерию логической истинности (их невозможно однозначно определить как истинные либо как ложные)<sup>1</sup>. Ср.: *Вместе тесно, а врозь скучно; Говорят, что кур доят; Дела не делай, а от дела не бегай; И невозможное возможно* (А. Блок), *И то бывает, что овца волка съедает; Подальше положишь, поближе возьмешь*; англ. *A Jack of all trades is master of none; Everybody's business is nobody's business; If you want peace, prepare for war* (< лат. *Si vis pacem, para bellum* (Flavius Vegetius Renatus, “*Epitoma rei militaris*”, Prologus, 13, 3)<sup>2</sup>); *He who goes against the fashion is himself its slave* (L.P. Smith)<sup>3</sup>; польск. *Buty skrzypią, będzie mróz; Kto pali, ten Boga chwali; Jak baba zła, to porządek w domu ma; Pretensja do garbatego, że ma dzieci proste; Pierwszym warunkiem nieśmiertelności jest śmierć* (S.E. Lec)<sup>4</sup>; *Хваробы лечаць і атрутамі* (М. Багдановіч); *Добры фурман адразу воз пераверне; Кажан нежанаты б’е жонку, а бяздзетны – дзеці* и т. п.

Термин “коан” заимствован из религиозно-философского языка дзэн-буддизма (японского ответвления буддизма), в котором используется для наименования абсурдных высказываний-загадок, которые не имеют и не могут иметь рациональных отгадок. Ср.: (в переводе с яп.) *Когда многое сведено к одному, к чему можно свести одно? или Хлопок двух ладоней издает звук; а что такое звук одной ладони?* (примеры В. Налимова)<sup>5</sup>; (в переводе с кит.) *Три человека удостоверяют, что чере-*

<sup>1</sup> См.: *Иваноў Я.Я. “Парадоксы” і “кааны” як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў // Весті Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. 2002. № 2 (32). С. 83–86.*

<sup>2</sup> *Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. Москва, 1984. С. 79.*

<sup>3</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 187, 289, 336, 376.*

<sup>4</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 173.*

<sup>5</sup> См.: *Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Москва, 1974. С. 123.*

*пах* – это черепаха (т. е. ‘Если два человека спорят, только третий может решить их спор’)<sup>1</sup>. Встречаются коаны (хотя и не всегда в классической форме) и в европейской литературе. Ср., например, известное рус. *Что есть красота, И почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, Или огонь, мерцающий в сосуде?* (Н. Заболоцкий) и т. п.

Афоризмы-“коаны” не являются формально нелогичными, как “парадоксы”, они бессмысленны в буквальном смысле слова, потому что находятся за границами разумного, и принципиально необъяснимы вне сферы когнитивного бессознательного (разумеется, если абстрагироваться от контекста происхождения “коанов”, где они, безусловно, имели прямой смысл, поскольку какой бы бессмысленной ни казалась нам та или иная фраза, следует признать, что спонтанно мы все же не можем мыслить ничего нелогического, ибо в противном случае мы должны были бы нелогически мыслить). Ярким примером невозможности рационального объяснения коанов при одновременном наличии в них некоего глубоко скрытого смысла является известный анекдот, point которого составляет именно “отгадка” коана, ср.: (в переводе с кит.) *Древний китайский буддист Дэн Инь-фэн однажды задал такую “загадку”: “Люди умирают сидя и лежа, некоторые умирают даже стоя. А кто умер вниз головой?” – “Мы такого не знаем”, – ответили ему. Тогда Дэн встал на голову и... умер*<sup>2</sup>.

Языковые афоризмы-“коаны” функционируют, как правило, только в переносном значении (внутренняя мотивированность которого очень часто сокрыта в бессмысленном сочетании понятий и образов “коана”)<sup>3</sup>. Ср.: *Дважды два – стеариновая свечка* (И. Тургенев); *Год прожил – рог нажил, два проживешь – второй наживешь; Оборотись, поросля, в рыбу карася* (устар.)<sup>4</sup>; *По одежке протягивай ножки; Семь верст до небес и все лесом*; англ. *Don't take your harp to the party; Every cloud has a silver lining; Every family has a skeleton in the cupboard; Footprints on the sands of time are not made by sitting down* (< H.W. Longfellow); *Give a dog a bad name and hang him; It is no use spoiling the ship for a ha'p'orth of far; There are wheels within wheels; The child is father of the man* (J. Milton)<sup>5</sup>; польск. *Pierwsze koty za płoty; Szczęście trzeba*

<sup>1</sup> См.: Афоризмы старого Китая [1988]. 2-е изд., испр. Москва, 1991. С. 33, 77.

<sup>2</sup> Цитируется по изданию: *Ивин А.А. Искусство правильно мыслить*. Москва, 1990. С. 95.

<sup>3</sup> См.: *Иванов Я.Я. “Парадоксы” и “коаны” як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў*. С. 86–87.

<sup>4</sup> *Даль В.И. Пословицы русского народа* [1861–1862]: в 2 т. Москва, 1984. Т. 2. С. 289.

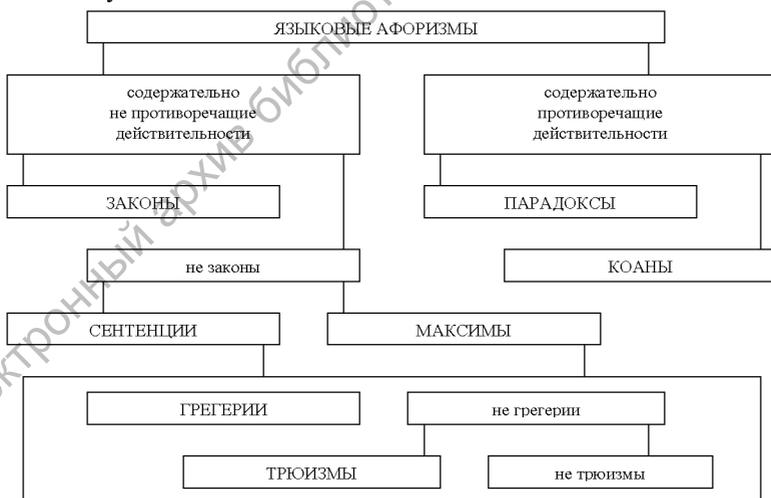
<sup>5</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained*. London, 1969. Prov. 81, 146, 171, 174, 218, 367, 648.

*rwać, jak świeże wiśnie* (W. Jaszczębiec)<sup>1</sup>; бел. *Забілі зайца, не забілі, але ж, брат, гуку нарабілі* (Я. Колас), что бессмысленно без знания контекста данного крылатого выражения (оценка безрезультатной охоты на зайцев с применением шума при их загоне на стрелка); *Папраў казе хвост*; *Чакай Пятра – сыру з’ясі*; *Што ні год, то ўдод* и т. п.

И лишь в единичных случаях встречаются паремии-“коаны” с прямой мотивировкой общего значения. Ср. рус. *Сын – дед самому себе* (устар.), что означает “сорокалетняя женщина вышла за двадцатилетнего мужчину, отец которого женился на дочери первой: рожденный от первой четы сын – дед самому себе”<sup>2</sup>; англ. *The child is father of the man* (поговорка восходит к стихотворению У. Водсворта “My heart leaps up when I behold...”), что означает “Изучая характер ребенка, мы можем сказать, каким отцом он будет”<sup>3</sup>.

## § 6. Основные семантические типы афоризмов

Классификация афоризмов по их основным семантическим типам является иерархически упорядоченной и может быть представлена в виде следующей дихотомической схемы.



<sup>1</sup> *Mała księga cytatów / pod red. H. Lipiec. Radom, 1996. S. 166.*

<sup>2</sup> *Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: в 2 т. Москва, 1984. Т. 1. С. 309.*

<sup>3</sup> *Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 81.*

### **Контрольные вопросы и задания**

1. Охарактеризуйте основные особенности семантики афоризма.
2. Перечислите основные семантические различия афоризмов.
3. Что такое номологические афоризмы? Приведите примеры таких афоризмов.
4. В чем заключается формальный признак афоризмов, в которых выражаются законы действительности?
5. Что такое директивные и декларативные афоризмы? Приведите примеры таких афоризмов.
6. Назовите разновидности и приведите примеры афоризмов-сентенций.
7. Определите и приведите примеры афоризмов-максим.
8. Какие афоризмы называются грегериическими? Приведите примеры таких афоризмов.
9. Дайте определение и приведите примеры афоризмов-трюизмов.
10. В чем состоят дифференциальные признаки парадоксальных афоризмов?
11. Что такое афоризмы-коаны? Приведите примеры таких афоризмов.
12. Назовите и обоснуйте отличия парадоксальных афоризмов от афоризмов-коанов.
13. Перечислите основные семантические типы афористических единиц и приведите примеры каждого типа.
14. Охарактеризуйте взаимоотношения таких семантических типов афоризмов, как максима и сентенция, с одной стороны, грегерики и трюизмы, с другой.

## ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ

Понятие “афористический текст” может толковаться двояко: (1) как изречение (в том числе и устойчивое), в котором выражается обобщенная и законченная мысль (в этом случае сам афоризм рассматривается как отдельный текст и вид текста), (2) как любой текст, в котором содержатся афоризмы (и индивидуально-авторские, и широкого распространения). Предметом дальнейшего рассмотрения будет афористический текст только во втором его понимании.

Индивидуально-авторские афоризмы, по общепринятому мнению, как и языковые афоризмы, и разовые цитаты афористического характера, “вводятся” в текст<sup>1</sup>, обуславливая тем самым его “афористичность”, под которой обычно понимается просто “насыщенность речи афоризмами”<sup>2</sup>. Последнее так или иначе лежит в основе определения понятия т. н. “афористического стиля” как продукта и способа индивидуального речемыслительного творчества (как правило, в литературных текстах).

### § 1. Афоризм как текст и как компонент текста

Литературные афоризмы рассматриваются в лингвистике (так же, как и в литературоведении) как тексты независимо от того, являются они отдельными литературными произведениями или функционируют в произведениях большего, чем афоризм объема (басни, драмы, романа и т. д.), за исключением тех афоризмов, смысл которых в той или иной степени контекстуально ограничен (может неадекватно интерпретироваться вне контекста).

Однако если индивидуально-авторский афоризм возникает не в виде отдельного текста, а как компонент содержательной и компози-

<sup>1</sup> Афоризм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Москва, 1962. Т. 1. С. 366; Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 86.

<sup>2</sup> Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [1972]. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 1985. С. 24.

ционно-синтаксической структуры литературного произведения, то он может рассматриваться только как потенциальный текст. Актуализация индивидуально-авторского афоризма как отдельного текста возможна лишь вне контекста его происхождения, в котором содержание и структура афоризма еще находятся в стадии своего формирования (т. е. допускается, что он еще или вообще не способен функционировать вне контекста своего происхождения в той же форме и с тем же содержанием). Поэтому утверждение об обязательно свойственных афоризму признаках текста безотносительно его генетической, содержательной, структурной и функциональной автономности (которое обычно не подвергается сомнению), следует все же считать ошибочным.

В попытке уйти от столь очевидного противоречия, в теории литературы традиционно предлагается различать собственно “афоризмы” как самостоятельный вид словесного творчества и высказывания, извлеченные из определенного контекста (как правило, из речи литературного персонажа). Последние в терминах поэтики нередко вообще не квалифицируются как “афоризмы”, поскольку “характеризуют индивидуальность данного действующего лица” (т. е., как это обычно понимается, “не имеют прямой и всеобщий смысл”) и не “совместимы с целостным мировоззрением писателя”<sup>1</sup>. Например, в пьесе М. Горького “На дне” (1902) известные слова Сатина *Человек... это звучит гордо* являются сверхэмпирическим обобщением (что содействовало их отрыву от контекста и широкому употреблению в русской речи в качестве крылатых), а замечание Пепла *Честь-совесть богатым нужна* – это результат субъективного осмысления каких-то конкретных обстоятельств, и поэтому вне авторского контекста эпистемологически неактуально, даже алогично с точки зрения здравого смысла (примеры М.Н. Эпштейна).

Изречения второго типа, как правило, не рассматриваются в рамках лингвистического анализа литературных афоризмов, хотя вне эстетического и/или этически ориентированного осмысления своего содержания (т. е. вне его сугубо литературоведческого понимания), безусловно, представляют (прежде всего, по своим семантическим и прагматическим параметрам) не меньший интерес для описания языковой природы афоризма, чем изречения первого типа.

Подобный дифференцированный подход к квалификации афоризма как объекта литературоведческого анализа отличается вну-

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

тренней противоречивостью, поскольку иначе придется признать, что одно и то же изречение может одновременно и быть афоризмом, и не быть им только в зависимости от того, употреблено ли оно, соответственно, в речи автора или персонажа, и/или от того, какую смысловую нагрузку оно несет в содержательном контексте данного произведения. Такое понимание противоречит принципам методологии науки, поскольку сама реальность существования какого-либо объекта действительности не может быть зависима от воли его исследователя, чего при описанном выше подходе избежать невозможно. Безошибочная квалификация того или иного высказывания в контексте произведения как афоризма либо как не афоризма остается в этом случае прерогативой исключительно самого автора данного произведения, что, конечно, выглядит не только абсолютно ненаучным, но и вообще бессмысленным.

Весьма показательным примером в этом отношении является широко известное пиратское издание 1901 г. компилятивного собрания афоризмов М. Горького, который тотчас отозвался об этом событии в письме в редакцию газеты “Санкт-Петербургские ведомости” (Нижний Новгород, 28 или 29 октября [10 или 11 ноября] 1901 г.): “Я получил с десятка писем по поводу книжки *“Максим Горький. Афоризмы и парадоксы”*. Авторы писем упрекают меня в том, что я выпускаю на книжный рынок книги, не имеющие никакого литературного значения. Считаю нужным заявить, что книга, возбудившая вполне справедливое негодование моих корреспондентов, составлена без моего ведома лицом мне неизвестным. Составитель книги приписал мне взгляды и мнения моих героев. Думаю, что на книгах подобного рода должно стоять имя составителя”<sup>1</sup>. Протест писателя, как можно видеть, был направлен не столько против самого факта издания выборок афористических изречений из его произведений (а соответственно, и признания права на их существование вне авторского текста безотносительно принадлежности того или иного афоризма автору или персонажу), сколько против отождествления собственных убеждений автора с мировоззрением персонажей его же произведений.

В свою очередь, разграничение афористических изречений на “не совместимые” и “совместимые”, по словам М.Н. Эпштейна, “с целост-

---

<sup>1</sup> Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Москва, 1954. Т. 28: Письма, телеграммы, надписи (1889–1906). С. 191.

ным мировоззрением писателя”<sup>1</sup> не может не оставаться принципиально субъективным, поскольку очень часто автор высказывает свои обобщения устами какого-либо персонажа (обычно никак не эксплицируя этого и/или прямо не признавая последнего своим единомышленником), особенно в тех случаях, когда писатель скрывается под маской автора-повествователя, а также, когда отсутствуют какие-либо достоверные источники информации об истории создания произведения и/или собственно авторской оценке его идейно-философского содержания.

Так, упомянутая выше крылатая фраза *Человек – это звучит гордо*, приписываемая отечественной филологической традицией воззрениям самого М. Горького, не только является цитатой из драматического произведения, в котором по определению нет места прямой экспликации авторской позиции, но и принадлежит одному из самых, пожалуй, одиозных персонажей этого произведения. Учитывая же еще и внутренне противоречивый характер взглядов М. Горького в разные периоды его творчества, а также сугубо пропагандистский характер социалистической литературной критики в освещении одного из самых известных произведений классика советской литературы и основоположника метода социалистического реализма, сомнения в объективности традиционной интерпретации идеологического авторства этого выражения (по крайней мере, на момент создания пьесы) становятся вполне основательными.

Не могли не отметить этого и сами литературоведы. Еще в конце 1950-х гг. западноевропейскими исследователями высказывалось мнение, что слова *Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека* (М. Горький. “На дне”, IV) не являются выражением миропонимания самого М. Горького, который вовсе не случайно вложил эти слова именно в уста босняка Сатина, чтобы “скомпрометировать, разоблачить их”, поскольку “понимал несостоятельность своей пропаганды возвеличивания человека, понимал, что человек не таков, каким бы он хотел его видеть”<sup>2</sup>.

В связи с пониманием любого unprecedentedного афоризма как текста возникает проблема “необходимости, допустимости и возможности видоизменять авторский текст” афоризма при его “извлечениях” из контекста, а также того, какими должны быть изменения, чтобы не-

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>2</sup> См.: Вопросы литературы. 1958. № 8. С. 164.

избежная “переработка авторского произведения” имела более-менее корректный характер<sup>1</sup>.

Однако уже сама по себе постановка такого вопроса является не вполне корректной, так как здесь не учитывается тот очевидный факт, что в подобных случаях исследователь имеет дело не с афоризмом как “текстом в тексте” в буквальном смысле слова (т. е. с абсолютно структурно автономным беспрецедентным афоризмом, никак формально не связанным с авторским контекстом и поэтому не требующим никаких трансформаций при своем употреблении в иных контекстах или в виде самостоятельного произведения), а с афоризмом как единицей речи, которая сама по себе “еще не текст”.

Соответственно, неверно и то мнение, что индивидуально-авторские афоризмы, созданные в виде отдельного текста, способны “вводиться” в контекст своего происхождения (т. е. первого употребления). Вводить афоризм в текст вообще возможно только принципиально “вторым” употреблением, а это значит, что если не широко распространенный, то хотя бы однажды уже фиксированный либо в речи самого говорящего или пишущего (как, если можно так выразиться, строевую единицу идиолекта), либо в чужой речи. Данное положение позволяет уточнить понятие “речевой афоризм” (в смысле дихотомии “речевой vs. языковой”) как афоризм, функционирующий уже вне авторского контекста, но еще не обладающий массовой воспроизводимостью (еще не ставший крылатым выражением или пословицей), а не только как индивидуально-авторское новообразование (вопреки мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова<sup>2</sup>).

Вполне очевидно также и то, что афоризм индивидуально-речевого происхождения возможно из контекста его авторского употребления только “выделить”, как можно свободно выделить любой другой афоризм из любого контекста его употребления.

Поэтому сама по себе проблема видоизменения афоризма при его извлечении из авторского контекста – это, по существу, проблема определения и описания структурной парадигмы афористических высказываний (системы возможных способов структурных трансформаций

<sup>1</sup> *Міхневіч А.А.* Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) // Беларуская лінгвістыка. 1983. Вып. 22. С. 62–63.

<sup>2</sup> *Костомаров В.Г., Верещагин Е.М.* О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988. С. 6.

афоризма в речи) и установления критериев структурной целостности афоризма как единицы речи<sup>1</sup>. В отношении же афоризма именно как “текста” вопрос о его цельности при возможном извлечении из авторского контекста возникает только в тех случаях, когда афористическое высказывание функционирует в нем как интертекст и может быть изъято из контекста без каких бы то ни было структурных и/или семантических видоизменений, однако без знания контекста (ситуации употребления) может интерпретироваться неадекватно (как приведенное выше изречение Пепла из пьесы М. Горького “На дне”). Только в этом смысле можно согласиться с М.Н. Эпштейном в том, что “проблема вычленения афоризма из текста всякий раз является дискуссионной, поскольку связана с абсолютизацией конкретного, замыканием открытого и подвижного”<sup>2</sup>.

Показательно, что на практике (преимущественно при составлении сборников афоризмов, извлеченных из литературных произведений) эта проблема решается чрезвычайно просто: афоризм, смысл которого может быть неадекватно понят вне авторского контекста, “вычленяется” вместе с необходимым контекстом. Например, в сборнике афоризмов “Переключка веков” (1990) его составитель во введении справедливо замечает, что “в контексте произведений, откуда они изъяты, фразы звучат гораздо внушительнее<sup>3</sup>: *Нужно со смехом быть очень осторожным, – тем более что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже вослед за ним тот, кто потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела* (Н.В. Гоголь. “Авторская исповедь”) ⇒ *Нужно со смехом быть очень осторожным, – тем более что он заразителен* и т. п.<sup>4</sup>. Такая традиция подачи афоризма в контексте ведет свое начало еще от античных апоф(т)егм и хрий, а также так называемых “фрагментов” (“мыслей”, “опытов”, “рассуждений”, “размышлений”, “рефлексий” и т. п.) классиков европейской литературной афористики XVI–XVIII веков. Это является еще одним подтверждением того,

<sup>1</sup> Определение понятия структурной парадигмы афоризма и ее основных типов см.: Иванов Е.Е. Структурная парадигма афоризма как единицы языка vs. речи // Вопросы романо-германской филологии. Пятигорск, 1994. С. 83–89.

<sup>2</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>3</sup> Переключка веков: размышления, суждения, высказывания / сост. В.Г. Носков. – Москва, 1990. С. 5.

<sup>4</sup> Переключка веков: размышления, суждения, высказывания С. 322.

что отвлеченное содержание афоризмов когнитивно и прагматически актуализируется только в его потенциально бесконечных приложениях к тем или иным частным “ситуациям жизни” в соответствующих ситуациях речи.

## § 2. Афоризация речи и афористический стиль

Термин “афористический стиль” не является на сегодняшний день общепринятым в метаязыке поэтики и лингвистики (не отражен, в частности, в большинстве соответствующих терминологических словарей), хотя достаточно широко используется филологами. Данное понятие было определено уже в конце XIX века в “Энциклопедическом словаре” (1890–1907) Ф. Брокгауза и И. Ефрона, где указывалось, что “афористическая манера писания и речи означает сжатый, отрывистый способ выражения мыслей”<sup>1</sup>, а впервые в отечественной филологии терминологически эксплицировано во втором томе широко известного на рубеже XIX и XX веков универсального справочника С.Н. Южакова “Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний” (1904–1909), где “афористический стиль” квалифицировался как “отрывочный, несвязный способ изложения”<sup>2</sup>. Термин “афористический стиль” часто дублируется в научной литературе смежными, но не совпадающими по семантическому объему терминами “афористическая речь”, “гномическая речь”, “поговорочный стиль”, “сентенциозный (сентенциональный) тип речи”, “язык пословиц” и т. п.

Текст приобретает афористичность (т. е. становится афористическим) в результате его афоризации. Под афоризацией текста (и речи вообще) следует понимать процесс наполнения его “надсобытийным”, или универсальным (афористическим), содержанием с помощью специальных средств языка. Можно выделить два основных способа афоризации.

1. Употребление афоризмов, авторство которых не принадлежит говорящему, а характер их воспроизведения может быть как массовый

<sup>1</sup> Афоризмы // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронь. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2а. С. 494.

<sup>2</sup> Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний: в 22 т. / под ред. С.Н. Южакова. 4-е изд., стереотип. Санкт-Петербург, 1904. Т. 2. С. 284.

(пословицы, крылатые выражения и иные устойчивые афористические фразы), так и индивидуальный (все не клишированные цитаты, а также вышедшие из активного употребления общеязыковые афоризмы), включая их узуальные и индивидуально-речевые модификации.

2. Использование в качестве одного из языковых средств выражения мысли высказываний обобщенной (генерализованной) семантики, или так называемых “универсальных”<sup>1</sup> (афористических), но не воспроизводимых в речи, а творимых в ней (окказиональных).

Окказиональные афоризмы существенно отличаются от неокказиональных прежде всего по своим функционально-стилистическим характеристикам.

Окказиональные афоризмы выступают в речи в качестве специального языкового средства выражения информации, не имеющей референтной связи с событийной (фактологической) реальностью и полученной в результате субъективного обобщения объективной действительности самим говорящим на основе предыдущего совокупного индивидуального и/или общечеловеческого теоретического и практического опыта.

Все афоризмы неокказионального характера информативно и/или экспрессивно обобщают содержание текста (выступают одним из средств субъективной модальности), а также используются либо в целях стилистической окраски речи, либо только “к слову”, для украшения, расцветивания речи (так называемая “орнаментальная функция”). В последнем случае применительно к языковым афоризмам (прежде всего пословицам) правомерно говорить о их “цитировании”, т. е. употреблении пословицы в речи как фольклорного текста, когда они не воспроизводятся как языковые единицы, а “исполняются” как и все остальные произведения устного народного творчества, утрачивая тем самым свои функции языковой единицы (выпадая на какое-то время, если можно так выразиться, из паремно-логической подсистемы языка).

В связи с этим расширяется понимание феномена “афористичности (речи)” не только как чисто количественного показателя насыщенности ее афоризмами (что точнее определить как “степень афористичности”), но и как качественной характеристики текста по способу его афоризации (т. е. “качеству афористичности”).

---

<sup>1</sup> Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986. № 3. С. 56–62.

Степень афористичности текста не определяется употреблением в нем афоризмов только в их классической форме (как содержательно и структурно автономных текстов), они часто подвергаются в речи разнообразным структурно-семантическим трансформациям. Языковые афоризмы так же, как слова и фразеологизмы, обладают парадигмами форм своего употребления<sup>1</sup>.

Окказиональные афоризмы изоморфны по структуре и способам функционирования узуальным и также “обладают парадигмами”, с той разницей, что если функционирование афоризмов как единиц языка обусловлено наличием реально действующей системы их парадигматических форм, то для неязыковых (речевых) афоризмов та или иная их функционально актуализированная трансформа (абстрагируясь от ее контекстуального происхождения) оказывается одной из возможных форм (а для окказиональных единственно возможной формой) существования данного афоризма вообще [9].

Следует отметить, что окказиональные афоризмы функционируют в речи (особенно в художественной, где они в основном и встречаются) преимущественно в парадигматических формах [10]. Это обуславливает возможность высокой степени афористичности художественного текста при видимом “отсутствии” самих афоризмов. Ср.: *И все люди у гроба тоже заплакали от жалости к мальчику и от того преждевременно сочувствия самим себе, что каждому придется умереть и так же быть оплаканным* (А. Платонов, “Чевенгур”) ⇔ *Люди у гроба плачут от того преждевременного сочувствия самим себе, что каждому придется умереть и так же быть оплаканным*. Здесь можно наблюдать видоизменение афоризма вследствие временной актуализации глагольного предиката высказывания в сочетании с дистантной парцелляцией, что позволило избежать лексико-синтаксической избыточности и структурной фрагментарности текста при сохранении его содержательной емкости. Ср.: *И все люди у гроба тоже заплакали от жалости к мальчику, – люди у гроба плачут от того преждевременного сочувствия самим себе, что каждому придется умереть и так же быть оплаканным*.

Такой способ афоризации речи можно определить как “скрытый”, или неявный. При скрытой афоризации текста степень его афористичности (насыщенность текста афоризмами) прямо пропорциональна качеству его афористичности (употреблению окказиональных или не-

<sup>1</sup> Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). Москва, 1975. С. 250.

оказиональных афоризмов в той или иной их форме – трансформированной или нетрансформированной).

Особенности функционирования афоризмов в литературной речи позволяют говорить о выделении в стилистической системе языка такой разновидности индивидуально-речевого стиля, как “афористический стиль”. Его дифференциальным признаком выступает степень афористичности речи, а интегральным – качество ее афористичности, определяемое в зависимости от того или иного способа афоризации данного текста.

Способ же скрытой афоризации речи можно считать основным средством создания афористического стиля в языке художественной литературы.

### § 3. Автономность афоризма в тексте

Афоризмы, как известно, – это и “самостоятельный вид словесного творчества”, и “высказывания, извлеченные из определенного литературного контекста”<sup>1</sup>. Афоризм является специфическим типом текста, основная функциональная особенность которого состоит в том, что “один и тот же афоризм может выступать как самостоятельное речевое произведение и как микротекст – составная часть макротекста”<sup>2</sup>. При этом большинство афоризмов создается не как самостоятельные произведения, а употребляется в текстах неафористических произведений. Такого рода афоризмы можно рассматривать только как “потенциальный текст”, актуализация которого как собственно текста возможна лишь вне авторского контекста его употребления, в котором содержание и структура афоризма еще находятся в стадии своего формирования.

В связи с этим возникает проблема извлечения афоризма из контекста и связанных с этим возможных содержательных и структурных изменений афористического высказывания. Смысл афоризма должен “выходить за пределы контекста”<sup>3</sup>, быть “свободным от ситуативных

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

<sup>2</sup> См.: Еленевская М.Н. Структура и функции афоризма (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1983.

<sup>3</sup> Міхневіч А.Я. Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) // Беларуская лінгвістыка. 1983. Вып. 22. С. 61.

и контекстуальных ограничений<sup>1</sup>), носить надтекстовый характер. Структурно же афоризм по-разному встраивается автором в текст, часто трансформируется. Чтобы выделить афоризм из текста необходимо, во-первых, правильно определить границы афористического изречения, а во-вторых, правильно выбрать форму актуализации афоризма вне авторского текста.

Не все индивидуально-авторские афоризмы подвергаются в тексте семантическим и/или структурным модификациям. Многие афоризмы содержательно и формально не зависят от контекста, могут выделяться из него свободно, без каких-либо изменений своей семантики и лексико-грамматической структуры. Такие афоризмы при своем выделении из текста, как правило, не нарушают его содержательной и формальной целостности (хотя и образуют лакуны различной степени значимости в общей канве повествования или рассуждения), а это значит, что их можно квалифицировать как автономные по отношению к контексту.

Ниже представлено описание основных разновидностей автономных афоризмов, способов и средств их введения автором в неафористический контекст на материале языка ряда произведений У. Шекспира, идиостиль которого чрезвычайно богат на разнообразные афористические изречения. Часть из них приобрела популярность и вошла в сокровищницу английской и мировой афористики, а многие шекспировские афоризмы стали широко функционировать в разговорной речи и вошли в состав наиболее употребительных английских пословиц.

Те афоризмы, автономность которых в тексте ничем не ограничена, можно квалифицировать как абсолютно автономные. Они не только структурно и содержательно не зависят от контекста (не трансформируются при вводе автором в текст), но и свободно выделяются из текста, не нарушая его содержание и грамматическую организацию (не оставляют в нем после себя смысловых и синтаксических лагун). Ср.: King. *'Tis only title thou disdain'st in her; the which I can build up. Strange is it that our bloods, Of colour, weight, and heat, pour'd all together, Would quite confound distinction, yet stand off In differences so mighty. If she be All that is virtuous, save what thou dislikest, A poor physician's daughter, thou dislikest Of virtue for the name: but do not so: From lowest place when virtuous things proceed, The place is dignified by the doer's deed: Where great additions swell's, and virtue none, It is a dropsied honour **Good alone***

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

*Is good without a name. Vileness is so: The property by what it is should go, Not by the title.* (“All’s Well That Ends Well”, A 2, S 3).

Абсолютно автономные афоризмы могут выступать в тексте в виде отдельных реплик в диалоге. В этом случае они как бы вклиниваются в текст, разрывают его и, не имея формальных маркеров своей связи с контекстом, воспринимаются как нечто совершенно самостоятельное, обособленное в тексте, даже инородное по отношению к нему, живущее в нем своей собственной жизнью, особенно, когда они следуют друг за другом в диалоге. Ср.: Helena. *I do affect a sorrowindeed, but I have it too.* Lafeu. *Moderate lamentation is the right of the dead, excessive grief the enemy to the living.* Countess. *If the living be enemy to the grief the excess makes it soon mortal.* (“All’s Well That Ends Well”, A 1, S 1).

Содержательная и формальная обособленность в тексте абсолютно автономных афористических высказываний усиливается, если по своей синтаксической структуре они являются сложными предложениями с разными видами связи, что способствует их восприятию как отдельных, самостоятельных текстов. Ср.: First Lord. *How mightily sometimes we make us comforts of our losses!* Second Lord. *And how mightily some other times we drown our gainin tears! The great dignity that his valour hath here acquired for him shall at home be encountered with a shame as ample.* First Lord. *The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together: our virtues would be proud, if our faults whipped them not; and our crimes would despair, if they were not cherished by our virtues.* (Enter Messenger). (“All’s Well That Ends Well”, A 4, S 3).

Абсолютно автономные афористические высказывания сравнительно нечасто используются в литературных произведениях по причине своего ярко выраженного надтекстового характера, поскольку из всех разновидностей вводных афоризмов они наиболее близки к обособленным афоризмам, в которых концентрируются основные свойства афористики как жанровой формы словесного творчества. “Содержательная основа афористики – вся человеческая жизнь в ее конечном итоге и выводе, а не отдельные наблюдение или переживание, поэтому суждения в афористике не входят в конкретные (эпические или лирические) образы событий или настроений, но приобретают самодовлеющий, сверхэмпирический и сверхэмоциональный смысл, свободный от ситуативных и контекстуальных ограничений”<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

Афоризмы, автономность которых в тексте содержательно и/или формально ограничена, можно квалифицировать как относительно автономные. Сами по себе они, как и абсолютно автономные афоризмы, семантически и структурно не зависят от контекста (не видоизменяются при вводе автором в текст), но при своем выделении из текста деформируют его в разной степени, оставляя после себя смысловые лакуны и/или синтаксически незаполненные конструкции.

Относительно автономные афоризмы следует отличать от контекстуально обусловленных афоризмов, которые, по выражению М.Н. Эпштейна, не имеют “прямой и всеобщий смысл”<sup>1</sup>, выражают индивидуализированный взгляд на действительность (принадлежат, как правило, не автору, а персонажу, чьи обобщения носят сугубо частный характер) или применимы только к данной ситуации (вне ее приобретают иной смысл или вообще бессмысленны).

Синтаксически свободные относительно автономные афоризмы вводятся автором в текст так же, как и абсолютно автономные афоризмы, однако в отличие от них содержательно связаны с контекстом. Наличие такой связи маркируется в тексте различными языковыми средствами. В зависимости от расположения в тексте языковых маркеров смысловой связи афоризма с текстом можно выделить три основных способа ввода в текст синтаксически свободных относительно автономных афоризмов: а) в предшествующий контекст (препозитивный), б) в последующий контекст (постпозитивный), в) в обрамляющий контекст (интерпозитивный).

При введении афористического высказывания в предшествующий контекст оно играет роль стержневого умозаключения в рассуждении, и, находясь по отношению к нему в постпозиции, содержательно замыкает его (такой способ ввода афоризма в текст встречается наиболее часто). Ср.: Bene. [*Advancing from the arbour*] <...> *A man loves the meat in his youth that he cannot endure in his age. Shall quips and sentences and these paper bullets of the brain awe a man from the career of his humour? No; the world must be peopled. When I said I would die a bachelor, I did not think I should live till I were married. Here comes Beatrice. By this day! she's a fair lady: I do spy some marks of love in her* (“Much Ado about Nothing”, A 2, S 3). Афоризм *The world must be peopled* включается во внутренний монолог персонажа героя как ответ на предыдущий риторический вопрос, как возражение против ранее высказанной мысли,

<sup>1</sup> Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 43.

которое маркировано отрицательным местоимением *No* с семантикой противопоставления.

Актуализация афоризма в последующем контексте встречается редко и характерна в основном для диалогической формы речи, когда содержание афористического высказывания интерпретируется в речи другого персонажа (афоризм по отношению к содержательно связанному с ним контексту находится в препозиции). Ср.: D. Pedro. *She were an excellent wife for Benedick.* Leon. *O Lord! my lord, if they were but a week married, they would talk themselves mad.* D. Pedro. *Count Claudio, when mean you to go to church?* Claud. *To-morrow, my lord. **Time goes on crutches till love have all his rites.*** Leon. *Not till Monday, my dear son, which is hence a just seven-night; and a time too brief too, to have all things answer my mind.* (“Much Ado about Nothing”, A 2, S 1). Семантика афоризма *Time goes on crutches till love have all his rites* детерминирует содержание следующей за ним реплики, что маркировано в ней употреблением ключевого (несущего основную смысловую нагрузку) для данного афористического высказывания слова *time*.

Введение афоризма в обрамляющий контекст (в интерпозиции) встречается чаще, чем в последующий, и имеет целью, с одной стороны, подытожить сказанное, закончить рассуждение аргументом, который апеллирует к всеобщему знанию, а с другой, создать основу для окончания монолога или дальнейшего рассуждения, а также выступить в качестве стимула для определенной речевой реакции адресата. Ср.: Parolles. *Yet am I thankful: if my heart were great, 'Twould burst at this. Captain I'll be no more; But I will eat and drink, and sleep as soft As captain shall: simply the thing I am Shall make me live. Who knows himself a braggart, Let him fear this, for it will come to pass that every braggart shall be found an ass. Rust, sword? cool, blushes! and, Parolles, live Safest in shame! being fool'd, by foolery thrive! **There's place and means for every man alive. I'll after them.*** (“All's Well That Ends Well”, A 4, S 3). Афоризм *There's place and means for every man alive* резюмирует то, что было сказано выше (при этом рассуждение не утрачивает смысловую целостности при извлечении афоризма из текста), и обуславливает произнесение фразы *I'll after them*, которая содержательно связана только с ним (при этом семантика самого афористического высказывания не детерминирует именно такое продолжение речи).

Синтаксически несвободные относительно автономные афоризмы составляют большинство автономных афористических единиц

и вводятся автором в текст так же, как и абсолютно автономные афоризмы, однако в отличие от них связаны с контекстом содержательно и синтаксически. Содержательная связь с контекстом и способы ввода в текст у синтаксически несвободных относительно автономных афоризмов такие же, как и у синтаксически свободных. Синтаксическая несвобода афоризма проявляется в невозможности его выделения в речи без нарушения ее грамматической структуры (при этом синтаксическая структура самого афоризма остается неизменной).

Синтаксически несвободные афоризмы являются частью сложных предложений с бессоюзной и союзной связью и вступают с другими предикативными частями в сочинительные и подчинительные отношения с различной продуктивностью, которая зависит от способа ввода афоризма в контекст.

Бессоюзная связь между афоризмом и другими предикативными частями сложного предложения встречается меньше, чем союзная, и характеризуется преимущественно сочинительными отношениями, чем подчинительными (которых не зафиксировано ни одного случая).

Чаще афоризм встраивается в сложное предложение при помощи бессоюзной связи в постпозиции. Ср.: Paulina. *I care not: **It is an heretic that makes the fire, Not she which burns in't.** I'll not call you tyrant; But this most cruel usage of your queen, Not able to produce more accusation Than your own weak-hinged fancy, something savours Of tyranny and will ignoble make you, Yea, scandalous to the world.* ("Winter's Tale", A 2, S 3). Сравнительно редко – в препозиции. Ср.: Hector. *Be gone, I say: the gods have heard me swear* Cassandra. **The gods are deaf to hot and peevish vows: They are polluted offerings, more abhorr'd Than spotted livers in the sacrifice.** ("Troilus and Cressida", A 5, S 3).

Так же редко афоризм употребляется в интерпозиции по отношению к другим предикативным частям бессоюзного сложного предложения. Ср.: Luciana. *Perhaps some merchant hath invited him, And from the mart he's somewhere gone to dinner Good sister; let us dine and never fret: **A man is master of his liberty: Time is their master, and, when they see time, They'll go or come: if so, be patient, sister*** ("The Comedy of Errors", A 2, S 1).

Такого рода соотношение способов ввода в текст синтаксически несвободных афоризмов в бессоюзном сложном предложении можно объяснить их близостью синтаксически свободным афоризмам. Обе эти разновидности относительно автономных афоризмов могут без существенных ограничений переходить друг в друга благодаря отсут-

ствию при их употреблении собственно синтаксических средств связи с контекстом (союзов и союзных слов). Формальным показателем взаимной обратимости данных видов афоризмов является совпадение количественных характеристик способов их ввода в текст (наиболее часто в постпозиции, реже в интерпозиции и почти никогда в препозиции к контексту актуализирующему содержание афоризма).

Союзная связь между афоризмом и другими предикативными частями сложного предложения встречается чаще, чем бессоюзная, так же, как и она, характеризуется преимущественно сочинительными отношениями, однако в отличие от бессоюзной связи – большей продуктивностью подчинительных отношений.

Наиболее часто афоризм встраивается в сложное предложение при помощи союзной связи в постпозиции. Ср.: Mrs. Page. *What! have I 'scaped love-letters in the holiday-time of my beauty, and am I now a subject for them? Let me see. Ask me no reason why I love you; **for though Love use Reason for his physician, he admits him not for his counsellor.*** (“The Merry Wives Of Winsdor”, A 2, S 1). При этом подчинительные отношения между частями встречаются только в одном случае.

Гораздо реже – в препозиции. Ср.: Boyet. *Proud of employment, willingly I go. Princess. **All pride is willing pride, and yours is so.*** (“Love’s Labour’s Lost”, A2, S 1). Подчинительные отношения между частями сложного предложения встречаются в два раза реже, чем сочинительные. Ср.: Helena. *I will stand for ‘t a little, though therefore I die a virgin. Parolles. **There’s little can be said in ‘t; ‘tis against the rule of nature. To speak on the part of virginity, is to accuse your mothers; which is most infallible disobedience.*** (“All’s Well That Ends Well”, A 1, S 1).

Еще реже – ввод афоризма в предложение при помощи союзной связи в интерпозиции. При этом преобладают сочинительные отношения между предикативными частями. Ср.: Bertram. *I think she has: certain it is I liked her, And boarded her i’ the wanton way of youth: She knew her distance and did angle for me, Madding my eagerness with her restraint, **As all impediments in fancy’s course Are motives of more fancy; and, in fine, Her infinite cunning, with her modern grace, Subdued me to her rate: she got the ring; And I had that which any inferior might At market-price have bought.*** (“All’s Well That Ends Well”, A 5, S 2). В единичных случаях комбинируются сочинительные и подчинительные отношения. Ср.: Cressida. *Perchance, my lord, I show more craft than love; And fell so roundly to a large confession, To angle for your thoughts: but you are wise,*

*Or else you love not, for to be wise and love Exceeds man's might; that dwells with gods above.* ("Troilus and Cressida", A 3, S 2).

Следует отметить, что при вводе афоризма в интерпозиции к контексту союзной связи в большинстве случаев сопутствует бессоюзная (с различными комбинациями сочинительных и подчинительных отношений между частями). Ср.: Sir Toby Belch. *Approach, Sir Andrew: not to be abed after midnight is to be up betimes; and 'diluculo surgere,' thou know'st.* ("Twelfth Night", A 2, S 3); Biron. *Why, all delights are vain; but that most vain, Which with pain purchased doth inherit pain: As, painfully to pore upon a book To seek the light of truth; while truth the while Doth falsely blind the eyesight of his look: Light seeking light doth light of light beguile: So, ere you find where light in darkness lies, Your light grows dark by losing of your eyes. Study me how to please the eye indeed By fixing it upon a fairer eye, Who dazzling so, that eye shall be his heed And give him light that it was blinded by.* ("Love's Labour's Lost", A 1, S 1).

Близость количественных параметров продуктивности различных способов ввода афоризма в текст при помощи бессоюзной и союзной связи можно объяснить вторичной ролью союзов в синтаксической структуре сложного предложения с афоризмом, которые используются не столько как грамматические средства, сколько в качестве маркеров определенных семантических (смысловых) отношений между предикативными частями. Этим обусловлено и превалирование сочинительных отношений, которых и в бессоюзных, и в союзных предложениях с афоризмами, более чем в десять раз больше, чем подчинительных, требующих обязательного наличия подчинительного союза как главного средства синтаксической связи.

#### § 4. Парадигматические формы афоризма

Афоризм с точки зрения его функциональной структуры принято считать языковой единицей в известном смысле изоморфной слову и фразеологизму, так как афоризмы (пословицы, крылатые изречения и т. п.) также "обладают парадигмами" форм своего употребления в речи, "могут выступать в различных падежах или спрягаться"<sup>1</sup>. Вме-

<sup>1</sup> Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). Москва, 1975. С. 250.

сте с тем, будучи по структурной природе высказываниями, афоризмы способны подвергаться в речи не только морфологическим трансформациям, но и синтаксическим (в самом широком смысле, включая модальные), лексико-грамматическим (например, видоизменению его структурных компонентов), а в некоторых случаях даже фонетическим (как правило, основанным на каламбуре), иными словами, так называемому “перифразированию”. Результатом последнего может стать как фактическое исчезновение афоризма в данном контексте, когда распознавание его изначальной формы оказывается нерелевантным в пределах собственно языковой структуризации, так и появление нового афоризма, “заведомо не синонимичного первоначальному”<sup>1</sup>. При этом понятие “перифразирование” не совпадает с представлением о парадигме афоризма, а скорее поглощает его, определяя всё множество (и многообразие) модификаций афоризма в речи.

Ниже в самом общем виде будут выделены и описаны структурные формы афоризма в тексте как система, детерминирующая все возможные контекстуально-речевые трансформации афоризмов на уровне диктума высказывания (в смысле Ш. Балли). Основой семиологической релевантности такого описания является гипотеза о том, что индивидуально-авторские (окказиональные по отношению к афористическому составу языка), или “речевые” афоризмы изоморфны по структуре и способам функционирования узואльным (“языковым”) и также “обладают парадигмами”, с той разницей, что если само функционирование афоризмов как единиц языка (поговорок, крылатых изречений и т. п.) обусловлено прежде всего наличием некоей общей для каждого из них реально действующей системы парадигматических форм, то для окказиональных та или иная трансформация афоризма (абстрагируясь от ее контекстуального происхождения) оказывается единственно возможной формой его существования (реализации) в речи вообще.

Так, преимущественно в парадигматических формах употребляется индивидуально-авторская афористика в романе Андрея Платонова “Чевенгур” (1927–1930), язык которого является одним из самых “афористичных” (насыщенных афоризмами) в русской классической прозе.

Среди различного рода трансформаций структуры афористических высказываний в романе можно выделить следующие их основ-

---

<sup>1</sup> Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики (1985–1987). – Москва, 1989. С. 197.

ные типы (которые можно рассматривать как парадигматические формы афоризма).

1. Склонение афоризма по образцу склонения именных компонентов афористического высказывания, что нередко сопровождается синтаксическим свертыванием афоризма в непредикативную единицу (импликацией афористического предиката). Ср.: *Кругом был внешний мир, а прочий ребенок [нищих бродяг. – Е.И.] лежал посреди него и плакал, сопротивляясь этим **первому горю, которое останется незабвенным на всю жизнь**, – навеки утраченной теплоте матери* ⇐ *Первое горе остается незабвенным на всю жизнь*. Или: *Он [Дванов. – Е.И.] испугался погибнуть в больших теплых руках деревни, задохнуться в овчинном воздухе **смирных людей, побеждающих врага не яростью, а навалом*** ⇐ *Смирные люди побеждают врага не яростью, а навалом*.

2. С п р я ж е н и е афоризма по парадигматическому изменению формы глагольного компонента афористического высказывания (главным образом, видо-временные и модально-временные формы). Ср.: *Бог отказался от каши. “Что мне делать с ней, – сказал он, – если съем, то **навсегда все равно не наемся**”* ⇐ *Навсегда все равно не наешься*. Или: *Казенные тексты почтарь сразу откладывал — все вперед знали их смысл. Больше всего читатели поучались письмами, проходившими через Петропавловск транзитом: **неизвестные люди писали печально и интересно*** ⇐ *Неизвестные люди писали печально и интересно*.

3. П а р ц е л л я ц и я афоризма (своего рода аналитическая форма плана выражения афористической мысли), при которой парцеллируемые сегменты афористической фразы могут быть разнесены в речи достаточно далеко, но, присутствуя в мысли говорящего (слушающего), легко структурируются в одно целое, будучи всегда ограниченными синтагматическим пространством сложного синтаксического целого, периода или диалогического единства. Ср.: *Но Копенкина и в старое время не брала **водка**; он ее не пил сознательно, как **бесцельный для чувства напиток*** ⇐ *Водка – бесцельный для чувства напиток*.

Конструктивно афоризм принято считать единым по авторству высказыванием, но в структуре речевого акта афористические фразы нередко распределяются (парцеллируются) в репликах двух (или более) субъектов речи, при этом межрепликовая цельность афоризма, как правило, маркируется контактной позицией парцеллятов (а также специальными словами-связками, интонацией и др.). Ср.: [Мрачинский:]

– Сколько раз я тебе говорил, что отряд не банда, а **анархия!** – **Мать жизни, свободы и порядка!** – сказал лежачий Дванов ⇐ *Анархия – мать жизни, свободы и порядка.*

4. И н в е р с и я афоризма, в большинстве случаев представляющая собой эмфатическую перестановку предикативных компонентов афористического высказывания. Ср.: [Чепурный:] – *Через восемь дней в губернии состоится партконференция, и туда зовут от нас делегата, который должен быть председателем местной власти...* – *Поезжай, Чепурный, чего ж тут обсуждать,* – сказал Жеев. – **Обсуждать нечего, раз предписано,** – указал Прокофий ⇐ *Раз предписано – обсуждать нечего.* Или: *Ему ништо нипочем: сволочь-человек!* – оценил Копенкин собеседника ⇐ *Человек – сволочь.*

Инверсирование предикативных компонентов афористического высказывания обычно не влияет на его синтаксический статус, исключая афоризмы определенной структуры типа *Человек – дрянь* (Н.В. Гоголь) – ср.: *дрянь-человек.*

5. Э л л и п с и с в составе афоризма, обусловленный либо элиминацией тавтологических повторов в контексте, либо индивидуально-речевой экономией лексических и фразеологических средств языка. Ср.: *Все партии помещались в одном казенном доме, и каждая считала себя лучше всех* ⇐ *Каждая партия считает себя лучше всех.* Или: *Никита утром еле нашел его и сначала решил, что он мертв, потому что Дванов спал с неподвижной сплошной улыбкой. Но это казалось оттого, что неулыбающиеся глаза Дванова были закрыты. Никита смутно знал, что у живого лицо полностью не смеется: что-нибудь в нем всегда остается печальным – либо глаза, либо рот* ⇐ *У живого человека лицо полностью не смеется: что-нибудь в нем всегда остается печальным – либо глаза, либо рот.*

6. С у б с т и т у ц и я лексико-грамматических компонентов афоризма, которая может быть прономинальной (контекстуальной или ситуативной) или лексико-фразеологической. Ср.: *Ел он мало, и Мавра Фетисовна смирилась с сиротой. – Ешь, ешь, родимый, – говорила она, – у нас не возьмешь, у других не схватишь...* ⇐ *У своих не возьмешь – у других не схватишь.* Или: *Но у Захара Павловича уже не было такой самозарастающей силы жизни: он был стар, а этот возраст нежен и обнажен для гибели наравне с детством* ⇐ *Старческий возраст нежен и обнажен для гибели наравне с детством.* Или: *Всю ночь он [Дванов. – Е.И.] видел сны, которые переживаешь глубже*

*жизни и поэтому не запоминаешь* ⇐ *Сны переживаешь глубже жизни и поэтому не запоминаешь.* Или: *Чепурный не боялся, что у Прокофия очутилось много добра: к пролетарию оно не пристанет* ⇐ *К пролетарию добро не пристанет.* Или: *И-и, сынок, ты их только слушай! – заплетничала мать. – Она тебе и скажет, и подвернется – все под стать, а женишься – спать не с кем: кости да кожа, а на шее рожка* ⇐ *Женица тебе и скажет, и подвернется – все под стать, а женишься – спать не с кем: кости да кожа, а на шее рожка.* Или: *“Может быть, не это было детством, а то волнение ребенка, когда у него есть живая мать и летний воздух пахнет ее подолом; в то восходящее время, действительно, все старики – загадочные люди, потому что у них умерли матери, а они живут и не плачут* ⇐ *В детстве все старики – загадочные люди, потому что у них умерли матери, а они живут и не плачут.*

Широкая структурно-семантическая валентность афористических высказываний, позволяющая им функционировать в любом контексте, предполагает комбинирование типов их структурных трансформаций в речи.

Наиболее типичными сочетаниями структурных преобразований афоризмов в речи являются следующие.

1. Склонение + парцелляция афоризма, ср.: *Мне [Алексею Алексеевичу. – Е.И.] о кооперации хочется вкратце сказать... Читали, товарищ Чепурный, про нравственный путь к социализму?..* ⇐ *Кооперация – нравственный путь к социализму.*

2. Спряжение + парцелляция афоризма, ср.: *И все люди у гроба тоже заплакали от жалости к мальчику и от того преждевременного сочувствия самим себе, что каждому придется умереть* и так же *быть оплаканным* ⇐ *Люди у гроба плачут от того преждевременного сочувствия самим себе, что каждому придется умереть.*

3. Парцелляция + инверсия афоризма, ср.: *Утром пришли четыре пожилых мужика и начали жаловаться: все власти их оставили, жить стало жутко. – Нам бы хоть кого-нибудь, – просили крестьяне. – А то мы тут на отшибе живем – сосед соседа задушит. Разве ж можно без власти: ветер без начала не подует, а мы без причины живем* ⇐ *Без власти сосед соседа задушит.*

4. Инверсия + склонение афоризма, ср.: *В следующие годы Захар Павлович все более приходил в упадок. Чтобы не умереть одному, он завел себе невеселую подругу – жену Дарью Степановну* ⇐ *Жена – невеселая подруга.*

5. Инверсия + спряжение афоризма, ср.: *Скука утомления сушила его [Дванова. – Е.И.] внутренности, трение тела совершалось туже – без влаги мысленной фантазии* ⇐ *Без влаги мысленной фантазии трение тела совершается туже.*

Следует отметить, что эллипсис и субституция крайне редко комбинируются с другими типами структурных трансформаций афоризма.

Описание взаимосвязи и взаимовлияния различных типов трансформаций афоризма в речи представляется весьма актуальным, поскольку позволит выявить критерии их структуризации в строгую систему парадигм.

### **Контрольные вопросы и задания**

1. Дайте определение понятию “афористический текст”?
2. В чем различие афоризма как текста и как микротекста в составе текста?
3. В какой степени содержание афоризма-микротекста зависит от содержания того текста, составной частью которого он является?
4. Что такое афористический стиль?
5. В чем состоит сущность афоризации текста? Какие есть способы афоризации?
6. Какие афоризмы-микротексты относятся к автономным? Какие есть разновидности автономных афоризмов?
7. С помощью каких синтаксических средств относительно автономные афоризмы вводятся в текст?
8. Приведите примеры синтаксически несвободных относительно автономных афоризмов.
9. Какие формы афоризма называются парадигматическими?
10. В чем заключается изоморфность парадигматических форм языковых и речевых афоризмов?
11. Назовите основные трансформации структуры афоризмов-микротекстов в тексте?
12. Приведите примеры различных парадигматических форм речевых афоризмов.
13. Какие сочетания структурных трансформаций афоризмов в тексте наиболее продуктивны?
14. В чем заключается отличие структурной трансформации как способа ввода в текст и как способа выделения афоризма из текста?

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

### Учебная литература

Иванов, Е. Е. Языковая природа афоризма : очерки и извлечения : пособие / авт.-сост. Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2001. – 440 с.

Иванов, Е. Е. Антипословицы рунета : типология и словарь : [учеб. пособие] / Е. Е. Иванов ; ред. С.А. Важник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 72 с. – (Серия “Лекции по Интернет-лингвистике”. Вып. 3).

Іваноў, Я. Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа “Новая зямля”) : лексікаграфічны аспект : дапаможнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 84 с.

### Научная литература

Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с. – (Новыя гуманітарныя веды).

Королькова, А. В. Русская афористика / А. В. Королькова. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.

Кулишкіна, О. Н. Русская афористика первой половины XIX века / О. Н. Кулишкіна. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. – 118 с.

Кулишкіна, О. Н. Русский афоризм XIX – начала XX вв. : история жанра (от Пушкина до Розанова) / О. Н. Кулишкіна. – Санкт-Петербург : СПбГУД, 2009. – 223 с.

Паремиология в дискурсе : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / В. М. Мокиенко, Т. Г. Бочина, Е. Е. Иванов [и др.] ; под ред. О. В. Ломакиной. – Москва : URSS : Ленанд, 2015. – 304 с.

Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 236 с.

Семененко, И. И. Афоризмы Конфуция / И. И. Семененко. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 302 с.

Таранов, П. С. Формулы смысла : неожиданные ракурсы афористики / П. С. Таранов. – Москва : Гранд-Фаир, 1998. – 493 с.

Федоренко, Н. Т. Меткость слова (афористика как жанр словесного искусства) / Н. Т. Федоренко. – Москва : Современник, 1975. – 255 с.

Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – Москва : Наука, 1990. – 419 с.

Шарапов, И. П. Теория афористики / И. П. Шарапов. – Москва : [Б. и.], 1996. – 36 с.

Der Aphorismus : zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung / Hrsg. von G. Neumann. – Darmstadt : Verlag Wiss. Buchges, 1976. – VI, 509 S. – (Wege der Forschung. Bd. 356).

Neumann, G. Ideenparadiese. Untersuchungen zur Aphoristik bei Lichtenberg, Novalis, Friedrich Schlegel und Goethe / G. Neumann. – München : Verlag Wilhelm Fink, 1976. – 863 S.

Smith, L. P. Introduction / L. P. Smith // A Treasury of English Aphorisms / ed., with an introd., by L. P. Smith. – London : Constable, 1947. – P. 1–50.

### Справочная литература

Афоризмы старого Китая / сост., пер., вступ. статья и коммент. В. В. Маливина. – Москва : Астрель : АСТ, 2004. – 415 с. – (Китайская классика : новые переводы, новый взгляд).

Большая книга афоризмов : самая современная антология афоризмов на русском языке : 2500 авторов от царя Соломона до Станислава Лема : 10 000 афоризмов / по русск. и иностр. источникам сост. К. В. Душенко. – 7-е изд., испр. – Москва : Эксмо, 2002. – 1056 с.

Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.

Гаўрош, Н.В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н.В. Гаўрош, Н.М. Няшковіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 2012. – 638 с.

Иванов, Е. Е. Английские пословицы : из литературы и в литературе : этимология, функционирование, варианты = English Proverbs : from Literary Texts, in Literary Texts : Etymology, Operation, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская ; на англ. языке. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 84 с.

Иванов, Е. Е. Словарь афоризмов и цитат из польской литературы XVI – XX веков = Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku : для изучающих польск. язык как иностр. / Е. Е. Иванов [и др.] ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2005. – 104 с.

Иваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове : з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.

Королькова, А. В. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – Москва : Русский язык – Медиа, 2005. – 627 с.

Леванок, А.Я. Майстры кажучь... : беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі : [слоўнік афарызмаў] / А.Я. Леванок. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2010. – 161 с.

Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Мудрые мысли на все времена : антология афоризма от Средневековья до Просвещения / [сост.: И. И. Комарова, А. П. Кондрашов]. – Москва : Рипол классик, 2008. – 702 с. – (Великие мысли великих людей).

Мудрые мысли на все времена : антология афоризма Древнего мира / [сост. А. П. Кондрашов]. – Москва : Рипол классик, 2008. – 479 с. – (Великие мысли великих людей).

Мудрые мысли на все времена : антология современного афоризма : XIX–XX вв. / сост.: И. И. Комарова, А. П. Кондрашов. – Москва : Рипол классик, 2007. – 736 с. – (Великие мысли великих людей).

Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад., сістэма тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 559 с. ; Кн. 2. – 616 с.

Раков, Ю. А. Сокровища античной и библейской мудрости : происхождение афоризмов и образных выражений / Ю. А. Раков. – Санкт-Петербург : Паритет, 2007. – 351 с.

Янкоўскі, Ф. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.

A Treasury of English Aphorisms / ed., with an introd., by L. P. Smith. – London : Constable, 1947. – VIII, 262 p.

Mieder, W. Twisted Wisdom : Modern Anti-Proverbs / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Burlington : The University of Vermont, 2002. – 260 p.

Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich : T. I–IV / red. J. Krzyżanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978. – T. 1 : A–J. – 1969. – 881 s. ; T. 2 : K–P. – 1970. – 1165 s. ; T. 3 : R–Ż. – 1972. – 996 s. ; T. 4 : Wstęp. Bibliografia. Słownik wyrazów staropolskich, gwarowych i obcych. Indeks hasel pomocniczych. – 1978. – 627 s.

Ridout, R. English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. – London : Pan Books, 1969. – 223 p.

Żądło i miód mądrości : antologia aforyzmu polskiego / wybrał i posłowie napisał K. Orzechowski. – Wrocław : Ossolineum, 1990. – 185 s.

# СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	3
Глава 1. РАЗНОВИДНОСТИ АФОРИЗМА КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА .....	9
§ 1. Афоризмы как литературные произведения .....	10
§ 2. Изречения-афоризмы в литературных текстах .....	18
§ 3. Афористические формулировки научных истин .....	22
§ 4. Юридические формулы-афоризмы .....	23
§ 5. Афористические тексты массовой коммуникации .....	24
§ 6. Обиходно-бытовые афористические умозаключения .....	26
§ 7. Афоризмы-паремии .....	28
Глава 2. ПАРОДИИ НА АФОРИЗМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР .....	33
§ 1. Антиафоризмы .....	33
§ 2. Антипословицы .....	36
§ 3. Антицитаты .....	42
Глава 3. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИЗМА КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА .....	47
§ 1. Научно-философское понимание афоризмов .....	47
§ 2. Философско-литературное понимание афоризмов .....	52
§ 3. Литературно-публицистическое понимание афоризмов .....	54
§ 4. Литературно-художественный взгляд на афоризмы .....	56
§ 5. Поэтико-риторическое понимание афоризмов .....	58
Глава 4. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИЗМА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ .....	61
§ 1. Из истории лингвистического изучения афоризма .....	62
§ 2. Направления лингвистического изучения афоризма .....	64
§ 3. Проблемы описания языковой природы афоризма .....	67
§ 4. Предмет и задачи лингвистической афористики .....	70

Глава 5.

**ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ... 74**

- § 1. Литературоведческие классификации афоризмов ..... 74
- § 2. Лингвистическая классификация афоризмов ..... 77
- § 3. Предметно-тематические классификации афоризмов ..... 79
- § 4. Проблемы систематизации афористического материала ..... 81

Глава 6.

**ОСНОВНЫЕ КЛАССЫ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ..... 93**

- § 1. Прецедентные и непрецедентные афоризмы ..... 93
- § 2. Рекуррентные и нерекуррентные афоризмы ..... 96
- § 3. Индивидуально-речевые и общезыковые афоризмы ..... 100
- § 4. Крылатые афоризмы и афористические поговорки ..... 106
- § 5. Идиоматические и неидиоматические афоризмы ..... 109
- § 6. Функциональная динамика основных классов афоризмов ..... 112

Глава 7.

**СЕМАНТИКА АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ..... 115**

- § 1. Критерии семантической дифференциации афоризмов ..... 118
- § 2. Номологические афоризмы ..... 119
- § 3. Директивные и декларативные афоризмы ..... 120
- § 4. Грегориические афоризмы ..... 122
- § 5. Парадоксальные афоризмы ..... 124
- § 6. Основные семантические типы афоризмов ..... 126

Глава 8.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ... 128**

- § 1. Афоризм как текст и как компонент текста ..... 128
- § 2. Афоризация речи и афористический стиль ..... 134
- § 3. Автономность афоризма в тексте ..... 137
- § 4. Парадигматические формы афоризма ..... 144

**РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ..... 150**